

**САМАРСКИЙ
ПОЛИТЕХ**
Опорный университет

ISSN 2658-7750 (Print)
ISSN 2782-4268 (Online)

<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

ВЕСТНИК

Самарского государственного
технического университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

VESTNIK

of Samara State
Technical University

Series "PHILOSOPHY"

Том
Volume **7**

№
No. **4**

2025

ВЕСТНИК

Самарского государственного технического университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2025

Том 7

№ 4

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия,
свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Адрес издателя и редакции:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru

Тел.: +7 (846) 339-14-95

Распространяется по подписке:

Подписной индекс в каталоге

«Пресса России» – И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 11,64.

Тираж 500 экз. Цена свободная

Редактор *Т.Г. Воробьева*

Компьютерная верстка *Н.А. Козырева*

Рег. № 202/25

Отпечатано в типографии Самарского
государственного технического
университета. 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8
Заказ № 13

Подписано в печать 23.01.26

Выход в свет 10.02.26

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2025

© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф.
(Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Мальшиев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

И.С. Панин, старший преподаватель (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев – д-р филос. наук (Уральск, Республика Казахстан)

И.И. Докучаев – д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия)

В.В. Костецкий – д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.И. Кудашов – д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)

А.Ф. Кудряшев – д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)

В.И. Миськевич – канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика
Беларусь)

В.П. Филатов – д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Л.М. Фридман – д-р техн. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков – д-р филос. наук, проф. (главный редактор)
(Самара, Россия)

Е.В. Бакиштова – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

Б.Л. Губман – д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)

И.В. Дёмин – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.Б. Мальшиев – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.Ю. Нестеров – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.А. Нехамкин – д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Э.А. Тайсина – д-р филос. наук, проф. (Казань, Россия)

В.Т. Фаритов – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.А. Хамидов – д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика
Казахстан)

М. Чарноцкая – Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)

М.В. Юсупова – Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

М. Накамура – Ph.D. Prof. (Осака, Япония)

М.Р. Диско-Шуман – канд. филос. наук, доц. (Минск,
Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

2025

Volume 7

No. 4

Series "PHILOSOPHY"

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University
Registered in the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation
E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Tel.: +7 (846) 339-14-95

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian Post"
service with index **И 41340**

Editor *T.G. Vorobyova*
Computer layout *N.A. Kozyreva*

© Samara State Technical University, 2025

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

I.S. Panin, Senior Lecturer (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)

I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)

V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)

L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara, Russia)

E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)

I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)

E.A. Taysina, Dr. of Sciences, Prof. (Kazan, Russia)

V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Khamidov, Dr. of Sciences, Prof. (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)

M.V. Yusupova, Ph. D. (Lancaster, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)

M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

© Authors, 2025

© Samara State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

Ритуализация медиапотребления как элемент конструирования культурной идентичности.....	5
<i>Криволап А.Д.</i>	
Философия ответственности и свободы в образовании: взгляд на школу А. Нилла	14
<i>Рагойша А.И.</i>	
Экзистенциальная фокусировка русской идентичности: три шага к самому себе	22
<i>Фатенков А.Н.</i>	

■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

От «накопления» к навигации: как научные сообщества адаптируются к фрагментированной эпистемологии.....	31
<i>Бацанова С.В., Храмова М.А.</i>	
Научная школа и этическая регуляция исследовательской деятельности.....	40
<i>Беляев И.А.</i>	
Каркас бытия с точки зрения системы координат мира на основе предельных динамических равновесий	50
<i>Кожевников Н.Н., Данилова В.С.</i>	
Нейроинтерфейсы как инструмент трансформации «феноменального тела»: от инкарнации к экскорпорации	63
<i>Кузнецов А.В., Дунаев Р.А.</i>	
Organoid concept of technology.....	70
<i>Loiko A.I.</i>	
Амбивалентность нейроэтики: между этикой нейронауки и нейронаукой этики	78
<i>Пак Г.С.</i>	

■ ФИЛОСОФЫ РОССИИ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Подход В.Н. Борисова к изучению рефлексии в научном познании.....	88
<i>Кускова С.М.</i>	
К вопросу об интерпретации эмпиризма Ф. Бэкона и трансцендентализма И. Канта в антрополоконсерватизме В.А. Кутырёва.....	97
<i>Филатов Т.В.</i>	

■ ТРИБУНА АСПИРАНТА

Механизмы формирования и последствия гендерных стереотипов	106
<i>Бондарева М.Н.</i>	
Проблематика и понятийный аппарат философии образования.....	118
<i>Гурьянов А.В.</i>	
Наши авторы.....	127
Правила представления авторами рукописей в журнал «Вестник СамГТУ». Серия «Философия»	129

CONTENTS

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

- Ritualization of media consumption as an element of constructing cultural identity.....6
Krivolap A.D.
- The philosophy of responsibility and freedom in education: a look at the school of A. Neill 14
Ragoisha A.I.
- The existential focus of Russian identity: three steps to yourself.....23
Fatenkov A.N.

■ PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

- From "accumulation" to navigation: how scientific communities adapt to fragmented epistemology.....31
Batsanova S.V., Khramova M.A.
- The scientific school and the ethical regulation of research activity 40
Belyaev I.A.
- The framework of being from the point of view of the world coordinate system
based on limit dynamic equilibriums 51
Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.
- Neural interfaces as a tool for the transformation of the "phenomenal body": from embodiment to excorporation..... 64
Kuznetsov A.V., Dunaev R.A.
- Organoid concept of technology.....70
Loiko A.I.
- Neuroethics ambivalence: between neuroscience ethics and neuroscience ethics 79
Pak G.S.

■ PHILOSOPHERS OF RUSSIA: LIFE AND WORKS

- Borisov's approach to the study of reflection in scientific cognition 88
Kuskova S.M.
- To the question of interpretation of F. Bacon's empiricism and I. Kant's transcendentalism
in V.A. Kutyrev's anthroproconservatism 98
Filatov T.V.

■ GRADUATE STUDENT TRIBUNE

- Mechanisms of formation and consequences of gender stereotypes 107
Bondareva M.N.
- Problematics and conceptual framework of philosophy of education 119
Guryanov A.V.
- Our authors 127
- Requirements for manuscript submission to the journal "Vestnik SamSTU. Series: Philosophy" by authors 129

УДК 008 316.7

РИТУАЛИЗАЦИЯ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.Д. Криволап

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 30.10.25

В окончательном варианте: 21.11.25

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена медиапотребления как практики конструирования культурной идентичности. В качестве теоретической основы используются концепции, созданные в рамках культурной антропологии и социологии, представленные в работах таких исследователей, как С. Коттл, Н. Коулдри, Б. Ларсен, С. Люкс, Т. Трилло, Т. Тафт, Э. Фромм, Ф. Элиот. В статье приводится авторская интерпретация возможностей использования медиапотребления как ритуальной практики формирования культурной идентичности. Цель статьи – обосновать возможности интерпретации медиапотребления как специфической формы ритуальной практики, которая пригодна для конструирования культурной идентичности. Ритуальное потребление медиа проявляется через практику. Культурная идентичность создается посредством ритуалов, а трансформация ритуалов неизбежно ведет к трансформации идентичности. Ритуальные практики потребления медиа – это перформативные феномены, которые служат для поддержания и мобилизации коллективных чувств и солидарности, основанные на символизации и конвенциях относительно социальной реальности. Концепция медиаритуалов подчеркивает конструктивистский характер существующей социальной реальности и специфическое место медиа в ней. Медиаритуал затрагивает проблему понимания социального пространства, а также создания соответствующих рамок для понимания контекста. В контексте новых медиа ритуализация медиапотребления переводит этот процесс на следующий уровень, когда ритуал и невроз могут быть неразличимы для стороннего наблюдателя. Внешне проявление обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР) может быть похоже на ритуальное действие. Появление новых коммуникационных технологий неизбежно приводит к формированию новых ритуальных практик взаимодействия между людьми. Лайки, подписки, репосты бессмысленны и невозможны без технологий новых медиа. Это могут быть как новые ритуальные действия, так и новые проявления неврозов при ОКР. Ритуал относится к идентичности на повседневном уровне, когда индивидуальные действия обретают коллективное или социальное измерение. Ритуальная практика рассматривается как элемент формирования культурной идентичности и чувства принадлежности к соответствующей культуре. Некоторые устаревшие ритуальные формы легко адаптируются в новых условиях социальных сетей, что создает возможности для актуализации архаичных практик.

Ключевые слова: культурная идентичность, ритуал, практика, медиапотребление, новые медиа.

RITUALIZATION OF MEDIA CONSUMPTION AS AN ELEMENT OF CONSTRUCTING CULTURAL IDENTITY

A.D. Krivolap

Belarusian State University of Culture and Arts,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 30.10.25

Revision submitted: 21.11.25

Abstract. The article examines the phenomenon of media consumption as a practice of constructing cultural identity. The theoretical basis is based on concepts developed within the framework of cultural anthropology and sociology, presented in the works of such researchers as S. Cottle, N. Couldry, B. Larsen, S. Lux, T. Trillo, T. Taft, E. Fromm, F. Eliot. The article presents the author's interpretation of the possibilities of using media consumption as a ritual practice of forming cultural identity. The purpose of the article is to substantiate the possibilities of interpreting media consumption as a specific form of ritual practice that is suitable for constructing cultural identity. Ritual consumption of media is manifested through practice. Cultural identity is created through rituals, and the transformation of rituals inevitably leads to the transformation of identity. Ritual practices of media consumption are performative phenomena that serve to maintain and mobilize collective feelings and solidarity, based on symbolization and conventions regarding social reality. The concept of media rituals emphasizes the constructivist nature of the existing social reality and the specific place of media in it. Media ritual addresses the problem of understanding social space and creating appropriate frameworks for understanding context. In the context of new media, the ritualization of media consumption takes this process to the next level, where ritual and neurosis may be indistinguishable to an outside observer. Outwardly, the manifestation of obsessive-compulsive disorder (OCD) can resemble a ritualistic action. The emergence of new communication technologies inevitably leads to the formation of new ritualistic practices of interaction between people. Likes, subscriptions, and reposts are meaningless and impossible without new media technologies. These can be both new ritualistic actions and new manifestations of neuroses associated with OCD. Ritual relates to identity on an everyday level, when individual actions acquire a collective or social dimension. Ritual practice is viewed as an element in the formation of cultural identity and a sense of belonging to a given culture. Some outdated ritual forms are easily adapted to the new conditions of social media, creating opportunities for the revitalization of archaic practices.

Keywords: cultural identity, ritual, practice, media consumption, new media.

Изучение ритуалов уже давно является частью исследовательской программы культурной антропологии, в рамках которой созданы классификации и типологии ритуалов. Однако ритуализация новых практик медиапотребления – это относительно новое явление. В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению времени, затрачиваемого на ежедневное потребление медиаконтента. Интерес к новым коммуникативным практикам можно рассматривать как одну из форм поиска себя и собственного Я в условиях меняющегося мира и социокультурных трансформаций.

Возможно, этим можно объяснить внимание, уделяемое культурной антропологией изучению новых форм онлайн-коммуникации и культурных репрезентаций. Одной из центральных категорий культурной антропологии является ритуал как основа построения и дальнейшего развития культуры. И это касается не только религиозных культов, мифологии и верований, но и ритуализации социокультурной жизни в широком смысле. Практики медиапотребления также можно и нужно рассматривать как форму ритуального действия.

Популярность социальных сетей можно объяснить тем, что они предлагают простые механизмы связи и взаимодействия, использующие архаичные практики, связанные с ритуалами. Это одна из новых форм ежедневной ритуализации. Если все, что нужно, – это повторение действия без попытки его критического осмысления.

Цель статьи – обосновать возможности интерпретации медиапотребления как специфической формы ритуальной практики, которая пригодна для конструирования культурной идентичности.

Парадоксально, но в этом случае новые медиа могут стать механизмом актуализации архаичных практик далекого прошлого посредством многочисленных вызовов в социальных сетях. Новейшие телекоммуникационные технологии возвращают нас к практикам архаичных времен. Новые медиа создают новые ритуалы, новые практики взаимодействия, когда даже индивидуализированное, изолированное потребление медиа можно рассматривать как ритуальную социальную практику. С одной стороны, в этом можно увидеть реализацию пророчества М. МакЛюэна относительно «глобальной деревни» с её племенными барабанами в виде глобальных телекоммуникационных сетей. С другой – это способствует появлению новых примеров невротических расстройств и зависимостей, возникающих в процессе использования новых технологий. Чтобы разобраться с этими двумя противоречивыми подходами к пониманию медиапотребления, остановимся на них подробнее.

Изучение медиапотребления как ритуальной практики указывает на необходимость обращения к методам исследования ритуалов. Здесь важно отметить разработки в сфере культурной антропологии и социологии культуры. Предложенный П. Бурдьё метод конструктивистского структурализма может быть эффективен и применительно к изучению ритуалов. «П. Бурдьё изучал прежде всего взаимосвязь между религиозным габитусом и символическим насилием. Его интересовало, как габитус участвует в создании и увековечении неравенства. Однако это понятие оказалось перспективным для исследований религии – не только как средство анализа причин социальной несправедливости. Оно стало отправной точкой для некоторых новых подходов в изучении ритуала и ритуальной деятельности» [8, с. 47]. Это не значит, что медиа рассматриваются как новая религия, скорее практики взаимодействия индивида и медиа могут быть похожими на религиозные практики.

Это может быть заметно на примере «во многом иррационального и отчасти ритуализированного характера потребления новостей. Представители «цифрового»

поколения зачастую обращаются к медийным ресурсам не потому, что испытывают потребность в какой-либо информации, а потому, что это стало для них привычкой – например, начинать или заканчивать свой день просмотром лент социальных сетей, коротать таким образом время в транспорте, ожидать своей очереди и т. д.» [7, с. 430]. «Современное пространство Интернета представляет собой уникальное пространство реализации медиаритуалов, в котором происходит постоянная непрерывная коммуникация, обмен знаками и символами, различение базовых оппозиций, социально-групповая идентификация и солидаризация» [9, с. 135].

Ритуальное потребление медиа. Социальные сети рассматриваются как новое пространство или новый контекст, в котором повторяются знакомые коммуникативные практики. Если в первобытных культурах переход от детства к взрослой жизни происходил посредством ритуалов инициации, то сегодняшние пользователи ищут возможности для условной «инициации» в Интернете. Тут будет уместно упомянуть об исследовании коммуникативных практик в социальных сетях, по результатам которого была предложена типология из 16 ритуалов. Авторы установили, что «некоторые устаревшие ритуальные формы легко переносятся в социальные сети <...>, а иногда новые практики в социальных сетях не имеют явных предшественников среди старых ритуалов» [1, с. 5]. При этом подчеркивается, что ритуалы являются весьма устойчивыми формами социального взаимодействия.

Ритуал – это прежде всего практика. Культурная идентичность создается посредством ритуалов, а трансформация ритуалов неизбежно ведет к трансформации идентичности. Традиционно ритуалы изучались в контексте местных сообществ, технологии массовой коммуникации изменили масштабы проведения ритуалов. На микроуровне – это субкультуры, на макроуровне – практики национальной культуры.

Культурная значимость ритуалов объясняется тем, что их проведение затрагивает социальную сферу, в результате чего любое проявление общественной жизни может быть концептуализировано как особая ритуальная форма. С. Люкс предлагает следующее социологическое определение ритуала – это «регулируемая правилами деятельность символического характера, привлекающая внимание участников к объектам мысли или чувства, которые они считают особенно важными» [2, с. 291].

Позже Ф. Эллиотт предложит два дополнения к приведенной выше дефиниции ритуала. Во-первых, «ритуал сам по себе представляет собой структурированное представление, в котором все участники неравны. Во-вторых, <...> ритуал носит “символический характер” и основан на “предметах мысли или чувства”, имеющих “особое значение”» [3, с. 145].

В качестве рабочего определения ритуальных практик в медиaprостранстве остановимся на определении, которое в свое время предложил С. Коттл: «Опосредованные ритуалы – это эксклюзивные и перформативные медиафеномены, которые служат для поддержания и/или мобилизации коллективных чувств и солидарности, основанные на символизации и конвенциональном понимании того, что и как должно быть» [4, с. 415].

Такое определение медиаритуалов означает необходимость поиска предшествующих практик в шаблонах, категориях и границах, которые действуют повсюду: от комментариев в прессе и журналах до телевизионных выпусков новостей и лайков в социальных сетях. Важность сохранения термина «ритуал» позволяет переосмыслить функционально-когнитивный подход в изучении потребления медиа. Концепция медиаритуалов подчеркивает конструктивистский характер существующей социальной реальности и специфическое место медиа в ней.

Н. Коулдри предлагает три возможных уровня понимания смысла ритуалов: «Ритуал как привычное действие, ритуал как формализованное действие и ритуал как действие (часто, но не обязательно формализованное), связанное с трансцендентальными ценностями» [5, с. 21–22]. Медиаритуал также затрагивает проблему понимания социального пространства, а также создания соответствующих рамок для понимания контекста.

Таким образом, ритуалы – это действия, которые по своей структурированной последовательности могут заменять более широкое и сложное понимание реальности. Этот процесс создания границ понимания в сознании состоит из трех элементов: «1) действий, составляющих ритуалы, структурированные вокруг определенных категорий и/или границ; 2) эти категории указывают или заменяют базовую ценность; 3) эта ценность отражает наше ощущение, что на карту в ритуале поставлено социальное» [5, с. 26].

Фрейминг, или, в нашем случае, создание границ понимания, в контексте ритуалов означает нечто более существенное, чем случайные особенности ритуальных практик. Это влияет на способ категоризации мира, а также на уровни ценностей и иерархии. Потребление медиа – это ритуальная практика. Примером наличия иерархий в сфере медиапотребления может служить процесс ритуализации встреч «селебрити» или лидеров мнений (инфлюенсеров) – от блогеров до звезд TikTok – с обычными пользователями. Ритуализация таких офлайн-мероприятий путем создания границ и ограничений для присоединения к собранию создает те самые барьеры, которые способствуют созданию новых иерархий и тем самым стремятся повысить ценность участия или чувства принадлежности.

Во время ритуала ничего не происходит случайно. Последовательность действий, как и синтаксис в отношении языковой практики, имеет большое значение. Значительная часть ритуалов наполнена звуками, речью, но иногда формулировки лишены содержания, а представляют собой бесконечные повторы. Люди не понимают содержания полученной информации и не стремятся это сделать. В общем, речь идет не об уровнях чтения или интерпретации. В этом смысле медиапотребление не требует критического осмысления и глубокого переосмысления полученной информации от аудитории. Скорее, оно предлагает поучаствовать и присоединиться к этому процессу бесконечного обмена информацией, к той самой бодрейяровской процессии симулякров.

Если медиапотребление рассматривать как ритуальный акт, то необходимо переосмотреть возможное понимание результатов такого взаимодействия. Можно сказать, что «ритуал – это не столько сообщение о социальной реальности, сколько обычное представление, символически отражающее социальные отношения» [3, с. 168]. Это имеет смысл для любой другой ритуальной деятельности.

Оказывается, «ритуал, безусловно, относится к идентичности, чувству и самоощущению в социальном мире не только на рефлексивном уровне, но и на повседневном уровне, где участие в ритуалах незаметно входит в культурный порядок» [6, с. 104], когда индивидуальные действия имеют коллективное или социальное измерение.

Невротизация медиапотребления. В контексте новых медиа ритуализация медиапотребления переводит этот процесс на следующий уровень, когда ритуал и невроз могут быть неразличимы для стороннего наблюдателя.

В XXI веке трудно найти ритуалы, основанные на нашей вере в то, что безупречное исполнение социальных ролей может каким-то сверхъестественным образом повлиять на нашу судьбу и благополучие. Мы хотели бы думать, что магическое

мышление ушло в прошлое, но в то же время существует множество различных обрядов, в которых используются мифологические образы и формы. Церемонии состоят из отдельных ритуалов, могут проходить в медиапространстве или носить исключительно виртуальный характер. Для пояснения подобного подхода необходимо обратиться к наследию Э. Фромма. И хотя тема ритуалов не являлась для него центральной, в различных текстах он периодически обращается к этому термину и успешно кооптирует его в собственную концепцию гуманистической психологии.

Так, в работе «Человек для себя» Э. Фромм обращает внимание на сходство и общие черты ритуала и невроза: «Маниакальная чистоплотность – это еще одно выражение потребности устраниваться от контакта с внешним миром. Вещи за пределами его собственного мира воспринимаются как опасные и “нечистые”; он аннулирует угрожающий контакт путем маниакального омовения, похожего на религиозный ритуал омовения, предписанный после контакта с нечистыми вещами и людьми. Вещи нужно класть не только на надлежащее место, но и в надлежащее время» [10, с. 66].

Далее, исследуя феномены личных религий, Э. Фромм указывает на различия между действиями, которые подчинены неврозу, и теми активностями, которые являются частью ритуальной практики. В работе «Психоанализ и религия» он подчеркивает значимость одного существенного различия между «религиозным поклонением и неврозом, которое ставит его гораздо выше последнего, – оно связано с получением удовольствия от ритуалов» [11, с. 91].

Для психоанализа невротические потребности в ритуальных практиках являются результатом сильных аффектов, которые не являются самоочевидными для пациента и с которыми он справляется, сам того не осознавая, с помощью персональных ритуалов. Таким образом, упомянутое выше маниакальное стремление к ритуальному омовению можно интерпретировать как «нейтрализацию тех разрушений, которые человек неосознанно планирует и которые никак не должны дойти до его сознания. Этот ритуал нужен человеку, чтобы справиться с чувством вины» [11, с. 117].

Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) не является центральной темой данной статьи и рассматривается не с целью постановки экспресс-диагноза обобщенно всем пользователям социальных сетей. Скорее только для того, чтобы провести параллели и аналогии между зависимостью от потребления медиа и синдромом навязчивых состояний. В чем разница между острой необходимостью вымыть руки во время приступа ОКР в маниакальном стремлении к чистоте и потребностью срочно проверить ленту, электронную почту, мессенджер, чтобы не пропустить невероятное по своей важности сообщение? Сам Э. Фромм уклоняется от прямого ответа, предоставляя возможность для интерпретации читателям: «Как мы их назовем: невротическими симптомами или же ритуалами, – зависит от точки зрения» [11, с. 91].

И тут будет уместно привести дефиницию ритуала в данном контексте: «Ритуал – это общее для многих действие, выражающее общие стремления, которые имеют основания в общих ценностях» [11, с. 118]. В то же время ритуалы не обязательно носят иррациональный характер, они могут иметь и рациональное объяснение: «Рациональный ритуал отличается от иррационального прежде всего по функции; он не отвращает подавленные импульсы, но выражает стремления, которые индивид считает ценными. Следовательно, у него нет того навязчиво-вынужденного характера, которым отличается иррациональный ритуал; если последний не выполняется хотя бы раз, подавленное угрожает вырваться, и поэтому любая ошибка порождает сильное беспокойство. Ошибки в выполнении рационального ритуала не имеют

последствий; о невыполнении можно сожалеть, но уж никак его не бояться. Фактически иррациональный ритуал всегда можно распознать по той степени страха, который возникает при любой ошибке в его выполнении» [11, с. 118]. Можно предположить, что все вышеизложенное будет верно и относительно ритуального потребления медиа.

В своем программном тексте «Иметь или быть» Э. Фромм косвенно затрагивает возможности ритуальных действий, когда идет речь о выборе собственного способа существования: «Ничто не объединяет людей так, как общие чувства: восхищение одним и тем же, общие мысли, культурные символы и ритуалы и даже общее горе» [12, с. 179]. И в этом контексте ритуализация взаимодействия с медиа будет выступать в качестве возможности для консолидации и сплочения потребителей. Однако было бы ошибкой даже пытаться построить классификацию конструктивных и деструктивных ритуалов, а затем организовать их массовое распространение и культивацию, поскольку «ритуалы не производятся подобно промышленным товарам. Они зависят от существования подлинных общих ценностей, и только в той мере, в какой такие ценности возникают и становятся частью человеческой реальности, мы можем ожидать появления значимых рациональных ритуалов» [11, с. 119]. Соответственно появление новых коммуникационных технологий неизбежно приводит к рождению новых ритуальных практик взаимодействия между людьми. Лайки, подписки, репосты бессмысленны и невозможны без новых медиатехнологий. Эти действия могут восприниматься как новые ритуальные практики, так и новые проявления неврозов при ОКР.

Заключение. Можно сделать некоторые предварительные выводы относительно применимости концепции ритуализации практик медиапотребления. Нет смысла искать глубокий смысл в содержании вирусных видеороликов TikTok, так как для ритуального потребления наличие смысла не является обязательным.

Участие в онлайн-коммуникации может быть лишено какого-либо глубинного смысла и может быть частью ритуальных действий, направленных на утверждение собственного существования. Ритуальность медиапотребления – это не магический способ общения с высшими силами природы или духами, а просто доказательство собственного существования в медиaprостранстве посредством практики. Это чистые формы практики, которые утверждают подлинность собственного существования, и это непосредственно связано с процессом конструирования культурной идентичности. Культурная идентичность пользователей может конструироваться в процессе структурирования повседневных практик медиапотребления. Если для Р. Декарта доказательством подлинности существования было наличие критического мышления: мыслю, следовательно, существую, – то для потребителей социальных сетей таким доказательством существования может стать перформативная практика медиапотребления: быть онлайн – значит существовать.

Данная статья может рассматриваться как пилотное исследование для вхождения в проблематику изучения медиапотребления как ритуала. Возможным направлением дальнейших исследований может быть изучение различий между индивидуальными и коллективными практиками медиапотребления как способами конструирования культурной идентичности. Также, учитывая потенциал использования теоретического наследия П. Бурдьё, можно отметить важность дальнейшей разработки и осмысления концепции габитуса в его связи с ритуальными действиями, когда необходимость в понимании, как и рефлексии, не является обязательной.

Формирование культурной идентичности является частью индивидуальной практики повседневной жизни и потребления медиакультуры. Практика потребления медиа становится тотальной, создавая все больше возможностей для образования виртуальных гетто и изоляции из-за информационной перегрузки.

Список литературы

1. *Trillo, T.* A typology of social media rituals / T. Trillo, B. Hallinan, L. Shifman // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2022. – Vol. 27. – No. 4. – Pp. 1–11.
2. *Lukes, S.* Political ritual and social integration / S. Lukes // *Sociology*. – 1975. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 289–308.
3. *Elliott, P.* Press performance as political ritual / P. Elliott // *The Sociological Review*. – 1981. – Vol. 29. – No. 1_suppl. – Pp. 141–177.
4. *Cottle, S.* Mediatized rituals: Beyond manufacturing consent / S. Cottle // *Media, Culture & Society*. – 2006. – Vol. 28. – No. 3. – Pp. 411–432.
5. *Couldry, N.* Media rituals: a critical approach / N. Couldry. – London: Routledge, 2005. – 173 p. – ISBN 978-0-203-98660-8.
6. *Larsen, B.S.* Rituals in the modern world: Applying the concept of ritual in media ethnography / B.S. Larsen, T. Tufte // *Global Media Studies*. – Routledge, 2004. – Pp. 90–106. – ISBN 9780203505441.
7. *Казаков, А.А.* Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст / А.А. Казаков // *Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология*. – 2024. – Т. 24. – № 4. – С. 426–434.
8. *Ситников, А.В.* Методы изучения религии в социальной теории П. Бурдьё / А.В. Ситников // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология*. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 38–50.
9. *Фролова, А.С.* Деконструкция медиаритуалов в контексте профессиональной идентичности / А.С. Фролова // *Власть*. – 2018. – № 7. – С. 128–136.
10. *Фромм, Э.* Человек для себя / Э. Фромм. – Москва: Астрель, 2012. – 314 с. – ISBN 978-5-271-41240-0.
11. *Фромм, Э.* Психоанализ и религия / Э. Фромм // *Сумерки богов*. – Москва: Рипол Классик, 1990. – С. 79–122.
12. *Фромм, Э.* Иметь или быть / Э. Фромм. – Москва: АСТ, 2021. – 320 с. – ISBN 978-5-17-094536-8.

References

1. *Trillo T., Hallinan B., Shifman L.* A typology of social media rituals. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2022;27(4):1-11.
2. *Lukes S.* Political ritual and social integration. *Sociology*. 1975;9(2):289-308.
3. *Elliott P.* Press performance as political ritual. *The Sociological Review*. 1981;29(1_suppl.):141-177.
4. *Cottle S.* Mediatized rituals: Beyond manufacturing consent. *Media, Culture & Society*. 2006;28(3):411-432.
5. *Couldry N.* Media rituals: a critical approach. London: Routledge, 2005. 173 p.
6. *Larsen B.S., Tufte T.* Rituals in the modern world: Applying the concept of ritual in media ethnography. *Global Media Studies*. Routledge, 2004. Pp. 90–106.
7. *Kazakov A.A.* Media practices of the "digital" generation: political context. *News of Saratov University. Series: Sociology. Political science*. 2024;24(4):426-434.

8. *Sitnikov A.V.* Methods of studying religion in the social theory of P. Bourdieu. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology.* 2017;17(1):38-50.
9. *Frolova A.S.* Deconstruction of media rituals in the context of professional identity. *Power.* 2018;7:128-136.
10. *Fromm E.* Man for himself. Moscow: Astrel, 2012. 314 p.
11. *Fromm E.* Psychoanalysis and religion. *Twilight of the gods.* Moscow: Ripol Classic, 1990. Pp. 79–122.
12. *Fromm E.* Have or be. Moscow: AST, 2021. 320 p.

Информация об авторе

КРИВОЛАП Алексей Дмитриевич – кандидат культурологии, профессор кафедры культурологии и психолого-педагогических дисциплин Института повышения квалификации и переподготовки кадров Учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», г. Минск, Республика Беларусь; eLibrary SPIN: 5104-5627.
E-mail: email2krivolap@gmail.com

Information about the author

KRIVOLAP Aleksey D. – Candidate of Cultural studies, Professor, Department of Cultural Studies, Psychology, and Pedagogy, Institute of Professional Development and Retraining of Human Resources of the Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 5104-5627.
E-mail: email2krivolap@gmail.com

УДК 371.485

ФИЛОСОФИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ: ВЗГЛЯД НА ШКОЛУ А. НИЛЛА

А.И. Рагойша

Самарский государственный технический университет,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 09.10.25

В окончательном варианте: 29.10.25

Аннотация. В современном философском обсуждении образования вопрос о взаимосвязи свободы и ответственности занимает ключевое место, особенно в контексте гуманистического подхода. В данной статье исследуются философские корни и практическое применение концепции свободы и ответственности в педагогической системе А. Нилла, выдающегося представителя гуманистической педагогики XX века. Анализируя его идеи через призму философских категорий, автор стремится понять их логику и значимость для современного гуманистического образования, а также определить место педагогики Нилла в рамках этической философии. Исследование базируется на предположении, что педагогика Нилла является практической реализацией идеи неразрывной связи свободы и ответственности в развитии личности. Свобода здесь рассматривается не как противоположность ответственности, а как необходимое условие для её возникновения. Ответственность же понимается как внутренний стимул, формирующийся в процессе самосовершенствования.

Ключевые слова: гуманистика, вседозволенность, личность, образование, ответственность, педагогика, свобода.

THE PHILOSOPHY OF RESPONSIBILITY AND FREEDOM IN EDUCATION: A LOOK AT THE SCHOOL OF A. NEILL

A.I. Ragoisha

Samara State Technical University,
Samara, Russia

Original article submitted: 09.10.25

Revision submitted: 29.10.25

Abstract. In the modern philosophical discussion of education, the question of the relationship between freedom and responsibility occupies a key place, especially in the context of a humanistic approach. This work explores the philosophical roots and practical application of the concept of freedom and responsibility in the pedagogical system of A. Neill, an outstanding representative of humanistic pedagogy of the XX century. Analyzing his ideas through the prism of philosophical categories, the author seeks to understand their logic and significance for modern humanistic education, as well as to determine the place of Neill's pedagogy within the framework of ethical philosophy. The research is based on the assumption that Neill's pedagogy is a practical realization of the idea of an inextricable link between freedom and responsibility in personal development. Freedom is seen here not as the opposite of responsibility, but as a necessary condition for its emergence. Responsibility is understood as an internal incentive formed in the process of self-improvement.

Keywords: humanism, permissiveness, personality, education, responsibility, pedagogy, freedom.

Образование – это не только передача знаний или развитие навыков, но и сложный философский процесс, в котором формируются ценностные ориентиры личности, её этическое и личностное самосознание. Важно, чтобы любое образование «...обеспечивало, насколько возможно, свободу творческого экспериментирования, критического мышления и активного решения проблем» [1]. В современную эпоху, когда от человека требуется не только компетентность, но и высокая степень ответственности, вопрос о роли свободы и ответственности в образовании приобретает особую актуальность. Именно эти категории лежат в основе педагогической концепции А. Нилла – одного из ярчайших представителей гуманистической педагогики XX века. Цель исследования – провести анализ концепции свободы и ответственности А. Нилла и определить её значение для становления личности. Для достижения обозначенной цели необходимо провести углубленное изучение философских и педагогических концепций, лежащих в основе теории Нилла. В частности, необходимо рассмотреть его идеи о роли свободы в развитии личности, о значении ответственности как важного компонента самореализации и о способах создания условий для внутреннего роста учеников, а также разобрать педагогические практики, основанные на этих идеях. Важной задачей исследования является сопоставление взглядов А. Нилла и педагогических концепций В.А. Сухомлинского. Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач использовался аксиологический подход, который явился основой исследования.

Л.Н. Толстой утверждал: «Свобода есть необходимое условие всякого истинного образования, как для учащихся, так и учащихся» [2, с. 203]. В педагогике, основанной на гуманистической традиции, свобода и ответственность рассматриваются как неразрывные компоненты личностного развития.

По мнению Д. Гребера, «...нравственность в основном состоит в том, чтобы выполнять обязательства по отношению к другим, и мы упорно представляем эти обязательства как долги» [3, с. 18]. В этом контексте свобода становится неотъемлемым условием формирования ответственности: лишь свободный субъект способен осознать свои действия как этически значимые и взять на себя ответственность за их последствия. Иными словами, педагогика, которая игнорирует эти категории, рискует превратиться в механистическую систему, лишенную гуманистической основы.

А. Нилл в своих педагогических концепциях исходил именно из этих идей. Он полагал, что «несвобода начинается с рождения» [4, с. 80]. Его школа стала экспериментальной платформой для реализации концепций, где свобода представлялась не как полная автономия, а как внутренняя необходимость для личностного роста, сочетающаяся с ответственностью за свои поступки и развитие. Как уточнял Л. Лабади в произведении «Учиться? Чего ради?», «...если бы формальное образование было упразднено, на его месте возникли бы разнообразные форумы и площадки, где люди могли бы собираться и обсуждать волнующие их темы, а с ними и творческие мастерские, в которых они бы могли свободно экспериментировать и опробовать свои теории и идеи, что-нибудь мастерить и т. д.» [5].

В педагогических идеях А. Нилла свобода и ответственность рассматриваются как взаимосвязанные элементы процесса становления свободной и ответственной личности, способной к саморегуляции и внутренней моральной ответственности: «Детям необходимо предоставлять почти неограниченную ответственность» [4, с. 122].

Философия гуманизма, лежащая в основе нилловской педагогики, основывается на предположении о врожденной ценности и достоинстве человека, которые должны быть признаны и развиты в образовательной среде. В этом контексте свобода выступает как основополагающее право и условие для роста личности: «Свобода необходима ребенку потому, что только тогда он может расти естественным образом, т. е. хорошо» [там же, с. 92]. Это утверждение предполагает глубокую веру в внутреннюю природу человека, развитие которой возможно лишь при наличии возможности самостоятельно выбирать свой путь.

Концепция ответственности в системе Нилла связана с понятием внутренней этической позиции – внутреннего долга, который формируется в процессе внутреннего диалога индивида с самим собой.

Нилл считал, что истинная свобода – это способность самостоятельно определять свои ценности и действовать в соответствии с ними, опираясь на собственные убеждения. Он отмечал: «Различие между свободой и вседозволенностью и не могут ухватить многие родители» [там же, 90]. Свобода является обязательным условием для формирования ответственности. А ответственное поведение, в свою очередь, говорит о зрелости личности и её понимании моральных принципов. В этом смысле педагогика Нилла противопоставляется авторитарным и механистическим подходам, где ответственность навязывается извне.

Методы реализации идеи свободы и ответственности

А. Нилл разработал образовательную систему, которая является полной противоположностью традиционным методам, основанным на принуждении и единообразии. Ключевой принцип педагогики Нилла – создание школы, где ценят индивидуальность и стремятся к развитию потенциала каждого ребенка. В школе Нилла уважение к индивидуальности проявлялось в отказе от авторитарности и внедрении принципов равноправия. «Авторитет контролирует всю нашу жизнь с колыбели до гроба – авторитет родительский, церковный и божественный, политический, экономический, социальный, моральный» [6, с. 18].

Эта среда строилась на свободе выбора и самоуправлении. Ученики сами решали, что изучать, как учиться и даже как планировать свой день.

В педагогической системе Нилла ключевую роль играло демократическое самоуправление, ученики были полноправными участниками школьной жизни. Они совместно решали вопросы, касающиеся расписания, организации досуга и установления правил поведения. Такой подход воспитывал в детях чувство ответственности не только за собственные успехи в учебе, но и за общее благополучие школьного коллектива. Педагогический подход Нилла строится на уважении к личности, вере в потенциал ученика и стимулировании его внутренней заинтересованности в обучении. «...Мы не считаем преподавание само по себе очень важным», – писал он [4, с. 12]. Основные инструменты этой системы – предоставление самостоятельности, формирование чувства ответственности через вовлечение в управление школой и равноправное взаимодействие между учителем и учеником. Свобода в понимании А. Нилла – это не просто отсутствие ограничений, а зрелое внутреннее состояние, требующее осознанности и моральной ответственности.

В основе педагогического подхода А. Нилла лежит гуманистическая идея о том, что каждый человек рождается с внутренним достоинством и потенциалом для самореализации, которые необходимо поддерживать и развивать.

В педагогической системе Нилла ученики обладают подлинной свободой и самостоятельно управляют своим образованием, принимая на себя ответственность за свой прогресс. По его мнению, «все награды, оценки и экзамены лишь отвлекают от подлинного развития личности» [там же, с. 28]. Это радикально отличается от традиционного подхода, в рамках которого обучение строится на внешнем контроле и дисциплине, и позволяет создать принципиально новые отношения между учителем и учеником, основанные на взаимном доверии и равноправии.

Свобода, лишенная ответственности, ведёт к хаосу, тогда как ответственность без труда и свободы становится принуждением. Философский анализ показывает, что ответственность в системе Нилла – это внутреннее требование, возникшее в ходе личностного диалога и осмысления собственных действий. В этом плане педагогика Нилла перекликается с идеей, согласно которой человек рассматривается как субъект, способный к самосознанию и саморегуляции. «Наши хорошие манеры вырастают из нашего самоуправления. Потому что каждый из нас постоянно вынужден учитывать точку зрения другого» [там же, с. 153].

В основе философии Нилла лежит представление о личности не как о простом наборе знаний и умений, а как о субъекте, несущем внутреннюю ответственность за свою жизнь и развитие. Эта ответственность не является бременем, возложенным кем-то другим, а скорее исходит изнутри, являясь естественным следствием нашей свободы выбора и понимания того, к чему приводят наши поступки. Именно она служит фундаментом для развития наших моральных принципов и этических убеждений. «Я знаю, что дети медленно учатся тому, что свобода – нечто совершенно отличное от вседозволенности», – отмечал Нилл [там же, с. 222].

Ключевым педагогическим инструментом для формирования ответственности в системе Нилла является внутренний диалог – способ саморефлексии, позволяющий человеку осмыслить свои действия, оценить их с этической точки зрения и принять осознанное решение. Эта идея созвучна феноменологической традиции, где человек рассматривается как существо, способное к внутренней рефлексии. В педагогике Нилла внутренний диалог служит инструментом для формирования этической ответственности и самостоятельности. Внутренний диалог играет важную роль в развитии самосознания, что, в свою очередь, создает условия для внутренней ответственности за личное развитие. В данном процессе ключевую роль играет личностная автономия, которая проявляется через свободный выбор целей, способов их достижения и оценку результатов: «Если воспитание и должно что-то значить, ему следует основываться на свободном росте и развитии врождённых сил и склонностей ребёнка. Только в таком случае мы можем надеяться на свободную личность и, в конечном счете, на свободное общество, в котором вмешиваться в развитие человека и им управлять станет невозможно» [7].

Философия Нилла основана на гуманистических идеях, где центральное место занимают достоинство и внутренний потенциал человека. В этом контексте ответственность рассматривается как проявление уважения к себе и окружающим, как внутреннее стремление к честности и справедливости. «Свободные счастливые дети не склонны быть жестокими» [4, с. 203].

Диалогический подход к воспитанию предполагает развитие ответственности через взаимодействие, основанное на доверии и уважении. На практике это реализуется через создание условий для открытого диалога, совместного поиска решений и принятия ответственности. В то же время «школьная система, например, держится на выдумке, что послушание и исполнительность – главные добродетели...» [там же, с. 118].

По мнению Нилла, ответственность – это не фиксированное качество, а динамический процесс, связанный с развитием внутренней свободы. Свобода здесь рассматривается не как произвол, а как внутренняя способность человека самостоятельно делать выбор и осознавать ответственность за него.

Общие черты и отличительные особенности педагогических концепций А. Нилла и В. Сухомлинского

Сравнивая идеи советского педагога В.А. Сухомлинского и А. Нилла, хочется отметить: несмотря на то, что они были сформулированы в разные исторические периоды и в разных культурных условиях, их взгляды имеют черты сходства. В их педагогике прослеживается стремление к развитию внутренней личности, уважению ее достоинства и стимулированию ответственности. Высказывается мнение о том, что «одарены, талантливы все без исключения дети» [8, с. 166].

В. Сухомлинский развивал идеи, основанные на духовных и нравственных ценностях. Он считал, что школа должна стать местом, где формируется нравственно богатая личность, способная проявлять доброту, сострадание и ответственность перед обществом: «Как важно, чтобы дети научились чувствовать душевное состояние товарища, распознавать чужое горе, переживать его как своё личное» [9, с. 235]. Он подчеркивал, что через любовь, доброту и уважение можно создать атмосферу, в которой ребенок раскроется как личность, способная к нравственному самосовершенствованию. Для Сухомлинского ответственность – это не только выполнение обязанностей, но и проявление нравственной зрелости, понимание своего места в обществе и желание делать добро. «Самое главное, по-моему, в том, чтобы учить ребенка видеть и чувствовать, понимать и переживать всем сердцем, что он живет среди людей и что самая глубокая человеческая радость – жить для людей» [там же, с. 231].

Главная общая черта указанных создателей педагогических систем – это гуманистический подход, предполагающий уважение к внутреннему миру личности, развитие инициативы и ответственности. В обеих концепциях подчеркивается важность педагогической среды, в которой ученик чувствует себя ценным и способным к самостоятельному развитию. И Сухомлинский, и Нилл полагают, что воспитание ответственности – это не просто внешнее навязывание обязанностей, а внутреннее осмысление своей роли и значимости. В их понимании развитие внутренней ответственности – это результат уважения и доверия, а не только выполнение внешних требований. Идеи обоих педагогов ориентированы на то, чтобы ученик сам нашел смысл в учебе, почувствовал ее личную значимость. Внутренняя мотивация у них выступает как ключевой фактор успешного и глубокого обучения, а внешние награды или санкции – лишь вспомогательные инструменты. «Помните, что каждый ребёнок приходит в школу с искренним желанием хорошо учиться», – указывал Сухомлинский [там же, с. 301].

Несмотря на черты сходства, у концепций Нилла и Сухомлинского есть существенные различия, обусловленные их философскими представлениями. В первую очередь это определяется разным пониманием природы свободы и ответственности. В педагогической практике Сухомлинского ответственность связана с нравственными качествами, воспитанными через любовь и доброту: «Добро восторжествует, но истоки торжества добра – в человеке, в нас самих» [10, с. 640]. В его концепции ответственность – это проявление нравственной зрелости, чувство долга и признание своих обязанностей перед близкими, обществом и государством. Он акцентирует внимание на воспитании сердечной ответственности через эмоциональные связи, через личный пример учителя и доброжелательную атмосферу: «В облике своего воспитателя дети должны видеть безграничную преданность умственной жизни, науке» [8, с. 40].

Еще одним важным различием является подход к методам воспитания. Если А. Нилл выступает за диалог, совместное обсуждение, развитие критического мышления и самостоятельности, то В. Сухомлинский делает упор на воспитании через личный пример, эмоциональную поддержку, создание теплой атмосферы, способствующей развитию нравственных качеств. Он писал: «Обстановка, окружающая ребенка, должна материализовать в себе духовные богатства и ценности, созданные, добытые в борьбе за освобождение человека от социального и духовного угнетения» [10, с. 324]. Для Сухомлинского важны такие методы, как рассказы, беседы, воспитание через добрые дела, формирование чувства любви и заботы.

Можно подчеркнуть, что концепции А. Нилла и В. Сухомлинского во многом дополняют друг друга. Первый делает акцент на внутренней свободе, самостоятельности и ответственности, стремясь развивать у ребенка способность к саморегуляции и внутренней мотивации. Второй же подчеркивает важность воспитания через любовь, доброту и эмоциональную близость, которые помогают формировать нравственные ценности и достигать духовной зрелости.

Система Нилла представляет собой уникальное философско-педагогическое явление, в котором внутреннее состояние свободы и ответственности служит основой для становления полноценных личностей. Эта система реализует гуманистические идеи, подчеркивая внутреннюю ценность каждого человека и стимулируя его личный рост. В контексте современного гуманистического образования вопросы ответственности и свободы становятся особенно важными, так как они способствуют развитию внутренней мотивации, этической саморегуляции и гражданской ответственности.

Его педагогика служит значимым ориентиром для современного гуманистического образования, в рамках которого индивид должен становиться активным участником собственного развития, а внутренние ценности – основополагающими факторами его жизненного выбора.

«Я считаю, что приказывать ребенку что-либо сделать – неправильно, – заявлял Нилл. – Ребенок не обязан ничем заниматься, пока не придет к мнению – своему собственному, – что это должно быть сделано. Проклятие человечества – внешнее принуждение, исходит ли оно от папы, государства, учителя или родителей. Всякое принуждение – фашизм» [4, с. 95].

Список литературы

1. Анархизм и образование: сборник трудов // Библиотека анархизма [сайт]. – URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/anarkhizm-i-obrazovanie> (дата обращения: 18.07.2025).
2. Толстой, Л.Н. Антология гуманной педагогики / Л.Н. Толстой. – Москва: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2002. – 224 с. – ISBN 5-89147-009-8.
3. Гребер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Д. Гребер. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 528 с. – ISBN 978-5-91103-206-7.
4. Нилл, А. Саммерхилл: Воспитание свободой / А. Нилл; пер. с англ. – Москва: Педагогика-Пресс, 2000. – 296 с. – ISBN 5-7155-0774-X.
5. Лабади, Л. Учиться? Чего ради? / Л. Лабади // Библиотека анархизма [сайт]. – URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/anarkhizm-i-obrazovanie> (дата обращения: 18.07.2025).
6. Беркман, А. Азбука анархизма / А. Беркман. – 2-е изд. – Москва: Ленанд, 2002. – 200 с. – ISBN 978-5-9710-5888-5.
7. Гольдман, Е. Ребенок и его враги / Е. Гольдман // АКРАТЕΙΑ [сайт]. – URL: <https://akrateia.info/rebenok-i-ego-vragi> (дата обращения: 18.07.2025).
8. Сухомлинский, В.А. Об умственном воспитании / В.А. Сухомлинский; сост. и авт. вступ. ст. М.И. Мухин. – Киев: Рад. школа, 1983. – 224 с.
9. Сухомлинский, В.А. Избранные произведения: в 5 т. / В.А. Сухомлинский, редкол. А.Г. Дзеве́рин (пред.) [и др.]. – Киев: Рад. школа, 1979–1980. – Т. 5. Статьи. – 1980. – 678 с.
10. Сухомлинский, В.А. Избранные произведения: в 5 т. / В.А. Сухомлинский, редкол. А.Г. Дзеве́рин (пред.) [и др.]. – Киев: Рад. школа, 1979. – Т. 3. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. – 1980. – 719 с.

References

1. Anarchism and education. Collection of works. *Library of Anarchism* [site]. Available from: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/anarkhizm-i-obrazovanie> (accessed: 18.07.2025).
2. Tolstoy L.N. Reprint. Moscow: Shalva Amonashvili Publishing House, 2002. 224 p.
3. Graeber D. Debt: the first 5,000 years of history. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 528 p.
4. Neill A. Summerhill: Education by Freedom. Transl. from Engl. Moscow: Pedagogika-Press, 2000. 296 p. ISBN 5-7155-0774-X.
5. Labadie L. Learn? What for? *Library of Anarchism* [site]. Available from: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/anarkhizm-i-obrazovanie> (accessed: 18.07.2025).
6. Berkman A. ABC of Anarchism. 2nd ed. Moscow: Le Nand, 2002. 200 p.
7. Goldman E. Essay Child and his enemies. AKRATEIA [site]. Available from: <https://akrateia.info/rebenok-i-ego-vragi> (accessed: 18.07.2025).
8. Sukhomlinsky V.A. About mental education. Comp. and aut. of entry art. M.I. Mukhin. Kyiv: Rad. shkola, 1983. 224 p.
9. Sukhomlinsky V.A. Selected works: In 5 vol. Dzeverin A.G. [et al.] (eds.). Kyiv: Rad. shkola, 1979–1980. Vol. 5. Articles. 1980. 678 p.
10. Sukhomlinsky V.A. Selected works: In 5 vol. Dzeverin A.G. [et al.] (eds.). Kyiv: Rad. shkola, 1979. Vol. 3. 1980. I give my heart to the children. Birth of a citizen. Letters to son. 719 p.

Информация об авторе

РАГОЙША Александр Игоревич – аспирант кафедры «Машины и оборудование нефтегазовых и химических производств» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 8487-2682. **E-mail:** ragoisha2020@yandex.ru

---

Information about the author

RAGOISHA Aleksandr I. – graduate student, Department of Machines and Equipment for Oil and Gas and Chemical Production, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 8487-2682. **E-mail:** ragoisha2020@yandex.ru

УДК 141.32

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФОКУСИРОВКА РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРИ ШАГА К САМОМУ СЕБЕ

А.Н. Фатенков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России,
г. Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 30.10.25

В окончательном варианте: 04.12.25

Аннотация. Проблема подлинности, даже редуцированная к проблеме идентичности, относится к числу важнейших для человеческой жизни и её осмысления. Сегодня, однако, влиятельны и те социально-антропологические практики и теории, которые пытаются умалить роль устойчивых идентификаций. С особой остротой данная ситуация воспринимается у нас тем поколением, которое со зримыми людскими потерями переключалось из советского общества в постсоветское. Принадлежа к этому поколению, автор ставит перед собой ответственную задачу: подтвердив ценность устойчивой самоидентификации, представить в философском ключе реконструкцию собственного опыта такого рода. В тексте актуализируется экзистенциальный подход к прояснению «красной» версии русской идентичности. Применительно к идентификационной процедуре ограничиваются политические притязания и фиксируется неоднозначность фактора социального. Верой в онтологическую случайность и абсолютизацией её последствий объясняется противоречивость и упрямство русского человека. В качестве методологического подспорья автор использует микст диалектики и герменевтики. Выстраиваемые им рассуждения образуют концептуальную нить, которая может быть названа «пошаговым возвращением к самому себе». Верифицируемость аргументов обеспечивается, насколько таковое возможно, соотношением их с исходными интуициями и с суждениями из цитируемой литературы.

Ключевые слова: экзистенциальная фокусировка, русская идентичность, хроматические смыслы, противоречивость, упрямство, онтологическая случайность.

THE EXISTENTIAL FOCUS OF RUSSIAN IDENTITY: THREE STEPS TO YOURSELF

A.N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Privolzhskiy Research Medical University,
Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 30.10.25

Revision submitted: 04.12.25

Abstract. The problem of authenticity, even when reduced to the problem of identity, is among the most crucial for human life and its understanding. Today, however, socio-anthropological practices and theories that attempt to downplay the role of stable identities are also influential. This situation is particularly acute for the generation that migrated from Soviet to post-Soviet society, with visible human losses. Belonging to this generation, the author sets himself a challenging task: having affirmed the value of stable self-identification, to present a philosophical reconstruction of his own experience of this kind. The existential approach is employed to elucidate the “red” version of Russian identity in the paper. With respect to the identification procedure, the claims of the political factor are limited, and the ambiguity of the social factor is noted. The inconsistency and stubbornness of Russian man are explained by the belief in ontological contingency and the absolutization of its consequences. As a methodological aid, the author uses a blend of dialectics and hermeneutics. The reasoning which is constructed forms a conceptual thread that could be called a “step-by-step return to oneself”. The verifiability of the calculations is ensured, to the extent possible, by correlating them with initial intuitions and with judgments from the cited references.

Keywords: existential focus, Russian identity, chromatic meanings, inconsistency, stubbornness, ontological contingency.

Несколько вступительных строк

Глобальная неустойчивость макромира, дробление физического и психического на элементы, рекламирование «множественного» тела и эвристичности шизоанализа, прократилковский культ перманентной инноватики – всё это ставит человека, не желающего быть ничем и никем, кроме как самим собой, в положение непрерывно оправдывающегося. Оно заведомо проигрышное, если, заиклившись на оправданиях, настроить свою мысль исключительно на реактивную оборонительную волну. Справиться с ситуацией сможет лишь тот, кто не удовлетворится пассивной позицией. Искомая стратегия активной обороны не отменяет, впрочем, того, что для русского человека позднесоветской формации – человека светской культуры с некоторой склонностью к индивидуализму – процедура самоидентификации вольно или невольно пронизана сегодня ностальгическими интонациями. И вдобавок ожидаемо насыщена нетривиальными противоречиями, разрешение которых угадывается в пошаговом возвращении индивида к самому себе.

Исходные интуиции и их дискурсивное обрамление

Шаг первый. Жизнь противоречиями и остаться «красным» – хотя бы из упрямства (хроматические смыслы русской идентичности).

Для меня погружение в русское – опыт внутренний и притом не стерильно духовный; это небеспристрастный опыт, перетекающий в свидетельство (подробнее о нём см. [1]). Истинность свидетельства – в искренности, в верности человека самому себе, а стало быть, и своему началу.

Не предать юность и молодость!.. Все близкие были ещё живы... А надо ли большего?

Флаг тех времён – красный с серпом и молотом. Это не только Знамя Победы в войне с немецко-фашистскими захватчиками (пользуюсь исторически конкретной терминологией), не только стяг революции, но и глубже – символ достоинства трудящегося человека. Коммунистический проект при всей его утопичности воспринимал и продолжаю воспринимать как положительную альтернативу капиталистическим (тем более – с примесью феодализма) реалиям. Кровавые разборки в верхнем эшелоне тогдашней власти, привычно ассоциирующиеся с 1937 годом, постепенно перестали меня интересовать – настолько, что возможный «нулевой вариант» с аннигиляцией противоборствующих политических группировок стал представляться не худшим вариантом. Претензии к годам «великого перелома» (к удару по крестьянству ради ускоренной индустриализации) со временем вылились в «прокронштадтское» противоречие: за Советскую власть, но против колхозного строительства. Однако это засевшее в голове противоречие не перечеркнуло в моём сознании «красной» идейной доминанты: за свободный, вне системы эксплуатации, содержательный труд в обществе с высоким уровнем самоуправления и автономии личности. От свободного развития каждого к свободному развитию всех – аутентично коммунистический путь. В классическом марксизме под «всеми» понимается непременно человечество как таковое. Под русским большевизмом здесь может пониматься и относительно самостоятельная большая общность, входящая в состав человечества.

У цвета, правда, множество оттенков. Поначалу мой флаг был алым – подчёркнуто радостной тональности. Постепенно он багровел – насыщался жизненно-трагедийными смыслами и смыслами почвенническими.

В моём почвенничестве минимум политического – больше социального. И кратно больше интимно-личностного. Никакого умильного отношения к старине: неприглядное родимое пятно крепостничества до сих пор требует вмешательства

концептуального дерматолога. Никакой ряженой народности: кроссовки лучше лаптей и сапог; не верите мне – спросите у офицеров-спецназовцев. Никакого расшаркивания перед клерикалами: если отчасти и влекут религиозные сюжеты, то скорее языческие, связанные с сакрализацией естественности. Никакой «всеотзывчивости» (она из проповеди «розового» христианства): стоит услышать немногих – остальные речения просто сопутствующий шум. Для меня почвенничество – одна из форм чувственно-телесной близости, которая, как и всякая близость такого рода, не требует особой апелляции к духовности и трансцендентности. Те давно близостью сняты, лишены онтологической суверенности. Страдальческим метаниям розановского типа – между сексуальностью и религиозной трансцендентностью – могу только посочувствовать, да и то не всегда.

И вот получается. В сумерки, душевно близкие русскому человеку и привычные для полёта мудрой совы, багровое полотнище непросто уже отличить от чёрного. Того цвета, который на Куликовом поле символизировал единение русских земель и сил, а на рубеже XIX–XX столетий, напротив, ассоциировался с антагонистами – крайне левым (анархизм) и крайне правым (черносотенный монархизм) идейно-политическими течениями пореформенного и предреволюционного российского общества.

«Чернота» анархизма, надо заметить, изрядно преувеличена (как многими его апологетами, так и оппонентами) и приложима – монохромно – исключительно к потугам деклассированных элементов. Остальной массив анархизма комбинированного окраса: чёрно-красного или красно-чёрного. В разгульном анархизме крестьянина, потерявшего терпение и жаждущего скорейшего разрешения земельного вопроса, – больше чёрного цвета. В «безземельном» анархизме горожанина, не чуждого благам прогрессирующей цивилизации и то терпеливо ждущего революционную волну, то спонтанно её поднимающего, – больше красного тона.

Как бы то ни было, являясь антагонистами в плане апологии власти и, соответственно, безвластия, черносотенцы и анархисты сегментарно сходились (да и сейчас, наверное, сходятся) в пунктах критики современного им общества. Впрочем, в пространстве отечественной культуры и жизни с атрибутивно присущими им «карамазовскими» противоречиями схождением крайностей никого не удивить – разве что «человека в футляре», штифтика-столоначальника, регламентированно протирающего брюки в присутственном месте в казённой должности и душашего своей «умеренностью и аккуратностью» всё, выходящее за рамки циркулярных установлений. Хотя не исключено, что и тут противоречивость не изгнана без остатка, что за чиновничьей пристойностью и чопорностью могут скрываться желания и планы похлеще наполеоновских.

Черносотенцы и анархисты-коммунисты, с противоположных флангов выступив против казёнщины и формализма, выказали своим демаршем положительно абсурдную обоюдность и положительно рассудочную несовместность. Положительный абсурд – нетривиальная композиция смысловых фрагментов – актуализирует скрытую (скрываемую) до поры концептуальную грань рассматриваемого предмета. Положительная рассудочность фиксирует максимум возможного из ординарно воспринимаемого человеческим сознанием.

Думаю, уже понятно: ни самодержавие, ни православие – атрибутивные ориентиры черносотенства – меня ничуть не привлекают. Вместе с тем никак не удовлетворяет и идиллически-альтруистическое толкование человеческой сущности

анархокоммунизмом. Но вот намерения идейных «полярников» воспрепятствовать бюрократизации и формализации общественной жизни вызывают симпатию. Приведу и кратко прокомментирую ряд любопытных выдержек из знаковых текстов правого и левого полюсов отечественной мысли тех предреволюционных времён. Речь о политической фантазии С.Ф. Шарапова «Диктатор» (см. [2]) и об известных программных работах П.А. Кропоткина (см. [3]).

«Разросшаяся язва чиновничества и канцелярщины убила в нас истинную свободу, самодостаточность, человеческое достоинство» [2, с. 141]. То, что процитирован черносотенец, догадываешься только по глаголу «убила» – для анархиста свобода неубиенна. Ещё цитата: «...достаточно вспомнить, что “власть” и “злоупотребление властью” идут невольно рука об руку и что между чиновниками неизбежно устанавливается род круговой поруки, которая состоит в том, что они поддерживают друг друга и смотрят сквозь пальцы на то, что они любят называть “печальной необходимостью пользования властью”» [3, с. 519]. Убираем начало фразы про уравнивание власти и злоупотребление ею – и к левацкому выпад сразу присоединится и крайне правый. Схожи шпильки С.Ф. Шарапова и П.А. Кропоткина и в адрес парламентаризма, различие лишь по запечатлённому в суждениях темпераменту авторов. «Парламентаризм в России, как вы сами теперь видите, ложь и обман» [2, с. 104]. Горькая пилюля от черносотенца. Ничуть не слаще и от анархиста. «Люди начинают понимать, что так называемое “правление большинства” значит на деле – отдать все дела страны в руки тех немногих, которыми составляется большинство во всякой палате, т. е. в руки “болотных жаб”, как их называли во времена Французской революции, или людей, которые не имеют никаких определенных воззрений, а пристают то к “правой”, то к “левой” партии, смотря по тому, откуда дует ветер и с кого можно больше сорвать» [3, с. 56].

Разумеется, теоретик анархокоммунизма не столько «чёрный», сколько «красный». Интернационалист. Но избирательный: симпатизирующий романской, но не германской части Европы. Гуманист. Но его тезис о неуклонной тяге людей к взаимопомощи не очень вписывается в матрицу новоевропейской мысли – и, напротив, хорошо укладывается в парадигму русской утопии. Словом, конечно, кропоткинский анархизм «красный», но с почвенническими, «чёрными» вкраплениями.

Нить рассуждений наводит на мысль, что антагонизм «красного» и «чёрного» в русском культурном и общественно-политическом пространстве не экстремально жёсткий. Экстремальны, скорее, некоторые формы совместного замеса того и другого колора. Зашкаливающих пиков здесь не избежать, памятуя об отненённом Н.А. Бердяевым противоречии «между русской анархичностью и любовью к вольности и русской покорностью государству, согласием народа служить образованию огромной империи» [4, с. 169].

«Красные» и «чёрные» в потоке отечественной истории XX века противостояли февралистам, кумачовые банты которых быстро поблекли, составив материал для лоскутного «белого» движения. Аргумент в поддержку тезиса нахожу у В.В. Кожина. В его исследовании читаем: «...само название “Белая армия” (или “гвардия”) возникло как противопоставление не только (а может быть, и не столько) “Красной армии”, но и “Черной сотне”...» [5, с. 59].

Мировоззренческое сочетание «красного» и «чёрного», каким бы стильным оно ни было (скажем, в проекте «консервативной революции»), имплицитно содержит в себе высокую вероятность дуалистического раскола. Мой «багровый» настрой –

свободный труд на родной земле – вызревает из стремления органично, без дуалистического рассечения включить в «красную» символику почвенническую компоненту. Одновременно тревожной закатной тональностью пытаюсь – клин клином – выжечь чрезмерную политизированность, свойственную национал-большевизму и в широком его охвате (см. [6]), и в охвате узком, устряловском (см. [7]).

Шаг второй. Не замкнуться в порочном круге политики и не обольщаться социальностью.

Желанное единство родины и свободы при всех индивидуальных и коллективных стараниях остается очагом напряжённости. Родина обрамлена границами, и они нуждаются во властной сверхиндивидуальной защите. Свобода неизбежно урезается. Но иначе нельзя. Ведь под угрозой окажется тогда полновесность твоего чувственно-телесного опыта и даруемой им почвеннического толка близости.

Стало быть, сильная профессиональная армия, надёжно защищающая рубежи страны, жизненно необходима. В усилении же других властных институтов необходимости нет. Многие их функции можно было бы, в принципе, вернуть обществу: «земству», «советам». Тем более – в условиях, когда новые технологии способствуют переменам в структуре необходимого рабочего времени: снижению его доли в экономической сфере жизнедеятельности общества и увеличению в сфере собственно социальной. Хотя препятствий к тому немало. Прежде всего мешают родовые и видовые изъяны самой социальности, легитимирующие наличие дополнительного института, который выступает в роли опекуна, третейского судьи и надзирателя взаимодействующих индивидов и групп. При всём том армия – единственный, по сути, элемент, неспекулятивно оправдывающий существование государственно-политической структуры, отделённой от исходных социальных структур.

Очерченная позиция развивает – уже вне системы самодержавия – линию ранних славянофилов, анархический монархизм которых, по суждению Н.А. Бердяева, «происходил от отвращения к власти» [4, с. 172]. Аполитичная политика – это по-русски. Главная претензия к стандартной политике в том, что она растаскивает близких по жизни людей по враждующим лагерям и существует именно за счёт этого растаскивания (пресловутое «Разделяй и властвуй!»). Отсюда и полевая жуть братоубийственной гражданской войны, и кабинетные трагикомедии воинствующих политиков. В монографии В.В. Кожина упоминается характерный курьёз. В первые месяцы после Октябрьской революции в «красной» Москве исключительно важную, вторую после Ленина, роль играл Яков Свердлов, а в «белом» Омске в качестве влиятельнейшего советника Колчака пребывал его родной брат Зиновий Пешков (приёмный сын А.М. Горького), капитан французской армии (см. [5, с. 57]).

Критикуя политическую сферу, надо иметь в виду, что она лишь трансформирует и концентрирует прорехи сферы социальной. Главная – родового порядка – претензия к последней отзеркаливает упрёк, адресованный политике: социальность объединяет всех подряд; подавляющее большинство социализированных индивидов никогда не станут близкими друг другу людьми. Оставаясь отчуждёнными, не способными самостоятельно разрешать споры, они нуждаются в вышестоящей инстанции, роль которой не без корысти исторически берёт на себя государство. Неординарные попытки русской теории и практики (включая советский опыт) внести в большое общество атмосферу доверительности, свойственную малым группам, убедительного результата не принесли.

В нынешней – видовой – социальности, встроенной в «капитализм платформ» (см. [8]), в «надзорный капитализм» (см. [9]), об удовлетворительном уровне доверительности и реальной, непоказной сплочённости людей говорить не приходится вовсе. Субстрат бесценного чувственно-телесного опыта низводится к цинично калькулируемому ресурсу, предмету торговой сделки или неприкрыто агрессивного присвоения. И никакими морализаторскими заклинаниями ситуацию в обозримом будущем, похоже, не поправить.

Следует честно признать: нет никаких обнадеживающих тенденций касательно вероятного устранения как видowego, так и особенно родового изъяна социальности. Однако в дело может вмешаться случай.

Шаг третий. Объяснить противоречивость и упрямство русской природы (онтологическая случайность и абсолютизация её последствий).

Предел человеческого ума – предел, далёкий от мерок агностицизма и комбинаторных скрепов искусственного интеллекта, – в интуитивной способности содержательно и статусно различать две случайности: онтологическую (вызывающую подлинное недоумение) и гносеологическую (вызываемую недомыслием). Онтологическая случайность в отличие от гносеологической уникальна. Это чудо, свободное от всех религиозных коннотаций. Это явь, безмерно превышающая собой по достоверности любой научный факт. Её распознавание даёт натурному уму дополнительные предпочтения в столкновении с искусственным интеллектом (подробнее об их столкновении см. [10]). Преодоление гносеологической случайности ограничивает дурную бесконечность умствования. Попытка преодолеть онтологическую случайность делает логическую бесконечность ещё дурней. Онтологическая случайность индифферентна к вероятностным оценкам и не поддаётся исчерпывающему дискурсивному разъяснению, так как априори противится своей абсолютизации, которая и соразмерна дискурсивной полноте. Абсолютизированная случайность превратилась бы в точечную, непротяжённую необходимость, то есть устранила бы саму себя. Вблизи онтологической случайности нет ни всеильного объективного закона, ни всеильного Бога. Там обитает человек. Первое своё жизненное действие и какие-то из последующих он совершает произвольно, находясь по ту сторону свободы и несвободы. Человек изначально противоречив. Он и тяготеет к онтологической случайности, чтобы не попасть под гнёт закона (что природного, что социального), – и дистанцируется от неё, чтобы не оказаться уже и в случайном плену. Выдерживать дистанцию с заведомо неабсолютизируемой случайностью человеку удаётся, только абсолютизируя последствия своего произвольного действия, а тем самым – и последствия случайности как таковой.

Всё, что сказано выше о человеке, сказано прежде всего о человеке русском. Ведь только о нём и могу свидетельствовать напрямую. Из его противоречивых отношений с онтологической случайностью выводятся все прочие противоречия русской природы.

Абсолютизация последствий онтологической случайности становится прочной подпоркой упрямства, без которого никак и никому не прожить. Упрямство – исходный собственно человеческий рубеж. От него идут две социокультурные дороги: одна – западная – к вероятностно рациональной свободе воли; другая – русская – к рассудочно невероятной вольности самой по себе, обострённо противоречивой. На негативном (паллиативном) полюсе вольности – разнузданность и самодурство. Разнузданность как ущербная реакция на недавнее принуждение

и как очевидная нехватка бытийной полноты. Самодурство как следствие редукционистского уравнивания бытийной полноты со вседозволенностью. На положительном (оригинальном) полюсе вольности – неотягощающая полнота жизни, не требующая ни притворного смирения, ни демонстративной агитации в ответ на порицающие и завистливые взгляды со стороны.

Несколько слов в завершение

Отдавая должное человеческому упрямству, догадываюсь, что приведённые мной аргументы никак многих коллег по ремеслу не убедят. Но, собственно, и цели такой перед собой никогда не ставлю. Главное – с каждым своим текстом чуть глубже понимать себя. И, конечно, надеяться на удачу: вдруг твои мысли вызовут хотя бы один-единственный сочувственный отклик...

Список литературы

1. Фатенков, А.Н. Экзистенциальная онтогносеология: от опыта к свидетельству / А.Н. Фатенков // *Философия и культура*. – 2012. – № 6 (54). – С. 7–18.
2. Шаратов, С.Ф. Диктатор / С.Ф. Шаратов // *После победы славянофилов*. – Москва: Алгоритм, 2005. – С. 98–146.
3. Кропоткин, П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. – Москва: Правда, 1990. – 638 с.
4. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные направления русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // *О России и русской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья* / Сост. М.А. Маслин. – Москва: Наука, 1990. – С. 43–271.
5. Кожин, В.В. «Чёрная сотня» и Революция (загадочные страницы истории) / В.В. Кожин. – Москва: Прима В: ОАО «Оригинал», 1998. – 232 с.
6. Агурский, М. Идеология национал-большевизма / М. Агурский. – Москва: Алгоритм, 2003. – 320 с.
7. Устрялов, Н. Национал-большевизм / Н. Устрялов. – Москва: Эксмо, 2003. – 656 с.
8. Срничек, Н. Капитализм платформ / Н. Срничек; пер. с англ. М. Добряковой [и др.]. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
9. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф; пер. с англ. А.Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Оханько, А. Смирнова. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 781 с.
10. Фатенков, А.Н. Натурный ум в контратаке на искусственный интеллект (Полемический отклик на «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла) / А.Н. Фатенков // *Философский журнал*. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С. 172–183.

References

1. Fatenkov A.N. Existential ontognoseology: from experience to testimony. *Philosophy and culture*. 2012;6(54):7-18.
2. Sharapov S.F. Dictator. *After the victory of the Slavophiles*. Moscow: Algoritm, 2005. Pp. 98–146.
3. Kropotkin P.A. Bread and will. *Modern science and anarchy*. Moscow: Pravda, 1990. 638 p.

4. *Berdyayev N.A.* Russian idea. The main directions of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century. *About Russia and Russian culture. Philosophers of the Russian post-October diaspora.* Comp. M.A. Maslin. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 43–271.
5. *Kozhinov V.V.* "Black Hundred" and Revolution (mysterious pages of history). Moscow: Prima V: OJSC "Original", 1998. 232 p.
6. *Agursky M.* Ideology of National Bolshevism. Moscow: Algoritm, 2003. 320 p.
7. *Ustryalov N.* National Bolshevism. Moscow: Eksmo, 2003. 656 p.
8. *Srnichek N.* Platform Capitalism. Transl. from English M. Dobryakova [et al.]. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. 128 p.
9. *Zuboff Sh.* The era of supervisory capitalism: the battle for the human future at the new frontiers of power. Transl. from English A.F. Vasilyev; ed. by Ya. Okhanko, A. Smirnov. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2022. 781 p.
10. *Fatenkov A.N.* Full-scale mind in a counterattack on artificial intelligence (Polemical response to the "Evolution of Mind" by Ray Kurzweil). *Philosophical Journal.* 2022;15(3):172-183.

Информация об авторе

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»; профессор кафедры социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 6226-1098.
E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Information about the author

FATENKOV Aleksey N. – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Industry and Applied Sociology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Department of Social Sciences and Humanities, Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 6226-1098.
E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

УДК 165.0

ОТ «НАКОПЛЕНИЯ» К НАВИГАЦИИ: КАК НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА АДАПТИРУЮТСЯ К ФРАГМЕНТИРОВАННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

С.В. Бацанова, М.А. Храмова

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
г. Белгород, Россия

Поступила в редакцию: 13.10.25

В окончательном варианте: 03.11.25

Аннотация. Статья посвящена трансформации эпистемологических практик в цифровую эпоху и в условиях социальной нестабильности. Рассматривается феномен «метрической легитимации» знания, когда алгоритмы и показатели вовлечённости подменяют традиционные процедуры экспертизы. Анализируется переход от модели накопления к модели навигации, в которой знание выступает как сервис доступа и социальный сигнал. Показано, что прекариат становится индикатором этих изменений, используя ситуативные и горизонтальные формы верификации. Отмечаются риски «эпистемологического сжатия» и необходимость гибридизации процедур для сохранения критической дистанции и устойчивости научного знания.

Ключевые слова: онтологический кризис; гносеологическая рефлексия; когнитивные практики; прекариат; метрическая легитимация; цифровые платформы; эпистемологическая фрагментация.

FROM "ACCUMULATION" TO NAVIGATION: HOW SCIENTIFIC COMMUNITIES ADAPT TO FRAGMENTED EPISTEMOLOGY

S.V. Batsanova, M.A. Khramova

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russia

Original article submitted: 13.10.25

Revision submitted: 03.11.25

Abstract. The article examines the transformation of epistemological practices in the digital age and under social instability. It focuses on the phenomenon of "metric legitimation", where algorithms and engagement indicators replace traditional forms of expertise. The shift from accumulation to navigation is analyzed, with knowledge functioning as both access service and social signal. The precariat is shown as a key indicator of these changes, relying on situational and horizontal forms of verification. The risks of "epistemological compression" are highlighted, along with the need for hybrid procedures to preserve critical distance and the sustainability of scientific knowledge.

Keywords: ontological crisis; epistemological reflection; cognitive practices; precariat; metric legitimation; digital platforms; epistemological fragmentation.

Современная социальная реальность всё чаще описывается через категорию нестабильности, которая перестаёт восприниматься как временное отклонение и становится нормой общественного существования. Традиционные институты теряют устойчивость, а индивидуальные биографии и профессиональные траектории приобретают характер непрерывных переходов. Скорость социальных изменений такова, что прежние механизмы адаптации уже не обеспечивают чувство опоры и предсказуемости.

В этих условиях понятие идентичности требует переосмысления: она всё меньше выступает как устойчивое качество субъекта и всё больше – как стратегия ориентации в изменчивой среде. Особенно отчётливо этот процесс проявляется в среде прекариата, где гибкая идентичность становится не только способом социальной адаптации, но и показателем трансформации самого субъекта познания. Таким образом, наблюдаемые изменения затрагивают не только экономическую или институциональную сферу, но и эпистемологические основания научной деятельности.

Возникает исследовательский вопрос: каким образом научные сообщества приспособляются к фрагментированной эпистемологии и платформенной логике легитимации знания, в рамках которой алгоритмы и показатели вовлечённости частично заменяют традиционные формы экспертизы?

Актуальность темы определяется изменением способов производства и признания знания в цифровой среде. Метрики, рейтинговые системы и алгоритмы ранжирования влияют на то, как формируется доверие к результатам исследования и как распределяются ресурсы в науке [6]. Одновременно возникает необходимость пересмотра традиционных процедур рецензирования и верификации, разработки гибридных моделей, сочетающих количественные показатели с содержательной экспертизой. Изменяется и образовательная повестка: навигационные компетенции – способность ориентироваться в потоках информации, фильтровать и интерпретировать данные – становятся не менее значимыми, чем накопление знаний.

Таким образом, исследование направлено на осмысление перехода от модели накопления к модели навигации, в рамках которой знание функционирует не только как результат познавательной деятельности, но и как форма социального сигнала. Анализ этих процессов позволяет выявить, как цифровая среда преобразует механизмы признания, критерии истины и когнитивные практики научных сообществ, формируя новые режимы существования знания в эпоху алгоритмической легитимации.

Обзор литературы

Проблематика когнитивных практик в условиях социальной нестабильности занимает центральное место в современных гуманитарных и философских исследованиях. Возрастающий интерес к этой теме связан не только с изменениями в характере занятости и коммуникации, но и с пересмотром самого понимания знания, его форм и способов легитимации. Чтобы обозначить контекст и основания анализа, необходимо обратиться к ключевым направлениям теоретической рефлексии, сформировавшим представления о множественности рациональностей, адаптивной природе познания и исторической преемственности идей гибкости субъекта. Рассмотрение этих подходов позволяет выявить, что современные формы когнитивной мобильности и алгоритмической легитимации знания не являются принципиально новыми феноменами, а представляют собой развитие уже сложившихся эпистемологических тенденций.

1. Историко-философская преемственность: от множественности рациональностей к гибкости субъекта. Проблематика когнитивных практик в условиях социальной нестабильности занимает центральное место в современных гуманитарных и философских исследованиях. Возрастающий интерес к этой теме связан не только с изменениями в характере занятости и коммуникации, но и с пересмотром самого понимания знания, его форм и способов легитимации.

Исследования последних десятилетий показывают, что идея множественности форм знания имеет длительную философскую традицию. Уже в философии XIX–XX веков обозначилось расширение понятия *когнитивного* – наряду с рациональным стали учитываться интуиция, ценности и опыт (В.Н. Бабина [2]). Эта линия получила развитие в работах М.А. Игнатова, где концепция номадологии и теория сетевого общества описывают субъекта, действующего в подвижной и изменчивой среде [5].

В русле неклассической эпистемологии Г.Н. Калинина подчёркивает, что плюрализм рациональностей не исключает необходимости регулятивного идеала истины [6]. Отсутствие такого ориентира может привести к интеллектуальной произвольности, когда любая позиция объявляется равноценной. С этой точки зрения современные формы «метрической» легитимации знания через цифровые показатели – просмотры, лайки, охваты – выступают не как внезапный сбой, а как логическое продолжение процесса, давно зафиксированного в философской мысли.

Историко-философская перспектива позволяет рассматривать гибкость когнитивных стратегий не как черту постиндустриальной эпохи, а как результат длительной эволюции рациональности – от классической к множественной и адаптивной.

2. Эволюционная и когнитивистская перспектива: знание как адаптивный процесс. Другой теоретический ракурс задаёт эволюционная эпистемология, развиваемая И.В. Черниковой [9, 10]. В этой концепции знание понимается не как статичное отражение реальности, а как результат совместной эволюции субъекта и среды. Понимание познания как адаптивного процесса позволяет интерпретировать современные формы когнитивной гибкости не как отклонение от нормы, а как функциональный ответ на изменчивость информационной среды.

Применительно к прекариату это означает, что фрагментарность и ситуативность его когнитивных стратегий представляют собой не дефицит, а закономерный механизм выживания в условиях неопределённости. Эволюционный когнитивизм рассматривает подобную подвижность как проявление закономерности самоорганизации знания в нелинейных системах.

Современные исследования подтверждают эвристичность этой позиции. Е.А. Алексеева [1] показывает, как взаимодействие экспериментальной и компьютерной философии формирует новые модели эпистемологического обобщения. А.М. Орехов анализирует проблему цифрового неравенства через призму когнитивной справедливости [8], раскрывая связь социальных и эпистемических факторов в структуре современного знания. В эволюционной перспективе когнитивная фрагментарность и адаптивность выступают не как слабость, а как функциональная форма приспособления субъекта знания к ускоренной и сетевой среде познания.

3. Цифровая и алгоритмическая эпистемология: новые формы легитимации знания. Современные исследования всё чаще сосредоточены на анализе цифровых механизмов производства и признания знания. Особое значение для философского анализа имеют работы, опубликованные в «Вопросах философии» (2024, № 4). А.Р. Ефимова

и соавт. в статье «Искусственный интеллект в науке: на пороге новой области знания?» [4] рассматривают ИИ как инструмент, трансформирующий процедуры научной верификации. Ю.В. Громыко и М.Ю. Просекин в работе «Деятельностная когнитивистика в условиях цифровизации» [3] показывают, что цифровые технологии формируют новые когнитивные практики, ориентированные на коллективное взаимодействие и распределённое мышление. А.В. Катунин в статье «Проблема когнитивного бессознательного: философский взгляд» [7] обращает внимание на скрытые механизмы познания, усиливающиеся в цифровой среде, где часть когнитивных процессов делегируется алгоритмам.

В международном контексте исследование L. Schwengerer анализирует социальные сети как пространство формирования новых типов эпистемических авторитетов [14]. Н. Nastuti и соавт. проводят систематический обзор феномена алгоритмической легитимации знания [11]. С. Neuberger моделирует процесс платформизации как трансформацию «порядка знания» [13], а D. Shin (2025) рассматривает фактчекинг как элемент эпистемической инфраструктуры цифровой науки [15].

Цифровая эпоха формирует новую эпистемологию – алгоритмическую и медиапосредованную. Валидность знания всё чаще определяется не только аргументативной строгостью, но и способностью быть воспринятым и подтверждённым алгоритмическими системами.

Три выделенные линии – историко-философская, эволюционно-когнитивистская и цифровая – показывают, что феномен гибкой идентичности и фрагментарной эпистемологии не является разрывом традиции, а представляет собой новую фазу в развитии познавательных практик. Современные исследования фиксируют не только изменение структуры знания, но и преобразование самого субъекта познания, который действует в условиях ускорения, распределённости и алгоритмического посредничества.

Методы. Работа носит теоретико-аналитический характер и опирается на междисциплинарный подход, сочетающий философский, социологический и когнитивный анализ. Применялись концептуально-аналитическая реконструкция ключевых категорий и сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить переход от кумулятивной к навигационной модели знания. Исследование исходит из принципа корреляции социальных и эпистемологических изменений, рассматривая трансформацию познавательных практик как ответ на структурную нестабильность современного общества.

Основные результаты

Совокупность рассмотренных источников и теоретических подходов позволяет перейти к анализу ключевых результатов исследования. В данном разделе обобщаются основные наблюдения, касающиеся того, как научные сообщества и отдельные исследователи адаптируются к фрагментированной эпистемологии и платформенной логике легитимации знания. Логика изложения выстроена от описания базовых механизмов до анализа их нормативных последствий.

1. Исходные тенденции. Феномен «гибкой идентичности» прекариата не является случайным. Он продолжает длительную философскую линию осмысления субъекта познания, но в цифровую эпоху достигает предельной формы. Современные когнитивные практики характеризуются тем, что ранее трактовалось как временные или проблемные состояния, – фрагментарность, ситуативность, зависимость от показателей вовлечённости. Эти черты превращаются в устойчивые элементы познавательной деятельности.

Прекариат демонстрирует предельное выражение этой логики: навигация между временными сетями и распределёнными источниками информации становится его основным когнитивным инструментом. Такой тип субъектности делает очевидным, что классическая модель «накопления знания» перестаёт быть универсальной. В свою очередь прекариат выступает чувствительным индикатором перехода от кумулятивной к навигационной модели познания.

Если гибкая идентичность демонстрирует изменение когнитивных стратегий на уровне субъекта, то следующий шаг анализа – понять, *как меняются сами механизмы легитимации знания*. Ключевую роль в этом процессе играют цифровые платформы и алгоритмы, определяющие условия видимости и признания.

2. Алгоритмическая легитимация знания. Современная научная коммуникация во всё большей степени структурируется алгоритмами. Во-первых, системы ранжирования и рекомендательные интерфейсы выполняют функцию фильтров релевантности, превращая количественные показатели (просмотры, цитирования, упоминания) в критерии значимости. Во-вторых, аффективные сигналы – эмоциональный отклик аудитории, степень вовлечённости и скорости реакции – начинают играть роль косвенных индикаторов внимания. Как отмечают А.Р. Ефимов и соавт. [4], интеграция искусственного интеллекта в систему научной коммуникации радикально изменяет процедуры проверки и признания: алгоритмы всё чаще участвуют в интерпретации научных данных, превращаясь в посредников эпистемологической легитимности.

В совокупности эти механизмы создают новую систему признания знания, где *видимость* частично подменяет *экспертную проверку*. Это не отменяет научных стандартов, но смещает баланс между содержательной верификацией и медийной релевантностью. В условиях цифровой коммуникации знание начинает функционировать как элемент медиального обмена – его легитимность зависит не только от проверки, но и от устойчивости в потоке внимания.

Возникает вопрос: насколько эта перестройка функциональна и какие риски она несёт? Чтобы ответить, необходимо рассмотреть последствия новой логики – как с точки зрения расширения возможностей познания, так и с точки зрения утраты критической автономии науки.

3. Функциональные и нормативные последствия. С функциональной стороны цифровые платформы действительно повышают пропускную способность познавательных сетей. Обратная связь ускоряется, промежуточные результаты становятся общедоступными, а обсуждение нередко происходит в режиме реального времени. Это создаёт благоприятные условия для горизонтального обмена данными и междисциплинарных взаимодействий.

Однако нормативный эффект оказывается двойственным. Часть «суда экспертов» делегируется метрикам и алгоритмам, что подталкивает исследователей к стратегиям самопрезентации и «оптимизации видимости». Тем самым содержание начинает подстраиваться под форматы, диктуемые интерфейсом.

Ускорение коммуникации сопровождается риском эрозии критической дистанции и ослабления процедур проверки, без которых научное знание теряет устойчивость. Эти институциональные изменения непосредственно влияют на саму фигуру исследователя. Далее рассмотрим, как трансформируется субъект познания в условиях цифрового ускорения.

4. Трансформация субъекта познания. Если в классической модели науки интеллектуальной добродетелью считалось накопление и интеграция знаний, то теперь

ключевым навыком становится навигация – способность быстро находить, соотносить и применять релевантную информацию.

Согласно логике эволюционного когнитивизма (И.В. Черникова) знание всё чаще выступает не как внутренний ресурс субъекта, а как *внешний сервис доступа*, поддерживаемый поисковыми системами и алгоритмами рекомендаций [9]. Такая структура повышает адаптивность, но снижает автономию мышления и глубину анализа. Современная деятельностная когнитивистика [3] показывает, что цифровая среда способствует формированию распределённых когнитивных систем, где мышление становится совместным процессом, зависящим от архитектуры коммуникации.

Когнитивная гибкость обеспечивается ценой утраты устойчивых оснований и историчности знания. Понимание когнитивных трансформаций неполно без анализа того, *как меняется социальная функция знания*. В условиях прекарности оно становится не только инструментом, но и маркером профессиональной состоятельности. Как отмечает А.В. Катунин [7], в цифровой среде происходит смещение когнитивного фокуса: значительная часть процессов обработки информации переносится в область полусознанных и машинно-опосредованных операций, формируя новый тип «распределённого» познавательного субъекта.

5. Социальная функция знания в условиях прекарности. В условиях нестабильности знание превращается в форму социального капитала и символического ресурса. Для поддержания профессионального статуса исследователь вынужден демонстрировать компетентность через публикации, сертификаты, цифровой след и участие в сетевых инициативах.

Знание начинает оцениваться по степени публичной видимости, а не по глубине аргументации. Этот сдвиг фиксируется и в философских реконструкциях (В.Н. Бабина, М.А. Игнатов): интенсивность циркуляции становится самостоятельным критерием ценности [2, 5].

Таким образом, происходит переход от знания как аргумента к знанию как знаку, требующему постоянного подтверждения в публичной среде. Если на индивидуальном уровне мы видим адаптацию исследователя, то на коллективном уровне проявляются новые формы организации познания. Их анализ необходим для понимания того, как сообщества компенсируют недостатки платформенной логики.

6. Горизонтальные инфраструктуры. Наряду с институциональной наукой активно развиваются горизонтальные когнитивные инфраструктуры – форумы, исследовательские чаты, сетевые инициативы. Они не заменяют академию, но смягчают её инерцию, создавая пространство оперативного обмена и ситуативной проверки данных.

Однако за гибкость приходится платить: сокращается критическая дистанция, а историческая перспектива вытесняется актуальностью. Ценится знание, «пригодное сегодня», что приводит к эффекту эпистемологического сжатия.

В свою очередь научные сообщества сталкиваются с необходимостью балансировать между скоростью обмена и глубиной проверки, между платформенной динамикой и академической устойчивостью. Все описанные процессы указывают на глубокое переосмысление эпистемологических оснований науки. Завершим раздел итоговым выводом, отражающим характер этой трансформации.

Современная трансформация познания не означает «конца знания», а представляет собой *изменение его организационной формы*. В цифровой среде знание переходит:

- от накопления к навигации;
- от аргументации к метрике;
- от внутреннего ресурса к социальному сигналу.

Сохранение эпистемологической устойчивости требует гибридных режимов легитимации, соединяющих оперативность платформенных форм с процедурами, обеспечивающими проверяемость и историчность. Только сочетание «быстрой» видимости и «медленных» процедур экспертизы позволяет науке сохранять доверие и критическую дистанцию в условиях цифрового ускорения.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что выявленные тенденции не ограничиваются кризисом отдельных дисциплин или институтов науки. Речь идёт о глубокой перестройке эпистемологического порядка, при которой платформенные механизмы видимости и метрики вовлечённости становятся наряду с институциональными процедурами ключевыми инструментами легитимации знания.

Во-первых, в этих условиях фигура прекариата приобретает аналитическое значение. Его когнитивные практики демонстрируют переход от кумулятивного накопления и аргументативной экспертизы к навигации и ситуативной проверке, отражая адаптацию знания к среде ускоренного обмена.

Во-вторых, данный процесс не следует оценивать исключительно как утрату. Опыт прекариата выявляет потенциал гибридизации: сочетание горизонтальных инфраструктур, постпубликационных форм экспертизы и «медленных» академических процедур создаёт основу для восстановления историчности и критической дистанции.

В-третьих, результаты исследования позволяют очертить направления дальнейшей работы. Перспективной задачей становится разработка институциональных моделей, способных интегрировать новые формы знания с устойчивыми форматами научной рефлексии, сохраняя адаптивность к вызовам цифровой эпохи.

Таким образом, современная наука вступает в фазу эпистемологической гибридизации, где сохранение доверия и автономии знания требует согласования скоростных и рефлексивных режимов познания.

Список литературы

1. *Алексеева, Е.А.* Методологическое взаимодействие экспериментальной и компьютерной философии / Е.А. Алексеева // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 115–128.
2. *Бабина, В.Н.* Становление когнитивных практик в философской мысли XIX–XX веков / В.Н. Бабина. – Москва: Академический проект, 2012. – 240 с.
3. *Громько, Ю.В.* Деятельностная когнитивистика в условиях цифровизации / Ю.В. Громько, М.Ю. Просекин // Вопросы философии. – 2024. – № 4. – С. 42–52.
4. Искусственный интеллект в науке: на пороге новой области знания? / А.Р. Ефимов, А.В. Агеева, А.Г. Крайнов [и др.] // Вопросы философии. – 2024. – № 4. – С. 30–41.
5. *Игнатов, М.А.* Изменение в сетевом обществе через призму номадологии и схемологии / М.А. Игнатов. – Москва: Наука. Искусство. Культура, 2020. – 132 с.
6. *Калинина, Г.Н.* Актуальные тенденции неклассической эпистемологии на фоне плюрализма когнитивных практик / Г.Н. Калинина. – Москва: Ника, 2016. – 152 с.

7. Катунин, А.В. Проблема когнитивного бессознательного: философский взгляд / А.В. Катунин // Вопросы философии. – 2024. – № 4. – С. 64–75.
8. Орехов, А.М. Цифровое неравенство и цифровая справедливость / А.М. Орехов // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 64–76.
9. Черникова, И.В. Эволюционная эпистемология как когнитивная практика постнеклассической науки / И.В. Черникова. – Екатеринбург: УрФУ, 2008. – 184 с.
10. Черникова, И.В. Эволюционный когнитивизм: онтологические основания и эпистемологическая перспектива / И.В. Черникова. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – 196 с.
11. Hastuti, H. Algorithmic Influence and Media Legitimacy: A Systematic Review of Algorithmic Authority / H. Hastuti, S. Pratiwi, R. Rohim // *Frontiers in Communication*. – 2025. – Vol. 10. – 151 p.
12. Holm, S. Algorithmic Legitimacy in Clinical Decision-Making / S. Holm // *Ethics and Information Technology*. – 2023. – Vol. 25. – No. 3. – Pp. 331–342.
13. Neuberger, C. The Digital Transformation of the Knowledge Order: A Model for the Platformization of Public Communication / C. Neuberger // *Digital Journalism*. – 2023. – Vol. 11. – No. 9. – Pp. 1456–1475.
14. Schwengerer, L. Critical Social Epistemology of Social Media and Epistemic Trust / L. Schwengerer // *Social Epistemology*. – 2024. – Vol. 38. – No. 5. – Pp. 401–419.
15. Shin, D. Fact-Checking as Epistemic Infrastructure: Algorithms, Trust, and Public Knowledge / D. Shin // *Journalism Studies (SAGE)*. – 2025. – Vol. 26. – No. 2. – Pp. 210–226.
16. UNESCO. UNESCO Science Report 2021: The Race Against Time for Smarter Development. – Paris: UNESCO, 2021. – URL: <https://www.unesco.org/reports/science/2021> (дата обращения: 03.09.2025).

References

1. Alekseeva E.A. Methodological interaction of experimental and computer philosophy. *Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy*. 2024;28(2):115-128.
2. Babina V.N. The formation of cognitive practices in philosophical thought of the XIX–XX centuries. Moscow: Akademicheskii proekt, 2012. 240 p.
3. Gromyko Yu.V., Prosekin M.Yu. Activity cognitive science in the context of digitalization. *Questions of philosophy*. 2024;4:42-52.
4. Efimov A.R., Ageeva A.V., Krainov A.G. [et al.]. Artificial intelligence in science: on the verge of a new field of knowledge? *Questions of philosophy*. 2024;4:30-41.
5. Ignatov M.A. Change in the network society through the prism of nomadology and schemology. Moscow: Nauka. Iskusstvo. Kultura, 2020. 132 p.
6. Kalinina G.N. Current trends in non-classical epistemology against the background of pluralism of cognitive practices. Moscow: Nika, 2016. 152 p.
7. Katunin A.V. The problem of the cognitive unconscious: a philosophical view. *Questions of philosophy*. 2024;4:64-75.
8. Orekhov A.M. Digital inequality and digital justice. *Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy*. 2024;28(3):64-76.
9. Chernikova I.V. Evolutionary epistemology as a cognitive practice of post-classical science. Yekaterinburg: UrFU, 2008. 184 p.

10. *Chernikova I.V.* Evolutionary cognitivism: ontological foundations and epistemological perspective. Yekaterinburg: UrFU, 2010. 196 p.
11. *Hastuti H., Pratiwi S., Rohim R.* Algorithmic Influence and Media Legitimacy: A Systematic Review of Algorithmic Authority. *Frontiers in Communication*. 2025;10:151.
12. *Holm S.* Algorithmic Legitimacy in Clinical Decision-Making. *Ethics and Information Technology*. 2023;25(3):331-342.
13. *Neuberger C.* The Digital Transformation of the Knowledge Order: A Model for the Platformization of Public Communication. *Digital Journalism*. 2023;11(9):1456-1475.
14. *Schwengerer L.* Critical Social Epistemology of Social Media and Epistemic Trust. *Social Epistemology*. 2024;38(5):401-419.
15. *Shin D.* Fact-Checking as Epistemic Infrastructure: Algorithms, Trust, and Public Knowledge. *Journalism Studies (SAGE)*. 2025;26(2):210-226.
16. UNESCO. UNESCO Science Report 2021: The Race Against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO, 2021. Available from: <https://www.unesco.org/reports/science/2021> (accessed: 03.09.2025).

Информация об авторах

БАЦАНОВА Софья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 9432-2497. **E-mail:** sophiko1881@yandex.ru

ХРАМОВА Марина Александровна – аспирант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 1745-7039.

Information about the authors

BATSANOVA Sofya V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia; eLibrary SPIN: 9432-2497. **E-mail:** sophiko1881@yandex.ru

KHRAMOVA Marina A. – postgraduate student, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia; eLibrary SPIN: 1745-7039.

УДК: 001+17

НАУЧНАЯ ШКОЛА И ЭТИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.А. Беляев

Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия

Поступила в редакцию: 24.10.25

В окончательном варианте: 15.12.25

Аннотация. Статья посвящена построению словесного эскиза теоретической модели целостного процесса этической регуляции исследовательской деятельности. Особое внимание уделено роли в этом процессе этических традиций и установок, свойственных научной школе. В содержании статьи нашли отражение: значение понятия научной школы, эвристически ценное для осуществления проводимых изысканий; особенности этической регуляции исследовательской деятельности, а также корпоративных и профессиональных этических кодексов как инструментов ее осуществления; представления автора о внутреннем дискреционном и внешних императивных контурах этической регуляции исследовательской деятельности.

Ключевые слова: научная школа, исследовательская деятельность, этическая регуляция, корпоративные этические кодексы, профессиональные этические кодексы, внутренний дискреционный контур этической регуляции исследовательской деятельности, внешние императивные контуры этической регуляции исследовательской деятельности.

THE SCIENTIFIC SCHOOL AND THE ETHICAL REGULATION OF RESEARCH ACTIVITY

I.A. Belyaev

Orenburg State University,
Orenburg, Russia

Original article submitted: 24.10.25

Revision submitted: 15.12.25

Abstract. This article focuses on constructing a verbal sketch of a theoretical model for the holistic process of ethical regulation in research activity. Particular attention is paid to the role played in this process by the ethical traditions and attitudes inherent to a scientific school. The article's content reflects the following: the meaning of the concept of a scientific school, which is heuristically valuable for the conducted research; the features of ethical regulation in research activity, as well as corporate and professional ethical codes as instruments for its implementation; the author's perspective on the internal discretionary and external imperative frameworks of ethical regulation in research activity.

Keywords: scientific school, research activity, ethical regulation, corporate ethical codes, professional ethical codes, internal discretionary framework of ethical regulation in research activity, external imperative frameworks of ethical regulation in research activity.

«Сегодня этика науки предстает как транслятор гуманистических норм и ценностей на уровень научной деятельности и коммуникации, что соизмеряет науку с требованиями общества. Однако общество не всегда представляет адекватные моральные образцы для науки. И поэтому, – по утверждению И.Т. Касавина, с которым нельзя не согласиться, – *наука обязана изнутри вырабатывать этические регулятивы*» (курсив мой. – И.Б.) [1, с. 99]. Стоит добавить, что выделенный курсивом императив известен членам научного сообщества, отчасти принимается и даже реализуется ими, но до его претворения в жизнь в приемлемой степени пока далеко. Отсутствуют также сколько-нибудь четкие представления о содержании и механизмах действия этических регулятивов исследовательской деятельности. Нет де-факто и приемлемых ответов на множество вопросов о технологиях конструирования этих регулятивов и об условиях налаживания их функциональной связи с реальной деятельностью ученых. Соответственно налицо необходимость проведения исследований, направленных на ликвидацию теоретических затруднений, так или иначе препятствующих ученому сообществу в совершении осознанных практических действий по совершенствованию процесса этической регуляции собственной профессиональной деятельности.

Актуальность настоящего исследования определяется прежде всего тем, что явление научной школы и процесс этической регуляции представляют собой разнородные и разнохарактерные составляющие становящейся системы организации и осуществления исследовательской деятельности. Если научная школа выстраивает в целом и детализирует организационно-когнитивные матрицы этой деятельности, то этическая регуляция задает ее нормативно-ценностные координаты; их сопряженное функционирование призвано обеспечивать формирование и воспроизводство ученых как познающих субъектов, методологическая и научно-технологическая компетентность которых надлежащим образом сочетается с ответственностью за процесс изысканий и достигаемые результаты. Наряду с этим обязательно надо учесть, что характерные для XXI века мировые тренды «в области научной деятельности ставят задачу ее этической регуляции в качестве фундамента успешного развития науки будущего» [2, с. 82]. Более того, если полагать, что истоки науки будущего хотя бы частично закладываются в наши дни, то не стоит упускать из виду и современные этико-исследовательские реалии.

Стоит особо подчеркнуть, что всякое исследование, вне зависимости от каких-либо привходящих обстоятельств, должно осуществляться честно [3]. Это утверждение выглядит аксиоматическим, да в сущности и является таковым. Тем не менее анализ обширного материала о различных аспектах существования человека, социальных групп и общества в целом непосредственно свидетельствует о глубоко проникновении нечестности (воплощающейся прежде всего в форме социальной имитации) практически во все составляющие общества как системы взаимодействий между людьми [4; 5] и опосредованно – о весьма острой необходимости этизации каждой из них, в том числе сферы науки.

Целью предпринятых изысканий было, в широком смысле, определение соотношения научной школы и этической регуляции исследовательской деятельности. В узком смысле цель состояла в выявлении особенностей выступления свойственных научной школе традиций и установок в роли внешнего императивного контура осуществления этической регуляции исследовательской

деятельности как целостного процесса. Его задачи заключались в: 1) уточнении основного содержания понятия научной школы как сферы межчеловеческого взаимодействия; 2) конкретизации представлений о процессе этической регуляции исследовательской деятельности и этических кодексов как инструментов ее осуществления; 3) раскрытии отличительных признаков внутреннего дискреционного и внешних императивных контуров целостного процесса этической регуляции исследовательской деятельности. Каждая из указанных задач решалась при написании соответствующего раздела основной части статьи. Важную методологическую роль в проведении исследования сыграли положения диалектического и системного подходов, которые были реализованы посредством применения комплекса аналитико-синтетических и экстраполятивных операций.

1. Понятие научной школы как сферы межчеловеческого взаимодействия

Начну с уточнения значения, в котором понятие «научная школа» будет использоваться в настоящем исследовании. Данное понятие, введенное в исследовательский обиход еще в эпоху Античности [6], давно и заслуженно получило широкое распространение, а потому, с точки зрения стороннего наблюдателя, его содержание не требует сколько-нибудь серьезных обсуждений, причем даже в рамках специального исследования. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этому понятию свойственны многозначность и размытость границ [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и мн. др.]. В разных контекстах обсуждаемое понятие может использоваться, например, для обозначения неформального объединения ученых, характеризующихся общим стилем мышления (насколько это возможно на практике), или же строгой иерархической структуры, выстроенной вокруг харизматичного лидера-основателя. В специальной литературе встречаются и другие варианты понимания того, что должно прозвучать в ответе на вопрос: «Чем научная школа является “на самом деле”?».

Учет существующего положения вещей диктует необходимость отношения к научной школе как к весьма непростому объекту познания [16]. Надо полагать, что приемлемая корректность при осмыслении сведений о данном объекте в настоящее время может быть достигнута без поиска единственно верной формулировки определения соответствующего понятия. Вполне допустимым представляется обращение – в рабочем, разумеется, порядке – к комплексу положений, фиксирующему ситуативно важные элементы системы понятиеобразующих признаков научной школы.

В нашем случае актуальным следует признать сосредоточение на признаках научной школы как сферы межчеловеческого взаимодействия. Если мы представим научную школу как сферу плодотворного взаимодействия исследователей, сплочение которых обеспечивается в первую очередь их интеллектуально-культурной общностью, надежными личными связями и разделяемыми традициями, то получим возможность акцентировать те ее понятиеобразующие признаки, которые, пусть даже гипотетически, в заданном контексте подбавляет рассматривать как основные. Эти признаки соответственно призваны составить, с одной стороны, некоторую часть основания устойчивого взаимодействия исследователей, принадлежащих к одной научной школе. С другой стороны, их присутствие должно позволять судить о том, что школа существует как живой организм, главенствующим механизмом функционирования которого

является межчеловеческое взаимодействие, выступающее важным фактором производства, трансляции и сохранения новых знаний.

К основным признакам научной школы можно причислить свойственную ее членам общность представлений о тех фундаментальных теоретических принципах, которых надлежит придерживаться, а также о достойных применения методов исследования и критериях научности. Далее надо обратить внимание на наличие особого варианта научного языка; всецело соответствуя исповедуемым школой исследовательским установкам, этот язык консолидирует членов школы и маркирует присущие ей границы. Ключевым условием воспроизводства школы как эффективного социального института выступают многообразные отношения, в первую очередь – неофициальные, складывающиеся между лидером школы как Учителем и ее членами как учениками; в рамках этих отношений происходит трансляция знаний, явных и неявных, стиля научного мышления, интереса к проблемам определенного рода, а также этических ориентаций. Лидер при этом обладает несомненным авторитетом внутри школы и, что немаловажно, вне ее; личность лидера выступает, как правило, действенным фактором идентификации и самоидентификации его школы. Кроме того, важным признаком научной школы следует признать высокую интенсивность и конструктивность неформальных коммуникаций, позволяющую ее членам обмениваться информацией в атмосфере доверительности, генерировать и оперативно апробировать новое знание, сочетать критичность к возникающим идеям с благожелательностью к их носителям, достойно «продвигать» общую исследовательскую программу в реальных условиях внутринаучной конкуренции, сохраняя и укрепляя свою репутацию в профессиональной среде.

2. Этическая регуляция исследовательской деятельности и этические кодексы как инструменты ее осуществления

Переход к общим и инструментальным особенностям целостного процесса этической регуляции исследовательской деятельности требует, надо полагать, четкого обозначения содержания соответствующего понятия. Думается, что этическая регуляция исследовательской деятельности может и должна рассматриваться как функционирование совокупности взаимосвязанных принципов и норм, осознанно принимаемых и неукоснительно соблюдаемых ученым сообществом в целом и всеми его членами. Ее цель состоит в том, чтобы обеспечивать интеллектуальную добросовестность исследователей, достоверность получаемых результатов, соблюдение прав всех участников изысканий. Этическая регуляция предполагает, в конечном итоге, минимизацию вероятности аморальных действий и поступков со стороны ученых, потери ими репутации и дискредитации науки как сферы общественной жизни.

Какие ключевые понятия имеет смысл использовать при необходимости в ходе составления развернутого описания содержательного наполнения целостного процесса этической регуляции исследовательской деятельности? Думается, в число понятий такого рода непременно должны войти: научная добросовестность, открытость и прозрачность методологии, проверяемость получаемых научных результатов, учет потенциальных последствий их применения, противодействие фальсификации и фабрикации данных, нетерпимость к плагиату, популистскому и иному ложному авторству, социальная ответственность и отсутствие конфликта интересов. Этот перечень, разумеется, может быть расширен.

Реально употребляемый инструментарий этической регуляции исследовательской деятельности включает в себя, в частности (и прежде всего), этические кодексы, под которыми принято понимать специально созданные регулятивные документы. Замечу, что документы такого рода вовсе необязательно именуются этическими кодексами. Иногда они могут называться, например, конвенциями, декларациями, хартиями, нормами или же правилами. Возможно употребление и иных терминов. Главное здесь – не название документа, а его содержание, призванное четко фиксировать комплексы нормативных положений соответствующего характера. К числу иных составляющих обсуждаемого инструментария следует отнести экспертизу этических комитетов (комиссий), систему рецензирования, учебные курсы по исследовательской этике, политику научных журналов и организаций и др.

В проводимом исследовании в фокусе внимания оказались этические кодексы как инструменты регуляции исследовательской деятельности. Причины такого фокусирования состоят в том, что, во-первых, в наши дни эффективная регуляция исследовательской деятельности исключительно за счет функционирования неформального набора убеждений ученых, содержание которого находит концентрированное выражение в системах специфических ценностей (множествах институциональных императивов), как описанных в свое время Р. Мертоном [17], так и не вызвавших у него познавательного интереса, но привлечших внимание его последователей, если и возможна, то далеко не всегда. «Правила, регулирующие поведение в науке, не имеют, – как отмечает Е.З. Мирская, – статуса юридических законов» [18, с. 12]. Но даже если вообразить, что эти правила обрели указанный статус, то придется признать, что этически неприемлемые действия и поступки все равно будут иметь место в сфере исследовательской деятельности подобно фактическому наличию в ней и рядом с ней многого из того, что уже сейчас прямо запрещается действующим законодательством. Что же касается современного научного сообщества, некоторая часть членов которого, к сожалению, не чужда темных практик [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25], то оно довольно явно нуждается в более или менее строгих социально приемлемых регулятивных инструментах – носителях кодифицированных этических норм и правил. Поэтому этические кодексы, излагающие философские, абстрактные по своей сути положения на языке конкретно-жизненных практик и, как следствие, обладающие потенциалом корректного сопряжения подлинных интенций индивида с внешними для него установками научного сообщества, допустимо отнести к числу предпочтительных инструментов регуляции исследовательской деятельности.

Во-вторых, перечисленные выше иные регулятивные инструменты не обладают настолько высокой степенью самостоятельности, которая присуща этическим кодексам. Их самостоятельность во многих ситуациях будет скорее условной, чем реальной. Более того, здесь, надо полагать, допустимо вести речь о принципиальной вторичности, вспомогательности этих инструментов по отношению к этическим кодексам. Ведь, в самом деле, основное предназначение каждого из них частично пересекается с предназначением этических кодексов; если этические кодексы в функциональном плане призваны в идеале охватить все возможные аспекты исследовательской деятельности, то другие составляющие регулятивного инструментария имеют собственную сравнительно узкую специализацию.

3. Внутренний дискреционный и внешние императивные контуры целостного процесса этической регуляции исследовательской деятельности

Этическая регуляция исследовательской деятельности, будучи процессом, протекает во времени и пространстве. В реальной жизни как временные, так и пространственные характеристики этого процесса обычно весьма вариативны. Указанное обстоятельство требует осознанного ограничения области дискурса и сосредоточения на том наиболее общем, что будет иметь отношение практически к любым конкретным случаям приведения реального поведения людей в соответствие с актуальными этическими нормами. В связи с этим, а также с учетом изложенных выше соображений далее имеет смысл сосредоточиться на этических кодексах как инструментах регуляции исследовательской деятельности и, по мере необходимости, на особенностях и обстоятельствах их выступления в данной роли.

Анализ литературных данных свидетельствует об отсутствии устоявшихся представлений о том, какими должны быть кодексы, чтобы их функционирование приобщало исследователей к актуальным этическим нормам с подобающей продуктивностью. При этом выясняется также, что большинство авторов – иногда явно, а чаще неявно – демонстрируют склонность к предпочтению одного из двух реально существующих типов кодексов, один из которых допустимо именовать корпоративным, а другой – профессиональным. В чем состоит основное различие корпоративных и профессиональных кодексов? В том, что акторами и бенефициарами в первом случае выступают работники определенных организаций, во втором – представители какой-либо профессии.

Вполне очевидно, что едва ли не во всех конкретных жизненных ситуациях исследователь принадлежит и к корпорации, и к профессии. А данное обстоятельство неизбежно ставит перед ним два вопроса, на которые должен быть дан один ответ с четко очерченным содержанием:

1) Каким из обсуждаемых этических кодексов – корпоративным или профессиональным – он должен руководствоваться в практическом плане?

2) А, может быть, исследователю стоит ориентироваться на оба кодекса?

Думается, оптимальным следует признать тот вариант ответа, в котором будет зафиксирована необходимость ориентации на оба рассматриваемых кодекса. Этическая регуляция деятельности, тем более деятельности исследователя, призванного генерировать новое знание, – настолько деликатный процесс, что осуществлять его надо с использованием не одного инструмента, пусть даже предпочитаемого кем-то по-настоящему авторитетным, а с помощью в наибольшей степени соответствующих ситуации элементов доступного набора инструментов, что едва ли не в каждом случае дает более весомый шанс на успех. Поэтому при обсуждении того, как и посредством чего на практике стоит реализовывать идею этической регуляции исследовательской деятельности, я предлагаю отдать приоритет логическому «и» перед логическим «или».

Нет основания для сомнения в том, что обсуждаемый процесс, в конечном итоге, должен задействовать имманентные индивиду этико-регулятивные механизмы. Эти механизмы, надо полагать, допустимо именовать внутренним дискреционным контуром регуляции. Кодексы, о которых речь шла выше, взятые в аспекте их полноценного функционирования, могут быть, в свою очередь, названы внешними императивными контурами.

Казалось бы, посредством суммирования в достаточной степени оправданных оптимистичных представлений об ожидаемых особенностях сопряженного действия корпоративных и профессиональных кодексов должен получиться полноценный словесный эскиз теоретической модели этической регуляции исследовательской деятельности как целостного процесса, предполагающей перманентный переход воздействий со стороны двух внешних контуров на индивида, занятого научной работой. Они задействуют свойственный ему внутренний контур, создавая тем самым условия благопристойной и созидательно эффективной реализации его интеллектуально-поисковых потенций. Однако если подвергнуть данный эскиз конструктивно-критическому рассмотрению, то трудно будет не принять во внимание его принципиальную неполноту. Дело в том, что рассмотренные выше внешние контуры предназначены, в сущности, для «грубой настройки этической оптики» индивида. А вот «тонкую настройку» призван и способен осуществить еще один внешний контур, роль которого уже сегодня (да и не только сегодня) в той или иной степени играют этические традиции и установки научных школ, оказывающие воспитательно-нормализующее воздействие на принадлежащих к ним исследователей. Стоит подчеркнуть, что в транслировании этих традиций и установок непосредственное участие принимают (могут принимать) и лидер школы, и ее рядовые члены, соответствующие действия которых осуществимы как в индивидуальной, так и в коллективной форме.

Таким образом, в корректно выстроенной теоретической модели целостного процесса этической регуляции исследовательской деятельности должны учитываться наличие и необходимость действия не двух, а трех внешних контуров.

Учитывая данное обстоятельство, обладающий потенциальной эвристической ценностью словесный эскиз теоретической модели этической регуляции исследовательской деятельности может выглядеть следующим образом:

1. Целостный процесс этической регуляции исследовательской деятельности являет собой функционирование комплекса согласованных нормативных положений, сознательно усвоенных и исполняемых научным сообществом в целом и всеми входящими в него учеными.

2. Профессиональное достоинство ученых, их стремление к достоверности получаемых результатов и защите интересов участников изысканий зависят от действия имманентных индивидам – членам научного сообщества – этико-регулятивных механизмов, выступающих внутренним дискреционным контуром этической регуляции исследовательской деятельности.

3. Внешними императивными контурами этической регуляции исследовательской деятельности являются корпоративные и профессиональные этические кодексы, а также этические традиции и установки научных школ, приобщающие принадлежащих к ним ученых к актуальным этическим нормам.

4. Этическая регуляция исследовательской деятельности, осуществляемая как сопряженное функционирование внутреннего дискреционного контура и внешних императивных контуров, сводит к минимуму вероятность совершения учеными недостойных их статуса поведенческих актов, способствует сохранению ими собственной профессиональной репутации и, как следствие, возрастанию доверия общества к науке.

Заключение

Принимая во внимание ключевое содержание того, что было изложено выше, отмечу, во-первых, что научная школа является объектом, который в современных социокультурно-когнитивных условиях необходимо изучать, причем в самых разных аспектах, стремясь в идеале добиться максимально возможных однозначности и четкости границ соответствующего понятия. Во-вторых, одним из перспективных направлений исследований такого рода имеет смысл признать теоретизирующую детализацию во многом априорных представлений о выступании этических традиций и установок научной школы, оказывающих воспитательно-нормализующее воздействие на ее членов, в роли одного из внешних контуров этической регуляции исследовательской деятельности.

Список литературы

1. *Касавин, И.Т.* Наука как этический проект / И.Т. Касавин // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 90–103.
2. *Двойнин, А.М.* Общие принципы этической регуляции научной деятельности и психолого-педагогические исследования / А.М. Двойнин // Известия института педагогики и психологии образования. – 2017. – № 1. – С. 82–86.
3. Честное философствование / Г.Л. Тульчинский, В.В. Миронов, Б.В. Марков [и др.] // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 12. – С. 68–76.
4. *Закирова, Т.В.* Социальная имитация как системообразующий признак современного российского общества / Т.В. Закирова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 3. – С. 92–95.
5. *Закирова, Т.В.* Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией / Т.В. Закирова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 1. – С. 107–112.
6. *Лаэртский, Д.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. Лаэртский. – Москва: Мысль, 1979. – 620 с.
7. *Акишина, Е.О.* Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования / Е.О. Акишина, Н.И. Мартишина // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 3 (74). – С. 74–79.
8. *Баранов, В.М.* Феномен «научная школа» в представлении профессорского корпуса России (опыт социологического анализа) / В.М. Баранов, А.А. Иудин, Д.А. Шпилев // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 10–27.
9. *Грезнева, О.* Научные школы: принципы классификации / О. Грезнева // Высшее образование в России. – 2004. – № 5. – С. 42–48.
10. *Ершова, И.В.* Научные школы: закон, доктрина, практика / И.В. Ершова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 11 (27). – С. 6–19.
11. *Кузнецова, Н.И.* Параметры научной школы: к постановке проблемы / Н.И. Кузнецова // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2022. – № 8 (38). – С. 261–267.
12. *Мамонтов, С.А.* Научная школа как форма научного сообщества / С.А. Мамонтов // Инновационное образование и экономика. – 2008. – № 2. – С. 62–64.
13. *Павельева, Т.Ю.* К вопросу об идентификации научных школ / Т.Ю. Павельева // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. – 2011. – № 4. – С. 83–90.

14. Федорова, Г.В. К истории вопроса о научных школах / Г.В. Федорова, Д.В. Щербаков // Бюллетень сибирской медицины. – 2009. – Т. 8. – № 4. – С. 86–91.
15. Школы в науке. – Москва: Наука, 1977. – 524 с.
16. Борисова, Т.В. Феномен региональной философской школы: опыт осмысления деятельности В.Н. Борисова / Т.В. Борисова, В.О. Шелекета, А.А. Шестаков // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 75–87.
17. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 880 с.
18. Мирская, Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки / Е.З. Мирская // Философия науки. – 2005. – Т. 11. – № 1. – С. 11–28.
19. Бажанов, В.А. Наука как самопознающая система / В.А. Бажанов. – Казань: Изд-во КГУ, 1991. – 182 с.
20. Бажанов, В.А. Свободное научное творчество и его имитация в отечественной философии / В.А. Бажанов // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 23. – № 1. – С. 111–125.
21. Виноградова, Т.В. Исследовательская недобросовестность: Теневая сторона науки / Т.В. Виноградова // Наукоевческие исследования. – 2017. – № 1. – С. 61–91.
22. Губанов, Н.И. Виды академического мошенничества и его причины / Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов, Е.С. Шорикова // Философия и общество. – 2021. – № 2 (99). – С. 5–22.
23. Лившиц, Р.Л. Формы имитации науки / Р.Л. Лившиц // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 4. – С. 80–86.
24. Лившиц, Р.Л. Экзистенциальная ценность науки (наука и ее имитация) / Р.Л. Лившиц // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 14–22.
25. Юревич, А.В. Теневая наука в современной России (нормы и антинормы науки) / А.В. Юревич // Экономика образования. – 2011. – № 3. – С. 162–171.

References

1. Kasavin I.T. Science as an ethical project. *Questions of philosophy*. 2019;11:90-103.
2. Dvoinin A.M. General principles of ethical regulation of scientific activity and psychological and pedagogical research. *News of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education*. 2017;1:82-86.
3. Tulchinsky G.L., Mironov V.V., Markov B.V. [et al.]. Honest philosophizing. *Intelligence. Innovation. Investments*. 2017;12:68-76.
4. Zakirova T.V. Social imitation as a system-forming feature of co-temporary Russian society. *Intelligence. Innovation. Investments*. 2016;3:92-95.
5. Zakirova T.V. The fake life of modern society and its connection with social imitation. *Intelligence. Innovation. Investments*. 2021;1:107-112.
6. *Diogenes of Laertes*. On the life, teachings and sayings of famous philosophers. Moscow: Mysl, 1979. 620 p.
7. Akishina E.O., Martishina N.I. Scientific school: essence, status, possibilities of regulation. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;3(74):74-79.
8. Baranov V.M., Judin A.A., Shpilev D.A. The phenomenon of "scientific school" in the view of the professorial corps of Russia (experience in sociological analysis). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;3(43):10-27.

9. Grezneva O. Scientific schools: principles of classification. *Higher education in Russia*. 2004;5:42-48.
10. Ershova I.V. Scientific schools: law, doctrine, practice. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA)*. 2016;11(27):6-19.
11. Kuznetsova N.I. Parameters of a scientific school: to pose a problem. *Problems of the activities of a scientist and scientific teams*. 2022;8(38):261-267.
12. Mamontov S.A. Scientific school as a form of scientific community. *Innovative education and economics*. 2008;2:62-64.
13. Paveleyeva T.Yu. On the issue of identification of scientific schools. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. Series: Philosophical Sciences. 2011;4:83-90.
14. Fedorova G.V., Shcherbakov D.V. On the history of the question of scientific schools. *Bulletin of Siberian Medicine*. 2009;8(4):86-91.
15. Schools in science. Moscow: Nauka, 1977. 524 p.
16. Borisova T.V., Sheleketa V.O., Shestakov A.A. Phenomenon of the regional philosophical school: experience of comprehending the activities of V.N. Borisov. *Intellect. Innovation. Investments*. 2025;2:75-87.
17. Merton R. Social theory and social structure. Moscow: ACT: ACT Moscow: Keeper, 2006. 880 p.
18. Mirskaya E.Z. R.K. Merton and the ethos of classical science. *Philosophy of science*. 2005;11(1):11-28.
19. Bazhanov V.A. Science as a self-recognizing system. Kazan: Publishing House of KSU, 1991. 182 p.
20. Bazhanov V.A. Free scientific creativity and its imitation in Russian philosophy. *Epistemology and philosophy of science*. 2010;23(1):111-125.
21. Vinogradova T.V. Research dishonesty: The shadow side of science. *Science research*. 2017;1:61-91.
22. Gubanov N.I., Gubanov N.N., Shorikova E.S. Types of academic fraud and its causes. *Philosophy and society*. 2021;2(99):5-22.
23. Livshits R.L. Forms of imitation of science. *Intelligence. Innovation. Investments*. 2015;4:80-86.
24. Livshits R.L. The existential value of science (science and its imitation). *Social and humanitarian sciences in the Far East*. 2017;14(3):14-22.
25. Yurevich A.V. Shadow science in modern Russia (norms and antinorms of science). *Economics of education*. 2011;3:162-171.

Информация об авторе

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия; eLibrary SPIN: 8918-7755.
E-mail: igorbelyaev@list.ru

Information about the author

BELYAEV Igor A. – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia; eLibrary SPIN: 8918-7755.
E-mail: igorbelyaev@list.ru

УДК 1/14

КАРКАС БЫТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ МИРА НА ОСНОВЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ РАВНОВЕСИЙ

Н.Н. Кожевников, В.С. Данилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия

Поступила в редакцию: 30.10.25

В окончательном варианте: 21.11.25

Аннотация. Основным вопросом методологии исследования самоорганизации вещей в мире является совмещение нелинейности мира, обусловленной повсеместно распространенными в нем неравновесными состояниями и процессами, с его необыкновенной устойчивостью и оптимальностью. Это возможно в случае взаимодействия конкретной вещи с окружающей средой, уровнем структурного равновесия мира, областью ритмов через их равновесные границы, что позволяет им также связаться со своими предельными равновесиями. Совокупность предельных динамических равновесий, возникающих в процессах самоорганизации вещей, создает систему координат мира. Рассмотрены основные характеристики «равновесной динамической границы вещи», «области формирования равновесной границы вещи» и «предельных равновесий вещи», а также проекции равновесной границы на три вышеупомянутые области: «граница-среда», «граница-структура», «граница-ритм». Предпринимается попытка связать эту систему координат с бытием, для чего вводится понятие «каркас бытия», составленное из пределов всех конкретных вещей, субстанций, уровней мира, соответствующих атрибутам бытия. Атрибутами бытия являются субстанция, сущность, сущее, существование, присутствие. Предельные состояния каркаса бытия позволяют прояснить основные категории бытия (его аспекты), поскольку история философии характеризуется их запутанностью. Центральным моментом методологии исследований является установление взаимосвязей между предельными динамическими равновесиями и предельными состояниями бытия.

Ключевые слова: вещь, мир, взаимодействие, равновесная граница вещи, предельное динамическое равновесие, окружающая среда, уровень структурной организованности мира, порядок, хаос, ритм, бытие, субстанция, сущность, сущее, существование.

THE FRAMEWORK OF BEING FROM THE POINT OF VIEW OF THE WORLD COORDINATE SYSTEM BASED ON LIMIT DYNAMIC EQUILIBRIUMS

N.N. Kozhevnikov, V.S. Danilova

North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia

Original article submitted: 30.10.25

Revision submitted: 21.11.25

Abstract. The main issue of the methodology for studying the self-organization of things in the world is the combination of the nonlinearity of the world, caused by the ubiquitous nonequilibrium states and processes in it, with its extraordinary stability and optimality. This is possible in the case of the interaction of a specific thing with three areas: the environment, the level of structural equilibrium of the world, the area of rhythms through their equilibrium boundaries, which also allows them to connect with their limit equilibria. The set of limit dynamic equilibria arising in the processes of self-organization of things creates a coordinate system of the world. The main characteristics of the "equilibrium dynamic boundary of a thing", "area of formation of the equilibrium boundary of a thing" and "limit equilibria of a thing" are considered, as well as the projections of the equilibrium boundary onto the three above-mentioned areas: "boundary-environment", "boundary-structure", "boundary-rhythm". An attempt is made to link this coordinate system with being, for which purpose the concept of "framework of being" is introduced, composed of the limits of all specific things, substances, levels of the world corresponding to the attributes of being. The attributes of being are substance, essence, being, existence, presence. The limit states of the framework of being allow us to clarify the main categories of being (its aspects), since the history of philosophy is characterized by their confusion.

Keywords: thing, world, interaction, equilibrium boundary of a thing, limit dynamic equilibrium, environment, level of structural organization of the world, order, chaos, rhythm, being, substance, essence, thing is existence, existence.

В науке и философии всегда существовали направления, устремленные к универсализации. Ньютон объединил земную механику Галилея и небесную Кеплера. Фарадей экспериментально, Максвелл теоретически объединили представления об электричестве и магнетизме. В XX столетии возникли теории, объединяющие электромагнитное, слабое, а затем и сильное взаимодействия. Физики устремлены к поиску единой силы, М. Планк сформировал систему координат на основе мировых фундаментальных констант. Аналогичные системы координат возникали в математике: система Декарта, четырехмерное пространство Минорского, которое активно использовал Эйнштейн в специальной теории относительности. В настоящее время в теории сётрун и других современных концепциях физики используются семь и более координат. Системы координат играют важную роль в астрономии, географии и многих других науках.

В философии также всегда имело место стремление к универсальным концепциям и подходам. Наиболее наглядны поиски единого основания в натурфилософии Древней Греции; системы Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля стремились охватить все направления этой науки – от метафизики до этики и эстетики. Универсализм, проявившийся в теории систем, синергетике, экологии, принципах современной методологии и научных картинах мира, активно развивается в различных направлениях. Все это естественным образом подводит к исследованию системы координат мира на основе предельных динамических равновесий его вещей и взаимосвязи этой системы координат с бытием.

Природа, социум и гуманитарная сфера в своем развитии опираются именно на равновесные границы вещей и областей. Эти общие динамические равновесия связаны с множеством частных, так что каждая из вещей взаимодействует с наиболее близким к нему равновесием. Основным вопросом самоорганизации вещей в мире является совмещение нелинейности мира, обусловленной повсеместно распространенными в нем неравновесными состояниями и процессами, с его необыкновенной устойчивостью и оптимальностью. Это обусловлено присутствием равновесных динамических предельных состояний вещей на всех уровнях организации мира при всех типах квазиравновесных взаимодействий. Любая вещь на всех уровнях структурной организации мира стремится к самоорганизации. Вместе с тем любая определившаяся вещь стремится вступить во взаимодействие с аналогичными вещами и сформировать устойчивую систему элементов. Все в мире связано в системы (молекулярные, организменные, душевные, духовные и т. п.) посредством взаимодействий.

Совокупность предельных динамических равновесий, возникающих в процессах самоорганизации вещей, и создает систему координат мира. Она доступна для исследования через взаимодействия вещей с их предельными граничными равновесиями, создаваемыми самими этими вещами. Наряду с этим система координат мира позволяет рассмотреть процессы самоорганизации вещи с точки зрения этих пределов [1]. Очень важна взаимосвязь системы координат мира с бытием, что открывает новые возможности для исследования этих понятий.

Опираясь на проблемы порядка-хаоса, развиваемый подход связан с традиционными проблемами синергетики, рассмотренными Г. Хакеном, и неравновесной термодинамики, исследованными И. Пригожиным. Наиболее полно эти вопросы освещаются в работах В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, П.Д. Тищенко, Л.П. Киященко [2]. Развиваемый подход связан также с проблемами постнеклассических онтологии и рациональности [3], онтологиями Н. Гартмана [4] и М. Хайдеггера [5].

Таким образом, целью настоящей работы является обоснование универсального подхода к исследованию самоорганизации мира на основе предельных динамических равновесий. Задачи сводятся к выявлению основных понятий развиваемого подхода: «равновесная динамическая граница вещи», «область формирования равновесной границы вещи», «предельные равновесия вещи», «каркас бытия и его основные характеристики».

Материалы и методология исследований

Равновесные динамические границы вещи возникают вследствие одновременного её взаимодействия с тремя «областями взаимодействия вещи». Обозначим их: взаимодействие с окружающей средой – E , уровнем мира, его структурами – S , ритмами – R . Со всеми ними вещь имеет неравновесные, постоянно изменяющиеся границы. Однако, пребывая в неравновесном состоянии, вещь и все эти области могут сформировать между собой устойчивую равновесную динамическую границу, которая поддерживается связанными с ними взаимодействиями. Целесообразность рассмотрения самоорганизации вещи в трех вышеупомянутых областях обусловлена существованием различных типов порядка-хаоса, присущих различным субстанциям вещей и их взаимодействий в этих областях. Общую равновесную границу трудно представить наглядно, поэтому целесообразно рассмотреть проекции этой границы на три вышеназванные области. При этом несмотря на то, что проекция границы рассматривается, например, только в области окружающей среды (уровня или ритмов), в её создании и функционировании принимают участие процессы всех этих областей и все они влияют друг на друга. Обозначим соответственно: вещь – T , равновесную динамическую границу – B , проекции границы: «граница-среда» – BE , «граница-структура» – BS , «граница-ритм» – BR .

Существование равновесных границ обосновывается следующим образом. 1. Равновесная граница связывает воедино совокупности равновесных процессов в вещи, в среде, уровне, ритмах, образуя равновесную область, в пределах которой происходит её формирование. 2. Все области, с которыми взаимодействует вещь, должны быть связаны между собой, иначе в мире не было бы устойчивых образований. Это может быть осуществлено только через общую равновесную границу. 3. Равновесная граница играет роль аттрактора и катализатора, что объясняет слишком быстрый ход эволюции. 4. Граница становится местом (вместе с областью её формирования) структурного превращения хаоса в порядок и обратно. 5. На такую границу опираются духовные, душевные и жизненные практики, а также квазиравновесные взаимодействия на других уровнях и подуровнях мира.

Формирование равновесных границ вещей и областей их взаимодействий происходит не сразу, а в результате длительного процесса дополнения и уточнения. Это относится не только к границе B , но и к её проекциям. «Область формирования границы» S включает в себя процессы идентификации, коммуникации, ритмизации и характеризуется параметрами P, H, R , где P – феномен идентификации, H – горизонт коммуникации, R – опорный ритм. Феномен идентификации равновесной границы является её элементом (меткой), так что равновесная граница состоит из их набора. Предельным состоянием параметра идентификации является его полное совпадение с соответствующей границей. Горизонт коммуникации H очерчивает область, из которой поставляется или убирается ресурс для уточнения и упрочнения равновесной границы. Все «области взаимодействия вещи» поставляют ресурсы для формирования границы и имеют горизонты этих ресурсов. Предельным состоянием горизонта коммуникации является полностью хаотизированное состояние области формирования границы.

Опорный ритм R обеспечивает устойчивое взаимодействие между проекциями границ, участвующих в процессе этого формирования. Параметры P , H , R непрерывно изменяются и уточняются, но остаются устойчивыми, поскольку они непрерывно взаимодействуют друг с другом.

Процесс формирования равновесной границы вещи и областей её взаимодействия характеризуется следующим. 1. Область формирования равновесной границы C является местом для пересечения областей её взаимодействия. 2. Граница существует достаточно длительное время, так что процессы формирования определенного её этапа успевают реализоваться. 3. Область формирования границы C ограничена параметрами: P – феномен идентификации, H – горизонт коммуникации, R – внутренний опорный ритм. 4. Феномен идентификации P вносит вклад в формирование границы на каждом её этапе, дополняя эту границу какой-то новой характерной чертой. Процесс самоорганизации параметра P стремится к пределу – полностью идентифицированной границе. 5. Горизонт коммуникации H может использовать этот ресурс для уточнения равновесной границы вплоть до полного исчерпания. 6. Опорный ритм R соответствует устойчивым ритмам между равновесными границами начала и конца процесса формирования границы [6]. Ритм необходим в этом процессе как внешняя характеристика времени, он лучше соответствует сопоставлению его с каким-либо порядком: «...время – это одно из понятий, которое определить невозможно... Дело, однако, не в том, как дать определение понятия «время», а в том, как его измерить» [7, с. 86]. Целесообразно рассмотреть также инфраструктурные параметры «границы-среды», «границы-уровня», «границы-ритма» для каждого уровня мира. Наличие таких границ более соответствуют естественной самоорганизации вещей по сравнению с обыденными и многими научными представлениями об этих процессах.

Предельные равновесные динамические границы вещи (предельные равновесия) характеризуются следующим:

1. Обладают завершенностью всех процессов идентификации, коммуникации, ритмизации по сравнению со всеми остальными равновесными границами.

2. Являются единым основанием (аттрактором) для всех остальных предельных равновесных границ.

3. Области формирования равновесных границ вещи и областей их взаимодействия, на которые опираются эти границы, представляют собой хаотизированные образования.

4. Границы предельных динамических равновесий состоят из элементов порядка.

5. В реальных условиях такие полностью равновесные состояния и границы предельных динамических равновесий недостижимы вследствие тенденций, противостоящих им.

6. Взаимосвязанная совокупность предельных динамических равновесий становится системой координат мира [8].

Равновесную границу вещи и областей её взаимодействия можно связать:

1) с ресурсами вещи в контексте её взаимодействий с тремя вышеназванными областями;

2) с состояниями предельных динамических равновесий.

Основными способами выявления этих состояний являются следующие:

1. Изолирование вещи вместе с её равновесными взаимодействиями трех «областей взаимодействий» в определенный момент времени приводит к предельным равновесиям этой вещи.

2. Предоставление возможности ресурсам вещи естественным образом квазиравновесно распространиться на все три «области взаимодействия». Этот процесс соответствует «процессу инерции», здесь горизонты в областях дают представление о ресурсах вещи. Например, границы Солнечной системы соответствуют расстоянию 1,2 светового года, при котором гравитационное притяжение слабеет из-за увеличения расстояния между объектами, что позволяет оценить ресурс притяжения Солнца.

Связь системы координат с бытием

Бытие есть все существующее. Традиционно в качестве различных аспектов бытия рассматриваются «субстанция», «сущность», «сущее», «существование», «присутствие». Следует отметить, что аспект – это взгляд, точка зрения, атрибут – неотъемлемое свойство, так что перечисленные выше понятия могут быть отнесены и к тому, и к другому. Далее будут употребляться оба понятия (и «аспект», и «атрибут») в зависимости от конкретных обстоятельств и контекста.

А.Ф. Лосев в силу особенностей и обстоятельств своего времени выделяет одиннадцать материалистических и идеалистических подходов к представлению термина «бытие», среди которых наиболее важное значение имеют следующие:

1) обобщенное существование, либо неразрывно связанное со всеми заполняющими его качествами и количествами, либо имеющее тенденцию освободиться от них и образовывать самостоятельную и абсолютную действительность;

2) *intellectus dei infinitus*, то есть бытие как бесконечная совокупность идей, составляющих интеллект божества и являющихся творческим первообразом всего существующего;

3) *actus purus*, или «чистая деятельность», принимавшая весьма разнообразные формы, начиная от аристотелевской «энергии» и кончая неоплатоническими «эманациями»;

4) *coincidentia oppositorum*, или «совпадение противоположностей», стоявшее выше всякого субъекта и выше всякого объекта, также имевшее свою длительную историю от Платона до Николая Кузанского [9, с. 209]. Представления о Бытии и его основные принципы менялись со временем: от сформулированных элеатами (Парменид, Мелис) до концепций Н. Гартмана, М. Хайдеггера и других. На протяжении истории философии сформировались онтологическая и гносеологическая парадигма бытия. Согласно первой бытие дано само по себе, и только взаимодействие с ним придает разумность человеческому мышлению и поступкам. В соответствии с гносеологической парадигмой мир дан нам в формах познания. Как отмечал Кант, он будто создан в соответствии с нашим разумом.

Основные особенности бытия

Человек укоренен в существующем, и вследствие этого ему исключительно сложно «увидеть» существующее само по себе. Для этого необходима определенная «подсветка», которая может принимать разнообразные формы, которые философы характеризовали как фундаментальное настроение, «осененность» бытием, «тягу повсюду быть дома» (Новалис), «бытие есть особый способ разговора, в котором только оно и возникает» (Хайдеггер), «незаконная радость» (Мамардашвили) и т. д. Несмотря на доступность бытия, с ним очень трудно взаимодействовать на всех уровнях мира. «Бытие – это не Бог и не основа мира. Бытие дальше, чем все сущее, и все же ближе человеку, чем любое сущее, будь то камень, животное, произведение искусства, машина, будь то ангел или Бог. Бытие есть ближайшее. Однако близкое остается человеку самым далеким» [10, с. 202]. Тем не менее человек имеет неограниченные возможности взаимодействовать с бытием,

поскольку сам является его ярким представителем. В «Новых опытах о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии» Г.В. Лейбниц писал: «И я хотел бы узнать, каким образом у нас могла бы быть идея бытия, если бы нам самим не было присуще бытие и мы не находили бы, таким образом, бытия в нас самих» [11, с. 87].

Философия выявляет характер мышления, в котором может «открыться» бытие. «Это не последовательность логических операций, не поэтический вымысел (хотя то и другое присуще философской мысли), а особый способ жизни, существование в «бодрствующем» режиме, в котором можно удерживаться только крайним напряжением человеческих сил и только в течение некоторого времени, в краткие счастливые часы или даже минуты, прерывающие ход нашей обыденной жизни... Тот, кто постиг такую истину, должен быть «живым» в самом строгом смысле слова» [12, с. 7]. Такой точки зрения придерживался, например, Н.А. Бердяев, считавший, что бытие – это особая жизнь, в результате которой складывается специфическое отношение к миру.

Бытийную структуру человека Хайдеггер называет экзистенцией. «Не мышление, а именно экзистенция как эмоционально-практически-понимающее сущее открыто смыслу бытия» [13, с. 344]. С.Л. Франк показал, что субъект может непосредственно созерцать не только содержание сознания, но и бытие. Значительную роль при этом играет «большое сознание – в широком смысле слова». Сознание в узком смысле слова, по Франку, – поток переживаний, совокупность непосредственных впечатлений о мире, самосознание и т. п. Сознание в широком смысле объемлет все бытие, и оно не есть сознание как таковое, ибо то, что не охвачено этим широким сознанием, для нас вообще не существует.

Разнообразие интерпретаций бытия связано прежде всего с его генезисом и определяется возникновением двух фундаментальных онтологий: космологической Парменида и антропологической Сократа. Их взаимодействие и развитие обусловило формирование представлений о бытии, понимаемом как мышление, совокупность идей, Бог, материя, система структурных уровней организации мира, Дух. Рассматривалась связь бытия со временем, языком, техникой и т. п. Все эти определения представляют собой «вершину айсберга», за каждым из них, будь то материя или мышление, остается некий предельный остаток, который не может быть определен. Эти остатки можно косвенно определять по их отсутствию, потому что в любом присутствующем всегда ощущается срез, за которым должно скрываться что-то еще, чтобы это существующее было целостным или целокупным. Несмотря на все эти таинственные остатки, философия стремится их выразить каким-либо рационализированным способом. «В отличие от мистицизма философия хочет быть произнесенной тайной» [14, с. 107].

Бытие имеет внутреннее строение (структуру), которую рассматривали многие философы, используя для этого самые разные подходы. Платон подразделял все существующее на материю и идеи, Демокрит – на атомы и пустоту. Свои структуры бытия были у Декарта, Локка, Канта, Фихте, Гегеля и многих других.

Каркас бытия и его основные характеристики

Бытие неоднородно по своему составу, обладает различными качествами. Поскольку бытие включает в себя все существующее, то в нем имеются и организованная, и хаотическая часть, по которым и следует прежде всего рассмотреть его типологию. Хаотическая часть бытия состоит из результатов деструктурных хаотических образований, результатов разрушения уже существовавших структур, то есть включает в себя хаос всех возможных видов. Организованная часть бытия связана с его аспектами и подводит нас к введению понятия «каркас бытия», опирающегося на предельные

динамические равновесия, совокупность которых и обеспечивает его существование. Каркас бытия представляет собой подвижное равновесие, опирающееся на детерминистический порядок-хаос и квазиравновесные, ориентированные на предельные динамические равновесия способы взаимодействия со всеми его частями. В целом он стремится к максимальному пределу, охватывающему все существующее. О максимальном пределе каркаса бытия догадывался еще, по-видимому, Парменид, считавший бытие неделимым, существующим только целиком, в настоящем времени и пространстве, полагавший, что оно не может быть в будущем или прошлом. Парменид считал его завершенным, существующим в строгих границах, похожим на идеальный шар, центр которого везде, а любая точка равноудалена от центра.

Выбор в качестве основания бытия пределов «каркаса бытия» вовлекает в процесс непосредственного исследования огромное количество конкретных вещей, уровней организации мира, их подуровней, все возможные виды субстанций и т. п. Можно выделить несколько типов пределов на основе всех известных аспектов бытия. Они являются как максимальными, так и минимальными. Все первые пределы связаны с общим максимальным пределом, вместе с которым они охватывают все существующее, обеспечивая его устойчивость, все они также связаны друг с другом и гомеоморфны друг другу. Таким образом, все аспекты существующего и их части взаимодействуют с максимальными пределами равновесной структуры бытия, которые способны вступить во взаимодействие с любой из них.

Минимальные пределы подтверждают уникальность отдельных частей бытия, поскольку вещь, уровень мира, субстанция начинаются с определенного минимального состояния и с соответствующей ей границы. Следовательно, субстанция, сущность, сущее также имеют соответствующие пределы-минимумы. Существование, присутствие могут быть, только если они имеют минимальную временную протяженность. Граница с небытием также представляет собой соответствующий минимум. Все минимальные пределы также связаны и гомеоморфны друг другу.

Таким образом, пределы каркаса бытия связаны, с одной стороны, со всеобщим, целокупным, а с другой – с индивидуальным, уникальным. Эти пределы находятся в процессах постоянного формирования и уточнения, поскольку существующее охватывает все возможное, а последнее постоянно перераспределяется, переформируется, возникает и исчезает и для его устойчивости необходим перманентный мониторинг этих процессов. Каркас бытия представляет собой «мерцающий кластер» пределов различных типов, которые возникают и исчезают. Именно этот каркас обеспечивает устойчивость очень неоднородного бытия, которое проявляется, во-первых, в самом факте его существования и, во-вторых, в относительных равновесиях между его частями. Этот каркас можно рассматривать как «просвет в бытии», о котором писали некоторые философы, например Сартр.

Предельные состояния основных аспектов бытия

Рассмотрение аспектов бытия с точки зрения каркаса бытия позволяет упростить представления о них. В истории философии «субстанция», «сущность», «сущее», «существование», «присутствие» в концепциях многих философов имели различную значимость, были тесно переплетены, веками шли споры об их статусе. При этом основные споры шли вокруг триады «бытие», «сущее», «существование». Кроме того, возникали серьезные споры вокруг составных частей этих аспектов. Некоторые аспекты также имели свою внутреннюю структуру. Широко известно выделение Аристотелем двух видов сущности. Так, Аристотель выделял сущности первую и вторую, на основе

которых была, например, обоснована философская интерпретация «Троицы» в христианстве. Предельные состояния этих понятий позволяют выявить в них самое главное и тем самым подчеркнуть их основное назначение среди аспектов бытия. При этом возможны некоторые допущения, но подобные допущения о значении аспектов бытия принимались на протяжении всей истории философии, начиная с Парменида.

«Субстанциональный предел» охватывает предельные границы всех возможных субстанций, при этом «все существующее» рассматривается в «горизонтальном измерении». Традиционные определения субстанции утверждают: это то, что существует самостоятельно, само по себе и представляется само через себя, нечто устойчивое и постоянное. Субстанцию, рассмотренную через каркас бытия, будем называть «бытие субстанции». Такое представление касается и других аспектов бытия. «Бытие субстанции» представляет собой границы материи, духа (духовности). Может быть выделено и бытие некой подсубстанции, в том числе, возможно, еще не открытой. Например, искусственный интеллект может рассматриваться как новое квазисубстанциональное образование бытия. «Бытие субстанции» шире «бытия сущности» и «бытия сущего».

«Предел сущности» отражает тот факт, что все существующее может быть устойчивым только тогда, когда оно уникально. Философы материалистической ориентации любили подчеркивать, что вещи «носят в себе характер независимой самобытности от человека; они были, когда его не было; им нет до него дела, когда он явился; они без конца, без пределов; они беспрестанно и везде возникают, появляются, пропадают» [15, с. 130]. Бытие сущности, представленное через каркас бытия, подчеркивает, что сущность относится к вещи. В частности, уникален человек, связанный с каркасом бытия, то есть бытийствующий человек, и только он может взаимодействовать с бытием, иметь судьбу.

«Координата сущего» через свои пределы связана с каркасом бытия и уровнем бытия (уровнем мира). Она направлена в глубину этого уровня и может быть названа «вертикальной». На всех уровнях мира (неживое, живое, душа, дух) сущее простирается невероятно глубоко, везде есть неизведанные слои, и процесс их исследования неисчерпаем. Например, на уровне неживого согласно существующим гипотезам «видимыми» (во всех диапазонах электромагнитных волн) оказываются процентов пять Вселенной. Все остальное приходится на «темную материю» и «темную энергию». Другой пример для уровня неживого связан с бесконечной протяженностью Вселенной – звёздное небо завораживало человека с древнейших времен. На уровнях живого, души, духа их основания также окутаны тайной. Крохотные миры индивидуального сознания, личности, культуры окружены океаном бытия, проявляющимся как психические процессы, бессознательное, процессы надсознания и т. п. Однако устойчивым доступное нам существующее может быть только совместно со всеми этими гипотетическими частями. В отношении душевного и духовного соответствующие практики, в том числе и религиозные, давно уже нащупали некоторые решения этих проблем, опираясь на концепции Бога, Абсолюта и т. п. Бытие сущего подчеркивает, что сущее относится к уровню структурного равновесия мира. Необыкновенная устойчивость уровней мира, его частей, подсистем обеспечивает устойчивость бытия в целом, самого по себе. Как неоднократно подчёркивает М. Хайдеггер, «бытие сущего не есть сущее» [5, с. 21]. Здесь также устойчиво существовать может только уникальное, и наиболее уместен вопрос о связке «есть», потому что это относится прежде всего к уровню структурной организации мира, ощутить который чувствами или интеллектом проще, чем все другие пределы каркаса бытия через его многочисленные взаимодействия.

С.М. Франк отмечал, что «головокружительный, почти приводящий нас до грани безумия вопрос: «что собственно мы подразумеваем под словом «есть»? что это значит, что что-либо или все вообще «есть»? – этот вопрос разрешается сам собой через усмотрение...» [16]. Все вообще усмотреть нельзя, но что-либо, то есть часть бытия и прежде всего уровень структурной организации мира, как раз усматривается.

«Предел существования» связан с проблемой существования (экзистенции, от лат. *existo* – существую), которая «восходит к стоикам, отличавшим сущность как конкретную телесную вещь от существования как её предиката... Если существование вещи... есть лишь актуализация её сущности, то мир обладает устойчивостью сам по себе; если же существование вещи отличается от её сущности и первично по отношению к ней, то вещь так же, как и весь... мир, несамостоятельна и держится на чем-то ином» [17, с. 677–678]. Аристотель говорил, что одно дело «человек» и другое – «быть человеком», а Кант полагал, что существование никогда не может быть предикатом. Исходя из всех предыдущих высказываний, а также из сказанного по поводу предыдущих пределов, можно отметить, что в контексте каркаса бытия «бытие существования» следует рассматривать отдельно от сущего и сущности. После Кьеркегора существование стало пониматься как единичное, личностное, конечное, необратимое. Существование связано с судьбой и со смертью. Последнее обстоятельство подробно исследовано Хайдеггером. Он полагал, что человек – это сущее, сущность которого заключается в его бытии-экзистенции. В экзистенциализме существование рассматривается не как субстанция, вследствие чего она непостижимо с помощью рациональных методологий философии и науки.

Предел «присутствия бытия» можно рассматривать как вопрошание, что применительно к бытию человека подробно рассмотрел Хайдеггер. Обобщение вопрошания можно рассматривать как воздействие некоторого устойчивого квазиравновесного поля ритмов (знаков), вовлекающих новую вещь в процесс самоорганизации. Эти знаки создаются вещами, уже прошедшими процесс самоорганизации и продолжающими свое существование в полевой форме. Это может быть полевое воздействие каркаса бытия на эти новые вещи.

Координату небытия, как и две предыдущих, следует рассматривать в контексте временности, с сопоставлением бытия и небытия. Первую, вторую, третью и четвертую координаты можно рассматривать как в статическом, так и в динамическом смысле, два последних измерения (пятое и шестое) прежде всего динамические. В статическом смысле небытия нет; какое бы измерение мы не взяли для субстанции, сущности, сущего, существования – везде можно найти более «глубокий» уровень. В динамических процессах небытие имеет место. Вещи разрушаются на части, элементы; какие-то субстанции – интеллектуальная, духовная – у выдающихся личностей могут сохраняться какое-то время, но у обычных людей быстро исчезают.

Каждое из этих измерений имеет связь с системой координат мира на основе предельных динамических равновесий. Наглядной является устойчивость границ между отдельными слоями бытия, что позволяет рассматривать их как одно из оснований системы координат для всех процессов, имеющих место в существующем. Все эти координаты дополняют друг друга и имеют взаимосвязанные предельные основания.

Заключение

Равновесные динамические границы вещи рассмотрены в одновременном взаимодействии с тремя областями: окружающей средой, уровнем структурной организации мира, его ритмами. Это позволяет выявить равновесные границы вещи и процесс

достижения ими своих пределов. Предельные динамические равновесия вещей завершают процессы идентификации, коммуникации, ритмизации, что позволяет «развести» исходные понятия по своим фундаментальным значениям, тогда как во всех других состояниях они «переплетены». В реальных условиях полностью равновесные состояния и границы предельных динамических равновесий недостижимы вследствие наличия тенденций, противостоящих им. Взаимосвязанная совокупность предельных динамических равновесий вещей мира становится его системой координат.

Рассмотренная попытка связи системы координат на основе предельных динамических равновесий с бытием представляется вполне естественной. И то, и другое являются понятиями общими, дополняя друг друга. Предельные состояния каркаса бытия позволяют прояснить основные категории бытия, представленные выше как его аспекты. Запутанность этих понятий, их пересечение, изменение их статуса служат основными проблемами, проходящими через всю историю философии. Рассматривать систему координат мира целесообразно именно через предельные основания бытия. Это открывает пути для современного исследования многих традиционных проблем русской философии: «всеединства», «абсолюта», «богочеловечества» и т. д.

Список литературы

1. *Кожевников, Н.Н.* Самоорганизация мира с точки зрения системы координат на основе предельных динамических равновесий его вещей: монография / Н.Н. Кожевников. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2022. – 160 с.
2. *Онтология и эпистемология синергетики.* – Москва: ИФ РАН, 1997. – 159 с.
3. *Степин, В.С.* Теоретическое знание / В.С. Степин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
4. *Гартман, Н.* К основоположению онтологии / Н. Гартман; пер. с нем. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 640 с.
5. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. – Москва: Фолио, 2003. – 503 с.
6. *Кожевников, Н.Н.* Основные понятия философии в контексте системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса: монография / Н.Н. Кожевников. – Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2020. – 176 с.
7. *Фейнман, Р.* Фейнмановские лекции по физике / Р. Фейнман, Р. Лейтон, М. Сэндс; пер. с англ. – Т. 1. – Москва: Мир, 1965.
8. *Кожевников, Н.Н.* Процессы самоорганизации на основных уровнях структурной организации мира в контексте его системы координат: монография / Н.Н. Кожевников. – Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2024. – 128 с.
9. *Лосев, А.Ф.* Бытие (Древнегреческая философия). Философская энциклопедия: в 5 т. / А.Ф. Лосев. – Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1960. – С. 207–209.
10. *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме. Время и бытие / М. Хайдеггер; пер. с нем. – Москва: Республика, 1993. – С. 192–220.
11. *Лейбниц, Г.В.* Собрание соч.: в 4 т. / Г.В. Лейбниц. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1983. – 686 с.
12. *Губин, В.Д.* Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии / В.Д. Губин. – Москва: Российский гос. гуманитарный университет, 1998. – 191 с.
13. *Гайденко, П.П.* Бытие. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / П.П. Гайденко. – Т. 1. – Москва: Мысль, 2000. – С. 337–345.

14. *Ортега-и-Гассет, Х.* Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – Москва: Наука, 1991. – 411 с.
15. *Герцен, А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. / А.И. Герцен. – Т. 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. – Москва: Издательство АН СССР, 1954. – 130 с.
16. *Франк, С.Л.* Непостижимое / С.Л. Франк. – Москва: АСТ, 2007. – 506 с.
17. *Гайденко, П.П.* Существование. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / П.П. Гайденко. – Т. III. – Москва: Мысль, 2001. – С. 677–679.

References

1. *Kozhevnikov N.N.* Self-organization of the World from the Point of View of the Coordinate System Based on the Limit Dynamic Equilibria of Its Things. Monograph. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU, 2022. 160 p.
2. *Ontology and Epistemology of Synergetics.* Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1997. 159 p.
3. *Stepin V.S.* Theoretical Knowledge. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. 744 p.
4. *Hartmann N.* On the foundations of ontology. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka, 2003. 640 p.
5. *Heidegger M.* Being and Time. Transl. from German. Moscow: Folio, 2003. 503 p.
6. *Kozhevnikov N.N.* Basic Concepts of Philosophy in the Context of the World's Coordinate System Based on the Limit Dynamic Equilibria of Deterministic Chaos. Monograph. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU, 2020. 176 p.
7. *Feynman R., Leighton R., Sands M.* The Feynman Lectures on Physics. Vol. 1. Transl. from Engl. Moscow: Mir, 1965.
8. *Kozhevnikov N.N.* Self-organization Processes at the Main Levels of the Structural Organization of the World in the Context of Its Coordinate System. Monograph. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU, 2024. 128 p.
9. *Losev A.F.* Being (Ancient Greek Philosophy). Philosophical Encyclopedia. In 5 vol. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1960. Pp. 207–209.
10. *Heidegger M.* Letter on Humanism. Time and Being. Transl. from German. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 192–220.
11. *Leibniz G.V.* Collected Works. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1983. 686 p.
12. *Gubin V.D.* Ontology. The Problem of Being in Modern European Philosophy. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1998. 191 p.
13. *Gaidenko P.P.* Being. New philosophical encyclopedia. In 4 vol. Vol. I. Moscow: Mysl, 2000. Pp. 337–345.
14. *Ortega y Gasset J.* What is Philosophy? Transl. from Spanish. Moscow: Nauka, 1991. 411 p.
15. *Herzen A.I.* Collected works. In 30 vol. Vol. 3. Dilettantism in science. Letters on the study of nature. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 130 p.
16. *Frank S.L.* The Incomprehensible. Moscow: AST, 2007. 506 p.
17. *Gaidenko P.P.* Existence. New philosophical encyclopedia. In 4 vol. Vol. III. Moscow: Mysl, 2001. Pp. 677–679.

Информация об авторах

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета; eLibrary SPIN: 7650-1297.
E-mail: nnkozhev@mail.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета; eLibrary SPIN: 9303-7094.
E-mail: vs.danilova@s-vfu.ru

Information about the authors

KOZHEVNIKOV Nikolay N. – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, North-Eastern Federal University; eLibrary SPIN: 7650-1297. **E-mail:** nnkozhev@mail.ru

DANILOVA Vera S. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, North-Eastern Federal University; eLibrary SPIN: 9303-7094. **E-mail:** vs.danilova@s-vfu.ru

УДК 111.81, 111.7, 159.937.3, 004.056.2

НЕЙРОИНТЕРФЕЙСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ «ФЕНОМЕНАЛЬНОГО ТЕЛА»: ОТ ИНКАРНАЦИИ К ЭКСКОРПОРАЦИИ

А.В. Кузнецов, Р.А. Дунаев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Россия

Поступила в редакцию: 30.09.25

В окончательном варианте: 17.11.25

Аннотация. Статья посвящена междисциплинарному анализу воздействия нейроинтерфейсов (НИ) на структуры самосознания, а именно – на конструкт «феноменального тела». Исходный тезис исследования заключается в том, что феноменальное тело (субъективно переживаемое единство и принадлежность телесного опыта) не является статичной данностью, но поддерживается динамическим равновесием проприоцептивных, вестибулярных и interoцептивных сигналов, обеспечивающих онтологическую безопасность и аутентичность «Я». В работе утверждается, что нейроинтерфейсы, оказывая влияние на сенсомоторно-когнитивную интеграцию, выступают катализатором глубокой трансформации этого конструкта. Мы прослеживаем траекторию этой трансформации: от инкарнации – традиционного состояния, характеризующегося неразрывной связью сознания с биологическим телом, к экскорпорации – новому модусу телесности, при котором самоощущение индивида мигрирует, расширяется или частично переносится на внешние, синтетические или виртуальные агенты. В рамках статьи анализируются механизмы этой деконструкции: нарушение проприоцептивного контура, модуляция аффективного гомеостаза и переопределение границ «своего» и «чужого». Исследование носит теоретико-философский характер и опирается на концептуальный аппарат феноменологии, нейронауки (в частности, теорию соматосенсорного гомеостаза Антонио Дамасио) и science & technology studies (STS). В заключении обсуждаются этические и экзистенциальные последствия данного сдвига, связанные с проблемой идентичности, агентности и новой конфигурации человеческого бытия в эпоху симбиоза с технологиями.

Ключевые слова: нейроинтерфейсы, феноменальное тело, инкарнация, экскорпорация, воплощенное познание, проприоцепция, нейропластичность, постгуманизм, онтологическая безопасность, виртуальная телесность.

NEURAL INTERFACES AS A TOOL FOR THE TRANSFORMATION OF THE "PHENOMENAL BODY": FROM EMBODIMENT TO EXCORPORATION

A.V. Kuznetsov, R.A. Dunaev

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia

Original article submitted: 30.09.25

Revision submitted: 17.11.25

Abstract. This paper presents an interdisciplinary analysis of the impact of neural interfaces (NIs) on the fundamental structures of human self-awareness, specifically the construct of the "phenomenal body". The core thesis of the research is that the phenomenal body – the subjectively experienced unity and ownership of bodily experience – is not a static given but is sustained by a dynamic equilibrium of proprioceptive, vestibular, and interoceptive signals that ensure ontological security and the authenticity of the "Self". The article argues that neural interfaces, by establishing a direct bypassing pathway for sensorimotor control and perception, act as a catalyst for a profound transformation of this construct. We trace the trajectory of this transformation: from embodiment – a traditional state characterized by the inseparable link between consciousness and the biological body – to excorporation – a new modality of corporeality in which an individual's sense of self migrates, expands, or is partially transferred to external, synthetic, or virtual agents. Within the framework of the paper, the mechanisms of this deconstruction are analyzed: the disruption of the proprioceptive loop, the modulation of affective homeostasis, and the redefinition of the boundaries between "self" and "non-self". The study is theoretical and philosophical in nature, drawing on the conceptual apparatus of phenomenology, neuroscience (in particular, Antonio Damasio's theory of somatosensory homeostasis), and Science and Technology Studies (STS). The conclusion discusses the ethical and existential implications of this shift, which concern issues of identity, agency, and the new configuration of human existence in the age of symbiosis with technology.

Keywords: neural interfaces, phenomenal body, embodiment, excorporation, embodied cognition, proprioception, neuroplasticity, posthumanism, ontological security, virtual corporeality.

Исходной точкой нашего анализа служит концепция «феноменального тела» (термин, идущий от М. Мерло-Понти), которое не является объективным биологическим телом (Körper), но представляет собой «живое тело» – тело, переживаемое изнутри как неотъемлемая и первичная основа нашего бытия-в-мире (Dasein, по М. Хайдеггеру). Это тело характеризуется состоянием инкарнации: сознание не просто «находится» в теле, но воплощено, сращено с ним, что формирует базовую телесную схему – дорефлективное чувство собственной пространственной организации и границ. В этом состоянии сенсорные каналы и моторные функции выступают как «естественные» и прозрачные окна в мир, а самоидентификация строится на неразрывном единстве психического и физического. Информационная безопасность в этом контексте носит имплицитный характер, защищая целостность этой системы через биологическую и психологическую неприкосновенность. Поэтому для философско-антропологического анализа трансформаций человеческой телесности под воздействием высоких технологий возникает необходимость зафиксировать тот фундаментальный, дотехнологический модус бытия, который подвергается изменению. Таким модусом выступает изначально, данное нам в непосредственном переживании единство сознания и тела, концептуализированное в философии XX века как «феноменальное тело» и «инкарнация».

Внедрение нейроинтерфейсов (Brain-Computer Interfaces, BCI) инициирует процесс экскорпорации – вынесения функций и аспектов «Я» за пределы биологического тела. Это представляет собой радикальный разрыв с традиционной инкарнацией. BCI действуют как кибернетические протезы сознания, создавая новые, гибридные сенсомоторные контуры. Если классические протезы компенсировали утраченную функцию, то нейроинтерфейсы трансцендируют тело, добавляя ему новые «органы» восприятия (напрямую получая информацию из цифровых источников) и действия (манипулируя объектами силой мысли). Это приводит к пластической редефиниции телесной схемы, которая теперь должна инкорпорировать внешние технические элементы, размывая ранее неизбежную границу между внутренним и внешним.

Современный этап технологического развития, характеризующийся стиранием границ между биологическим и искусственным, выдвигает на передний план философско-антропологическую проблему трансформации человеческой телесности. Ключевым катализатором этой трансформации выступают нейрокомпьютерные интерфейсы (НКИ), которые перестают быть просто инструментами компенсации сенсомоторных функций и становятся средствами радикального расширения и переопределения самого «Я». В данной статье мы исследуем как процесс экскорпорации – вынесения когнитивных и перцептивных функций за пределы биологического тела как фундаментального разрыва с традиционной парадигмой инкарнации, так и его последствия для телесной схемы и идентичности, обуславливающие появление новых категорий онтологических уязвимостей, порождаемых этой гибридизацией.

Традиционная феноменологическая парадигма, отстаиваемая М. Мерло-Понти, постулирует нерасторжимое единство сознания и тела – инкарнацию. Тело является нашим общим способом обладания миром. Оно скрывается от нас именно тогда, когда оно функционирует успешно, и появляется перед нами лишь в случае болезни или усталости: «Ощущение не ощущается, а сознание всегда остается осознанием чего-то. Мы встречаемся с ощущением, когда, размышляя над восприятиями, хотим выразить то обстоятельство, что они не могут быть абсолютно нашим творением. Чистое ощущение, определяемое воздействием стимулов на наше тело, является *конечным результатом* знания, главным образом научного знания, только в силу иллюзии, впрочем

совершенно естественной, мы ставим его в начало и считаем, что оно предшествует знанию. Это всего лишь необходимый и по необходимости же обманчивый способ представления разумом собственной истории» [1, с. 66]. Тело в данном контексте – не объект, а трансцендентальное условие опыта, «бытие-в-мире» (*Dasein* по М. Хайдеггеру [2]), изначально воплощенное и ситуативное, то есть находящееся в предлагаемых обстоятельствах. Телесная схема (*schéma corporel*) как дорефлективный синтез кинестетических и перцептивных возможностей обеспечивает чувство онтологической безопасности и целостности «Я».

Нейроинтерфейсы инициируют радикальный сдвиг от этой парадигмы к экскорпорации (от лат. *ex* – вне, *corpūs* – тело). Если инкарнация подразумевает сращенность с плотью, то экскорпорация обозначает процесс вынесения ментальных функций и агентности за пределы биологической оболочки. Это не просто расширение, а фундаментальная трансценденция тела, его преодоление через техническое опосредование. НКИ функционируют как кибернетические протезы сознания, создавая не просто новые инструменты, но новые гибридные сенсомоторные контуры, в которых нейронная активность напрямую сопрягается с действием во внешнем цифровом или физическом мире.

Процесс экскорпорации осуществляется через глубинную перестройку телесной схемы. Согласно Ш. Галлахеру, телесная схема – это система имплицитных, дорефлективных процессов, регулирующих позу и движение [3]. НКИ бросают ей вызов, требуя инкорпорации внешних, небологических элементов. Здесь уместно уже различать перцептивную экскорпорацию и моторную экскорпорацию.

Перцептивная экскорпорация обусловлена современными разработками, такими как кортикальные импланты (например, проекты, разработанные лабораторией «Сенсор-Тех» при поддержке Фонда «Со-единение» в РФ или разработки австралийской компании Synchron и американской компании Neuralink), которые ориентированы не только на восстановление зрения, но и на предоставление новых модусов восприятия. Речь идет о прямом получении информации из цифровых источников – например, «зрения» в инфракрасном или ультрафиолетовом спектре, наложения дополненной реальности непосредственно на визуальную кору или восприятия данных из сети в форме, аналогичной чувственному опыту. Это создает явление цифровой синестезии, где данные теряют свой абстрактный характер и приобретают непосредственную феноменальную данность. Телесная схема вынуждена интегрировать эти новые «органы чувств», размывая границу между внутренним (нейрофизиологическим) и внешним (цифровым) источником восприятия.

В свою очередь моторная экскорпорация обусловлена ситуацией, когда классический протез компенсирует утраченную функцию, оставаясь инструментом (подручным, *zuhanden*, по Хайдеггеру), тогда ВСИ-управление (интерфейс мозг-компьютер) трансцендирует логику инструментальности. Экзоскелеты, управляемые силой мысли (разработки японской компании по робототехнике и технологиям CYBERDYNE и российской компании «Объединенная приборостроительная корпорация»), или манипуляции цифровыми объектами в виртуальной реальности (интерфейсы NextMind) реализуют модель непосредственного действия, где мысль и результат сближаются до предела. Как отмечает Э. Кларк, разум оказывается «расширенным» (*extended mind*) за счет внешних ресурсов [4]. В этом случае телесная схема инкорпорирует виртуальные конечности и цифровые инструменты, которые начинают переживаться как непосредственное продолжение «Я», что ведет к пластической редефиниции ее границ.

Однако возникает вопрос об онтологических уязвимостях и новых угрозах информационной безопасности. Это обусловлено прежде всего тем, что гибридизация субъекта порождает новый класс угроз, которые носят не технический, а экзистенциальный характер. Атака на ВСИ-систему становится атакой на саму структуру субъективности. В качестве угроз мы выделяем следующие.

Угроза целостности обусловлена тем, что манипуляция сенсорным потоком, поступающим через ВСИ, может привести к катастрофическому нарушению телесной схемы. Злонамеренное искажение проприоцептивной или визуальной информации (например, создание ощущения фантомной конечности или искажение восприятия пространства) способно спровоцировать онтологическую дезориентацию и кризис идентичности, аналогичный тяжелым неврологическим расстройствам (апраксия, асоматогнозия). Целостность «Я» оказывается зависимой от целостности и достоверности данных в кибернетическом контуре.

Угроза аутентичности сопряжена, по нашему мнению, с наиболее серьезной опасностью, которую представляет нейрохакерство, направленное на подмену или навязывание желаний, мыслей и действий. Современные исследования демонстрируют возможность декодирования моторных намерений и даже зрительных образов из активности мозга. Обратный процесс – внедрение информации в нейронные цепи – является следующей ступенью угрозы. Если субъект не может отличить собственное намерение от навязанного извне алгоритмом, это подрывает саму возможность аутентичного действия и ставит под сомнение принцип автономии личности. Как пишет Н. Кэтрин Хейлс, возникает риск «цифрового бессознательного», которое программируется извне [5].

Угроза конфиденциальности рассматривается в ситуации, когда ВСИ оперируют нейрошаблонами – уникальными биометрическими паттернами мозговой активности, которые являются не просто данными, а субстратом личности. Утечку или кражу таких данных следует рассматривать не как кражу «информации», а как кражу онтологического ядра человека, его ментальной идентичности. Это создает угрозу симуляции личности и манипуляции на уровне, недоступном для традиционных методов социальной инженерии.

Угроза доступности обусловлена отказом ВСИ-системы или ее целенаправленным выводом из строя (кибернетическая атака), она парализует не тело, а самого гибридного субъекта, чьи когнитивные и перцептивные способности оказались аутсорсированы технологией. Это не просто потеря функциональности, а экзистенциальный коллапс, аналогичный внезапной потере части собственного тела или органов чувств.

Такие разработки уже имеют практическое воплощение и позволяют с уверенностью говорить о них как перспективных с практической точки зрения. Вместе с тем, анализируя сопровождающиеся риски, мы отметим следующие перспективные разработки.

Компания Neuralink создает высокопропускной интерфейс «мозг-компьютер». Потенциал для экскорпорации огромен: от прямого доступа к информации до телепатического общения. Однако риски включают масштабный сбор нейроданных, создание уязвимости для прямого кибернетического воздействия на мозг и возникновение новой формы цифрового неравенства – когнитивного апартеида между «расширенными» и «естественными» людьми.

Кортикальные модемы (DARPA) используют программы по созданию интерфейсов для прямой передачи визуальной и аудиальной информации в мозг. Это прямая перцептивная экскорпорация. Угрозами здесь являются возможность осуществления инъекции дезинформации непосредственно в сознание, манипуляция памятью и создание

синтетических ощущений, которые неотличимы от реальных, что подрывает саму основу эмпирической достоверности.

Эмоциональные ВСИ представляют собой интерфейсы, способные считывать и влиять на эмоциональное состояние. Применяются в терапии, но несут риск эмоционального хакерства – целенаправленного управления настроением и мотивацией человека без его ведома.

Таким образом, нейроинтерфейсы знаменуют собой не просто технологическую революцию, но антропологический переворот, выводящий на повестку дня переход от парадигмы инкарнации к парадигме экскорпорации. Этот процесс влечет за собой глубинную пластическую перестройку телесной схемы и размывание границ «Я», что ведет к становлению кибернетического субъекта – гибридного, распределенного, обладающего новыми способностями, но и новыми беспрецедентными уязвимостями. Угрозы информационной безопасности в этом контексте приобретают онтологическое измерение, поскольку атаке подвергается не внешний объект, а сама структура воплощенного субъекта. Ответом на этот вызов должна стать разработка не только новых киберфизических протоколов безопасности, но и новой экзистенциальной этики, способной защитить автономию, аутентичность и целостность человеческой личности в условиях ее тотальной технологической опосредованности.

Поэтому с учетом онтологической уязвимости нейроинтерфейс становится точкой входа и для угроз экзистенциального характера. В состоянии гибридности, порожденном ВСИ, традиционные угрозы информационной безопасности обретают экзистенциальное измерение, превращаясь в угрозы онтологической безопасности. Уязвимости в протоколах аутентификации или шифрования данных нейроинтерфейса перестают быть лишь риском утечки информации; они становятся риском деперсонализации и нарушения целостности «Я». Злонамеренное вмешательство (нейрохакерство) может привести к искажению сенсорного потока (манипуляция феноменальным содержанием), навязыванию несанкционированных моторных команд или, в перспективе, к краже или подмене нейрошаблонов – уникальных паттернов мозговой активности, составляющих биометрическую и ментальную идентичность субъекта. Таким образом, атака на интерфейс становится атакой на саму структуру субъективности.

В данной связи ключевым вопросом философской антропологии в контексте ВСИ является сохранение автономии и агентности субъекта. Нейроинтерфейсы, будучи опосредующим звеном, потенциально вносят элемент внешнего детерминизма в процессы принятия решений и формирования желаний. Алгоритмы, декодирующие и интерпретирующие нейросигналы, не являются нейтральными; они несут в себе скрытые предубеждения и логику своих создателей. Это создает риск латентного управления поведением, когда субъект, полагая, что действует спонтанно, на деле исполняет сценарий, заданный извне. Такая «мягкая» форма контроля ставит под сомнение саму возможность аутентичного действия и превращает экскорпорацию из акта расширения свободы в инструмент тонкого порабощения, требующий разработки новых этико-правовых режимов защиты психической неприкосновенности.

Таким образом, экскорпорация становится новым модусом бытия, помещая человека перед выбором, а в контексте принятия решения – между трансгуманизмом и ностальгией по инкарнации. Ведь в финальном анализе нейроинтерфейсы знаменуют собой переход к новому модусу бытия, который находится в напряжении между двумя полюсами. С одной стороны, это реализация трансгуманистического проекта по преодолению биологической ограниченности, где экскорпорация ведет к становлению

постчеловека – распределенной, сетевой субъективности, свободной от оков плоти. С другой стороны, существует риск экзистенциального отчуждения, потери укорененности в «жизненном мире» (Lebenswelt) и возникновения ностальгии по инкарнации – тоски по утраченной непосредственности и непосредственному технологией телесному опыту. Нам представляется, что задача будущего заключается не в отвержении технологий, а в поиске гармоничной гибридации, при которой эскорпорация будет служить не упразднению, а обогащению феноменального тела при безусловном обеспечении кибернетической автономии и сохранении онтологического ядра человеческой личности.

Список литературы

1. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина; пер. с фр. – Санкт-Петербург: Ювента; Наука, 1999. – 606 с.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. – Москва: Академический проект, 2015. – 460 с.
3. Gallagher, S. How the Body Shapes the Mind / S. Gallagher. – Oxford: Clarendon Press, 2005. – 284 p.
4. Clark, A. Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension / A. Clark. – Oxford: Oxford University Press, USA, 2008. – 286 p.
5. Hayles, N.K. Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious / N.K. Hayles. – Chicago and London: University of Chicago Press, 2017. – 250 p.

References

1. Merlo-Ponti M. Phenomenology of perception. Transl. from French. Ed. by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St. Petersburg: Yuventa; Nauka, 1999. 606 p.
2. Heidegger M. Genesis and Time. Transl. from German V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskij projekt, 2015. 460 p.
3. Gallagher S. How the Body Shapes the Mind. Oxford: Clarendon Press, 2005. 284 p.
4. Clark A. Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension. Oxford: Oxford University Press, USA, 2008. 286 p.
5. Hayles N.K. Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious. Chicago and London: University of Chicago Press, 2017. 250 p.

Информация об авторах

КУЗНЕЦОВ Андрей Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 7709-4018. **E-mail:** kuzandr@mail.ru

ДУНАЕВ Роман Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 7718-7350. **E-mail:** r_dunaev@bk.ru

Information about the authors

KUZNETSOV Andrey V. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, Department of Information and Computer Technologies in the Operations of Internal Affairs Agencies, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia; eLibrary SPIN: 7709-4018. **E-mail:** kuzandr@mail.ru

DUNAEV Roman A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Information and Computer Technologies in the Operations of Internal Affairs Agencies, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia; eLibrary SPIN: 7718-7350. **E-mail:** r_dunaev@bk.ru

УДК 130.2:62

ORGANOID CONCEPT OF TECHNOLOGY

A.I. Loiko

Belarusian National Technical University,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 31.09.25

Revision submitted: 14.11.25

Abstract. The phenomenon of technology is examined in the context of developers implementing a human-machine approach to the co-evolution of actual being with the structures of potential being. This approach realizes a new reading of ontology through the categorical structures of the anthropology of the extended human. Cognitive artifacts are introduced into the body of the extended human. They assume important functions of communication and coordination between the individual and the external environment. As a result, a new architecture of cognitive structures, dominated by fuzzy logic thinking, is formed within the body of the extended human through artificial intelligence technologies. The primary carriers of this logic are chat bots and AI agents. Their growing role has raised questions about the prospects for them to acquire subject status. However, the bias of AI agents, despite the potential for using theory of mind, has shifted this question to the context of the simulation hypothesis. This hypothesis implies that developers will have to be personally responsible for the developments they implement and their use.

Keywords: technology, organoid concept, co-evolution, extended human, ontology, AI agent, smart artificial intelligence technologies, bias, subject.

ОРГАНОИДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТЕХНИКИ

А.И. Лойко

Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 31.09.25

В окончательном варианте: 14.11.25

Аннотация. Феномен техники рассмотрен в контексте реализации разработчиками человеко-машинного подхода к совместной эволюции актуального бытия со структурами потенциального бытия. Таким путём реализуется новое прочтение онтологии через категориальные структуры антропологии расширенного человека. В тело расширенного человека вводятся когнитивные артефакты. Они берут на себя важные функции коммуникации и координации индивида с внешней средой. В результате в теле расширенного человека через технологии искусственного интеллекта формируется новая архитектура структур сознания с ведущей ролью мышления нечётких логик. Основными носителями этих логик являются чат-боты и агенты ИИ. В связи с растущей их ролью возникли вопросы о перспективах приобретения ими статуса субъекта. Но предвзятость агентов ИИ, несмотря на перспективы использования теории разума, перевела рассмотрение этого вопроса в контекст гипотезы симуляции. Из этой гипотезы следует, что разработчикам придётся отвечать за осуществляемые ими разработки и их использование лично.

Ключевые слова: технология, органиодная концепция, совместная эволюция, расширенный человек, онтология, агент ИИ, смарт-технологии искусственного интеллекта, предвзятость, субъект.

Introduction

While technology was used in processes external to humans, the thesis of technological neutrality dominated philosophy. With the development of machine production, a direct link between worker employment and the introduction of machines into production became apparent. When workers realized this, they began to wage war against machines. This struggle ended unfavorably. Meanwhile, technology remained an external environment for humans, but with the peculiarities of workers' existence in the human-machine mode of production.

E. Kapp [1] was one of the first to write about the organoid essence of technology. According to this concept, technical devices are a natural extension of human organs. Humans create this natural extension of their own organs due to the insufficient physical capabilities of their own bodies to perform various practical tasks.

Interest in the organoid essence of technology increased in the 20th century, when the limitations of human intellectual capacity for performing various managerial tasks were discovered. As a result, A.A. Bogdanov developed a project for organizational science. N. Wiener further elaborated this project into the field of cybernetics. The applied problems of organizational science have found technical embodiment in technical cybernetics.

Developers' attention has focused on the simulation modeling of human conscious functions and the development of intelligent technologies and their technical components. In this context, a methodology for the convergence of ontology and anthropology has emerged. Its practical significance stems from companies' interest in AI technologies capable of effectively solving marketing problems through the use of chatbots and AI agents, as well as data ontology.

Synergy of Applied Ontology and Digital Anthropology

Ontology has traditionally been considered a fundamental branch of philosophy and associated with questions of the structure of the universe and its dynamics. Ontology has generally been limited to the phenomenon of actual physical and immaterial existence in nature and culture. Potential existence remained outside the purview of classical ontology and was practically never discussed. For Hegel, potential existence exists as existence that, through becoming, becomes present, i.e., actual existence. The Eleatics recognized only actual existence. But when the philosophy of technology emerged, it became interested in potential being. This interest stems from the fact that engineers have a direct relationship with potential being, from which they actualize various modifications of technology. In this case, the demand is generated by design activity.

But when technology, with the help of designers, became actual being, philosophers began to question the essence of technology. These questions are particularly acutely posed by N. Berdyaev, O. Spengler, K. Jaspers, and M. Heidegger.

In M. Heidegger, the ontology of technology is linked with philosophical anthropology and the philosophy of consciousness. This link arose from an analysis of the characteristics of human thinking. M. Heidegger introduced the concepts of instrumental thinking and reflective reflection. In his view, reflective reflection gives way to instrumental thinking, which is bad, since people cease to think. G. Marcuse, on this basis, described the phenomenon of the one-dimensional person. As developers began to imbue technology with intelligent functions, it acquired modifications of intelligent systems. This created the need for categorical ontological structures for the efficient processing of big data. Ontologies help systematize data as a multi-level structure of categories [2]. The top level contains the general categories of philosophical ontology.

As conceptual descriptions evolve toward concrete specifications, they become an effective means of quickly systematizing data, facilitating the operation of AI search engines. This is important in a number of humanities fields related to the role of artificial intelligence technologies in assisting people with limited coordination and cognitive functions. This includes medicine, which is seeking ways to help people suffering from Alzheimer's and Parkinson's diseases. Invasive and non-invasive interfaces, as well as exoskeletons, are being developed for this purpose. Chips and voice assistants play a significant role. Of course, these technologies carry risks associated with the body's adaptation to the devices. Prosthetics also play a significant role.

Humanity as a Cyborg and an Extended Human

Modern humans are increasingly approaching cyborg status. This status does not threaten human essence, as medical technologies for replacing failed physical organs do not transform individual identity, which is rooted in the human brain. A threat to human essence is seen more in the phenomenon of the extended human. As a result, the mobile phone has become a part of modern humanity. Humans cannot exist without this technical device, as the telephone is the fundamental condition for communication and the individual's presence in the information environment.

New generations of technical devices are being imbued with cognitive functions by their developers [3]. As a result, the augmented human no longer consists solely of a biological body, but also of a body of cognitive artifacts. Synthetic humans and digital twins possess such a body. As a result, the very concept of the body is being transformed. It is becoming multidimensional in terms of biological, physical, and virtual modifications. This trend raises the question of whether the human biological body will become a natural extension of cognitive technologies. This aspect has become relevant in the context of the rapid development of genetic engineering, which is transferring artificial intelligence technologies to the biological basis of cells. This is one of the most sought-after modifications of biological nanoscale technologies in medicine. However, this engineering activity contains design risks that frighten people.

Post human

The post human may become another modification of the modern human. In fact, this term denotes the boundary of human presence in the structure of the global evolution of natural systems. This raises a question within the field of ontology. This question concerns how the trajectories of human physical and social evolution will relate to the trajectories of cognitive evolution in the environment of smart artifacts and devices. This is a question of the co-evolution of ecosystems based on self-organization and design implementation.

Ecosystems with self-organizing functions have a physical basis for constants, established interactions, transformations, feedback, and adaptation. This is evident in the example the Earth's biosphere. Ecosystems constructed by humans lack the inherent capacity for self-organization. Only the designer can instill this capacity in the artifact environment, which is precisely what they are attempting to do. Another question is why the designer needs this, since they do so despite the risks of technological singularity. Perhaps they are expressing an ambition to define their own creative design potential. And this ambition obscures the sense of danger posed to humans themselves. It's likely that the organoid concept of technology hasn't yet formulated all the possible risks for humans themselves. This is the case in human design work, where the developer fails to anticipate the dangers that arise from their creativity and is unable to determine the optimal boundaries for their own safety. This is particularly evident in the example of the international transhumanist movement.

The Subjective Status of Humans and the Subjective Status of AI Agents

Throughout human history, humans have figured as subjects. This means that they determined the content of self-organization and the management of activity processes. But thanks to the efforts of developers, AI agents are approaching subject status thanks to the theory of mind.

The need to analyze the applied aspects of the theory of mind is due to the uncertainty in the definitions of terms and the high risks of conceptual substitution, which could impact the attractiveness of the development of artificial intelligence technologies. This is important for future employees of large companies and banks that handle large volumes of data and trust AI agents to autonomously solve organizational and management problems. Therefore, to adequately assess the level of intellectual capabilities of artificial intelligence technologies, it is important to construct a conceptual framework for the problem and transform it into a subject ontology, which will be considered as a criterion for assessing the actual capabilities of computer cognitive models, operating systems, and hardware components of conversational AI devices.

Theory of mind refers to a person's ability to reason about the mental content of others, such as their beliefs, desires, and goals. People use their theory of mind to understand, reason, and explain the behavior of others. Having a theory of mind is particularly useful in human collaboration, as it allows people to reason about what another person knows and what reasoning they might use. Similarly, hybrid intelligent systems in which AI agents collaborate with humans require the agents to reason about others using a computational theory of mind. However, attempting to track all the individual mental attitudes of all other people becomes computationally very complex.

AI agent technology has the potential to utilize the semantics of human thinking and feelings in a given situation. AI agent technology corrects inaccuracies and changes the approach to resolving a situation. If the user answers questions briefly, the AI technology switches to a dialogue mode of short and direct answers. With historical datasets at their disposal, predictive algorithms based on machine learning can predict what a specific person might do next. Recommender systems suggest products, movies, and music based on a user's past choices.

Chat bots and virtual assistants have begun to grasp the context, intentions, and emotional state of online users through sophisticated dialog systems. This makes user interactions feel natural, as they appear empathetic. By mimicking human thought processes, AI models can predict user behavior in various circumstances. Multi-agent systems anticipate the actions and intentions of other AI agents. AI agent systems are endowed with the ability to interpret verbal and non-verbal cues. Differentiating these cues can be complex, given the wide range of emotional intelligence levels in humans.

A current area of research is the development of mental models. This involves developing accurate representations of other intelligent beings, including humans and social robots. Learning to learn involves analyzing the effectiveness of various machine learning models in solving specific problems. This approach allows AI agents to use knowledge or data to effectively solve problems.

Programs are being implemented to create AI agents with a machine theory of mind, allowing them to effectively interact in a team environment by observing their surroundings and human partners. However, AI agents lack legal status as subjects, as the technology itself has created an obstacle to acquiring such status. This obstacle is the bias of AI agents when solving problems related to human resource management. Bias can be religious, gender, ethnic, and social. Companies using AI agents have faced legal costs due to lawsuits filed by injured users who interacted with AI agents.

Developers attribute the bias in AI agents to the gap between the computing power of AI devices and the availability of the necessary data for these computations. This creates risks. The underlying algorithm of a chat bot and its access to big data make the technology completely dependent on the developer and the question-and-answer structure of the dialogue, formulated in the language model by the developer according to a predefined, invariant scenario. Therefore, a chat bot can only demonstrate professional competence within the framework of a given set of questions and answers.

If there is no predefined answer to a question, the chat bot will not be able to select a ready-made answer. In this situation, the chat bot may exhibit bias and hallucinations based on its available text resources [4]. Furthermore, it has been discovered that cognitive biases are actually implicitly transferred by the developer into the semantics of the algorithm [5].

Even greater risks for companies arise with the use of AI agents. These technologies possess autonomous decision-making and solution-finding capabilities based on access to big data, machine learning, and deep learning. As a result of these identified problems, companies have become cautious about using chat bots and AI agents. Consequently, AI technology developers are faced with the challenge of achieving higher performance in intelligent systems.

Results. In addition to technological challenges in AI agent software, a range of issues related to the bridging of existing governance practices and structures [6] with the specifics of autonomous AI agents has emerged. It follows that existing governance structures must take into account the latest advances in AI technology. This raises the question of AI ethos.

The structure of AI ethos includes the character, guiding principles, and moral nature of AI agents [7]. The goal is to understand how this influences the regulation of AI technologies. In this context, the development of an ethical technology and a comprehensive oversight system has begun. This system will regulate AI agents. It is built on concepts established in contemporary literature on AI regulation, ethics, and law. It exemplifies a multidimensional approach to AI governance. Web3 is used as the underlying architecture.

As a result, innovation is combined with ethical responsibility. It becomes possible to classify AI agents by risk levels. Oversight mechanisms are also agreed upon proportionate to their societal impact. The functional ethics model provides a solid foundation for aligning AI technologies with societal values and ensuring their responsible development and deployment. It offers a balanced strategy for regulating AI agents.

An important issue is clarifying the ontology of AI agents in order to create guarantees of responsibility, fairness, and accountability. The difficulty lies in the fact that AI agents are autonomous entities. They are capable of acting independently, using tools to achieve goals. The independence of AI agents requires the formulation of clearly defined criteria of rationality and ethical principles. Without such criteria, autonomous systems may pursue goals in ways that lead to unforeseen and potentially dangerous consequences.

The rationality of AI agents consists of their ability to make high-level decisions and take actions that ensure performance through reasoning, data analysis, and empirical evidence. In philosophy, rational agents are also called BDI agents, as they can be attributed with beliefs, desires, and intentions. The rationality of an AI agent is shaped by the contextual structure and data set within which it operates. This functioning determines the parameters of its understanding. It influences how it interprets data, how it evaluates options, and how it prioritizes goals [8].

The rationality of an AI agent includes a reflection of the environment in which it navigates and the goals it is programmed to achieve. A crucial aspect of rationality is the consistency

and coherence of beliefs, as rational decisions must conform to consistent logic, avoiding contradictions in the reasoning process. This is especially important for multi-agent systems, known as swarms, working together to achieve a common goal [9].

Adaptability is also linked to rationality, as agents need to adjust their decisions and strategies as new information becomes available, ensuring contextual relevance and the effectiveness of their actions. An ethical foundation is a prerequisite for AI agents to act with respect for fundamental human values, dignity, and rights. As a result, the ethos of AI agents will contain a combination of rationality, ethical validity, and goal coherence that guides their autonomous behavior, ensuring that their decisions are consistent, ethically sound, and aligned with societal and systemic priorities.

Key attributes such as autonomy, decision complexity, adaptability, and potential for impact link the conceptual understanding of the ethos of AI agents to practical strategies for integrating them into business. These attributes provide an operationalization of the ethos of AI agents. They translate abstract principles of rationality, ethical validity, and goal alignment into measurable factors that guide governance and human oversight.

Autonomy, which measures the degree of independence in decision making and execution, reflects the principle of rationality, determining how effectively an AI agent can act independently, simulating reasoning and observing ethical constraints. Such a system can independently analyze data, identify potential problems, and recommend an action plan based on simulated reasoning and recommendations. The ability to act autonomously enables timely intervention under resource constraints while respecting ethical constraints such as prioritizing security and privacy. Actions are consistent with immediate goals and societal norms of fairness and service availability.

Decision complexity reflects the complexity of the tasks and conditions in which an AI agent is used. It is related to rationality and ethical principles. It determines how AI agents cope with complex conditions and tasks. The more complex the decision-making process, the greater the need for transparency, fairness, and consistency to prevent unintended consequences and ensure decisions comply with ethical principles.

The system must analyze a vast array of legal precedents, case details, and contextual factors while ensuring that recommendations are fair and impartial. The complexity of this task requires transparency in decision-making, specifically a clear explanation of the reasons for recommending certain rules, as well as adherence to ethical principles, such as avoiding racial or socioeconomic bias. Failure to address the complexity of decision-making in this context could lead to unfair outcomes and undermine trust in both the AI system and the company.

Adaptability, which reflects an agent's ability to adapt to new data or changing circumstances, is related to rationality's emphasis on responsiveness and goal alignment. By assessing an agent's adaptability, this attribute ensures that the AI agent remains effective, contextually relevant, and ethically consistent in dynamic environments. This is exemplified in the energy sector. The agent must adapt to changing energy demand, weather conditions, and the use of renewable energy sources, prioritizing efficiency and minimizing environmental impact.

During a heat wave that increases energy consumption, the AI agent dynamically adjusts resource allocation and recommends energy-saving measures without compromising critical services. Adaptability ensures the effectiveness and ethical coherence of decisions made, consistent with current needs and long-term sustainable development goals. Impact potential, which assesses the scale of the consequences of an agent's actions, actualizes the concept of goal coherence by assessing the degree to which the AI agent's behavior is goal-directed.

Proportional control of its social effects is ensured. The adaptability attribute reflects the agent's ability to balance short-term goals and long-term system priorities.

Taken together, these attributes provide a practical basis for translating abstract principles of rationality, ethical validity, and goal alignment into actionable, measurable factors that determine human management and control. For example, an AI agent managing urban traffic flow can significantly reduce congestion and emissions, directly impacting millions of commuters and the environment.

At the same time, the AI agent must prioritize barrier-free environments over emergency vehicles during peak hours. This ensures that the AI agent's decisions align with both short-term goals, such as improving traffic efficiency, and long-term priorities, such as improving overall urban mobility and air quality.

Conclusions. Thus, the economic risks of using AI agents will be reduced by a methodology for integrating a subject ontology as a conceptual structure with the attributes of this ontology, which corresponds to the applied combination of existing management practices and structures with artificial intelligence technologies [10]. This combination will form the basis for ensuring the quality of AI technologies and will increase the trust of companies and banking structures in AI agents. It is important to consider that AI technologies are constantly undergoing modernization and qualitative transformations of a systemic nature [11]. They are associated with big data, machine learning, and deep learning [12]. Emphasis is placed on the use of neural network technologies with a decentralized architecture [13]. This allows for increased security of corporate structures [14].

Bias in artificial intelligence is considered one of the barriers to investing in the development of digital technologies [15]. In this regard, software engineers are looking for ways to minimize the bias of AI agents. To this end, large language models are being developed that can handle large volumes of data and avoid information deficits when formulating responses. In this context, much emphasis is placed on the development of big data technologies and the necessary storage facilities, which could lead to environmental problems and increased energy costs. The organoid metaphorical nature of AI technologies has become evident. This is based on the simulation hypothesis.

References

1. *Loiko A.I.* Post-non-classical philosophy of technology and cybernetic anthropology. *Bulletin of Samara State Technical University. Series "Philosophy"*. 2025;7(1):80-89.
2. *Loiko A.I.* Data Ontology. Minsk: BNTU, 2025. 73 p.
3. *Loiko A.I.* Artificial Intelligence Agents: Philosophy and Ethics: a textbook on the academic discipline "Philosophy and Methodology of Science" for master's students of all specialties. Minsk: BNTU, 2025. 62 p.
4. *Lojko A.* Biases of natural and artificial intelligence: Social costs and risks. Our Knowledge Publishing, 2024. 96 p.
5. *Lojko A.* Sesgos de la inteligencia natural y artificial: Costes y riesgos sociales. Ediciones Nuestro Conocimiento, 2024. 108 p.
6. *Bengio Y., Hinton G., Yao A. [et al.]*. Managing extreme AI risks amid rapid progress. *Science*. 2024;384(6698):842–845. Available from: <https://doi.org/10.1126/science.adn0117>

7. *Bernardi J., Mukobi G., Greaves H., Heim L., Anderljung, M.* Societal Adaptation to Advanced AI. Available from: <https://arxiv.org/abs/2405.1029>
8. *Hess A., Kjeldsen J.E.* (Eds.). *Ethos, Technology, and AI in Contemporary Society: The Character in the Machine.* Taylor and Francis. Available from: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781032688503/ethos-technology-ai-contemporary-society-aaron-hess-jens-kjeldsen>
9. *Hooker J., Kim T.W.* Truly autonomous machines are ethical. *AI Magazine.* 2019; 40(4):66-73. Available from: <https://doi.org/10.1609/aimag.v40i4.2863>
10. *Jiang B., Xie Y., Wang X. [et al.]*. Multi-modal and multi-agent systems meet rationality: A survey. ICML 2024 Workshop on LLMs and Cognition. Available from: <https://arxiv.org/html/2406.00252v2S7>
11. *Malik F.H., Lehtonen, M.* A review: Agents in smart grids. *Electric Power Systems Research.* 2015;131:71-79. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.epsr.2015.10.004>
12. *Lojko A.* Vorurteile der natürlichen und künstlichen Intelligenz. – Verlag Unser Wissen, 2024. – 116 с. – EAN/UPC 9786207727711.
13. *Lojko A.* Biais de l'intelligence naturelle et artificielle. Editions Notre Savoir, 2024. 112 p. – EAN/UPC 9786207727803.
14. *Lojko A.* I pregiudizi dell'intelligenza naturale e artificiale. Edizioni Sapienza, 2024. 104 p. – EAN/UPC 9786207727865.
15. *Lojko A.* Preconceitos da inteligência natural e artificial. Edicoes Nosso Conhecimento, 2024. 104 p. – EAN/UPC 9786207727889.

Информация об авторе

ЛОЙКО Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, г. Минск, Республика Беларусь; eLibrary SPIN: 7229-1438. **E-mail:** loiko@bntu.by

---

Information about the author

LOIKO Aleksandr I. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophical Teachings, Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 7229-1438. **E-mail:** loiko@bntu.by

УДК 17.1;61.8

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ НЕЙРОЭТИКИ: МЕЖДУ ЭТИКОЙ НЕЙРОНАУКИ И НЕЙРОНАУКОЙ ЭТИКИ

Г.С. Пак

Нижегородский государственный университет (национальный исследовательский университет) им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 29.09.25

В окончательном варианте: 26.11.25

Аннотация. Современная наука, проникая в тайны бытия, раскрывает его многомерность и сложность, что требует введения новых понятий, адекватно описывающих её достижения. К их числу относится понятие амбивалентности, которое является диалектическим отношением взаимоперехода противоположностей, способным существовать вне контекста диалектического противоречия. Научная новизна исследования обусловлена использованием достижений постмарксистского этапа развития диалектики. Цель исследования состоит в поиске релевантного описания предмета нейроэтики. Амбивалентность нейроэтики является частным случаем амбивалентности профессиональной этики, требующей не только добросовестного выполнения профессионального дела, но и его этического обоснования как направленного на благо человека и человечества. Уникальность нейроэтики состоит в том, что нейронаука существенным образом оказывает влияние на понимание морали, трансформирует устоявшиеся представления, представляет собой попытку пусть и гипотетически ответить на философские вопросы, используя конкретно-научные результаты изучения работы мозга. Последнее обстоятельство возводит нейроэтику в ранг прикладной этики, решение проблем которой не имеет исторического прецедента. Амбивалентность нейроэтики в качестве прикладной этики характеризуется противоречивым взаимодействием естественнонаучного и гуманитарного знания, которое проблематизирует субстанциальное бытие морали и поднимает вопрос о границах человеческой свободы. Нейронаучные исследования могут быть интерпретированы как ограничивающие и сужающие пространство морали. Но такой взгляд скользит по поверхности, по существу речь идет о пересмотре оснований морали, заставляя по-новому отвечать на вопрос о человеческой свободе и её границах. Достижения нейронаук и возможность их использования в нейротехнологиях повышают эффективность манипулятивных технологий и представляют собой серьезную угрозу для человеческой свободы. Таким образом, нейронаучные основания этики с необходимостью предполагают философскую рефлексию. Этика является сознательным философским обоснованием морали, является препятствием на пути безграничного, необоснованного воздействия на человеческий мозг. Изучение работы мозга и его результаты должны способствовать человеческому благу, и лишь на этой основе может быть сформирован профессиональный кодекс для ученых, занимающихся исследованием мозга. Сегодня социально-гуманитарная экспертиза – не роскошь, а жизненная необходимость. В условиях коммуникативной рациональности гуманитарная экспертиза должна представлять собой коммуникативный дискурс, который не только станет междисциплинарным, но и будет располагаться в пространстве гражданской науки.

Ключевые слова: амбивалентность, этика, нейронаука, мораль, экспертиза, экспертная оценка, свобода воли, нейротехнологии.

NEUROETHICS AMBIVALENCE: BETWEEN NEUROSCIENCE ETHICS AND NEUROSCIENCE ETHICS

G.S. Pak

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 29.09.25

Revision submitted: 26.11.25

Abstract. Modern science, penetrating the mysteries of existence, reveals its multidimensionality and complexity, necessitating the introduction of new concepts that adequately describe its achievements. These include the concept of ambivalence, which is a dialectical relationship of the mutual transition of opposites, capable of existing outside the context of dialectical contradiction. The scientific novelty of this study stems from the use of achievements of the post-Marxist stage of dialectic development. The goal of this study is to find a relevant description of the subject of neuroethics. The ambivalence of neuroethics is a special case of the ambivalence of professional ethics, which requires not only the conscientious performance of professional work but also its ethical justification as aimed at the benefit of the individual and humanity. The uniqueness of neuroethics lies in the fact that neuroscience significantly influences the understanding of morality, transforms established notions, and represents an attempt, albeit hypothetically, to answer philosophical questions using concrete scientific results from the study of brain function. This last circumstance elevates neuroethics to the rank of applied ethics, the solution to whose problems has no historical precedent. The ambivalence of neuroethics as applied ethics is characterized by the contradictory interaction of natural science and humanities knowledge, which problematizes the substantial existence of morality and raises questions about the limits of human freedom. Neuroscientific research can be interpreted as limiting and narrowing the scope of morality. But such a view only scratches the surface; in essence, we are talking about a reconsideration of the foundations of morality, forcing a new answer to the question of human freedom and its limits. Advances in neuroscience and the possibility of their use in neurotechnology increase the effectiveness of manipulation technologies and pose a serious threat to human freedom. Thus, the neuroscientific foundations of ethics necessarily presuppose philosophical reflection. Ethics is a conscious philosophical justification of morality and constitutes an obstacle to unlimited, unjustified influence on the human brain. The study of brain function and its results should contribute to the human good, and only on this basis can a professional code of conduct be developed for scientists engaged in brain research. Today, social and humanities expertise is not a luxury, but a vital necessity. In the context of communicative rationality, humanities expertise must represent a communicative discourse that will not only be interdisciplinary but also located within the space of citizen science.

Keywords: ambivalence, ethics, neuroscience, morality, expertise, expert assessment, free will, neurotechnologies.

Постановка проблемы. Неутихающие дискуссии о предмете нейроэтики, определение её статуса как науки, является ли она профессиональной или прикладной этикой, серьезность этических проблем, возникающих в процессе исследования мозга, распространение нейротехнологий [1] вызывают необходимость трансформации способов её исследования и введения в категориальную сетку новых понятий.

Методология исследования. Диалектика как метод познания не может иметь окончательной формы. Для изучения проблем современной науки необходимо использовать арсенал постмарксистского этапа развития диалектики, который сформировался в ходе критического осмысления и переработки идей постмодернизма. В качестве нововведения предлагается рассматривать понятие «амбивалентность», которое дает возможность более адекватного описания сложности и многомерности бытия.

Основная часть

Амбивалентность и её место в системе категорий постмарксистской диалектики. Уважая аналитическую традицию в философии, следует начать с определения понятия. Амбивалентность, получившая широкое хождение в современном дискурсе, не имеет четкого содержательного определения и не получила постоянной прописки в системе философских и научных категорий. Амбивалентность, если исходить из контекста, часто употребляется как синоним противоречия, апории, антиномии, парадокса. Тожественной основой для установления различий этих понятий служит их отношение к противоречию. Апория, антиномия, парадокс являются своеобразными противоречиями. Апория фиксирует противоречивость чувственного и рационального познания. Антиномия подчеркивает ограниченность человеческого разума. Парадокс свидетельствует о совместимости несовместимого. Амбивалентность, собственно, не является противоречием, но одним из его элементов, раскрывающим взаимопереход противоположностей. Т.И. Ойзерман образно характеризует амбивалентность философских концепций как «метания» их создателей [2, с. 355] и определяет амбивалентность как диалектическое отношение. Амбивалентность в диалектическом контексте рассматривается им не просто как существование противоположностей, а как их внутреннее единство, где обе стороны пронизывают друг друга, образуя динамическое отношение, своеобразие которого состоит в том, что противоположности не аннулируют друг друга, напротив, развивают и обогащают. Амбивалентность иначе определяется как отношение «оборотничества», обладающее субстанциальным бытием. И.Т. Касавин определяет амбивалентность как форму проблематизации, органически присущую всякому этическому дискурсу, цель которого в исследовании свободы, сопровождающей выбор морального субъекта [3]. Приведенные определения амбивалентности не исключают, а дополняют друг друга, раскрывая структуру диалектического отношения амбивалентности и его функцию.

Амбивалентность характеризует дуальность человеческого мышления, в основании которого лежит феномен дипластии. А. Валлон отмечал: «Элементарной структурой мысли является бинарная структура, а не те элементы, из которых она состоит. Дуальность предшествует единичности. Пара или чет предшествует изолированному элементу» [4, с. 41]. Дипластия представляет собой способность смотреть на мир так, чтобы увидеть раздвоение феномена на противоположности и их перетекание друг в друга. Теоретические истоки подобного восприятия можно увидеть в учении Аристотеля о добродетелях. Бинарные оппозиции расточительство и скупость выражают отношения к богатству, реальное поведение динамично и располагается в интервале между ними. Добродетелью является щедрость, выражающая середину между этими крайностями.

Исследование амбивалентности делает актуальной постмодернистскую критику бинарных оппозиций. Для постмодернистов бинарные оппозиции не являются нейтральным инструментом мышления, а служат средством идеологического контроля и подавления. Их причина кроется в неравноправности бинарных оппозиций: одна сторона всегда доминирует над другой, создавая иерархию. Жак Деррида, развивая концепцию деконструкции, приходит к выводу, что оппозиции не отражают реальность, а конструируют её, оправдывая патриархат, колониализм и евроцентризм. Бинарные оппозиции являются искусственно созданными социальными конструкциями, делающими легитимными неравенство, подчинение и угнетение. Обращается внимание на нестабильность бинарных оппозиций: одна сторона всегда зависит от другой, и их границы размыты. Деконструкция раскрывает «следы» (traces) – взаимопроникновение противоположностей, где доминирующая сторона подрывает сама себя. «Деконструкция – это операция, состоящая не в отрицании или утверждении текста, а в переворачивании иерархических оппозиций, которые его структурируют, и затем в их смещении. [...] Эти оппозиции не просто случайны или произвольны; они укоренены в системе, которая всегда уже иерархизирована, где одна сторона привилегирована за счет другой, маскируя свою зависимость от неё» [5, с. 45–46]. Аналогичен подход Мишеля Фуко: «Власть никогда не является просто репрессивной: она производит реальность, она создаёт, она организует поля объектов и ритуалы истины. [...] Эти дискурсы власти устанавливают бинарные оппозиции – нормальное и патологическое, дозволенное и запретное, – которые не отражают естественный порядок, а конструируют его, чтобы регулировать тела и желания, маскируя свою функцию контроля под маской научной объективности» [6, с. 120–121]. Постмодернистская критика преследует цель освобождения от догматического мышления. В итоге постмодернизм не отвергает оппозиции полностью, а разоблачает их как инструменты доминирования. Результат постмодернистской деконструкции может быть описан в логических категориях, отражающих отношение противоположностей. На смену контрарности приходит контрадикторность. В результате мир перестаёт быть черно-белым и появляется возможность видеть множество переходных и взаимозависимых отношений вместо жесткого дуализма черного и белого. Категория амбивалентности размывает традиционные представления об отношении противоположностей и с полным основанием может быть рассмотрена как результат деконструкции. Амбивалентность проявляет себя как не поддающийся однозначному определению процесс, базирующийся на полном или частичном чередовании альтернативных сценариев.

Таким образом, амбивалентность входит в систему категорий постмарксистской диалектики и является диалектическим отношением «оборотничества» или взаимоперехода, которое проблематизирует бытие феномена, имеющего не только эпистемический, но и онтологический статус.

Об амбивалентности и научном статусе нейроэтики. В дискурсе об амбивалентности нейроэтики задача усложняется тем, что в трактовке её предмета необходимо показать влияние нейронаук на понимание сущности и основ морали. Большинство исследователей при определении используют логическую процедуру, которая называется определением через ближайший род и видовое отличие. В качестве ближайшего рода предлагается биоэтика, определение границ которой носит характер нескончаемых дискуссий. Предлагаем сделать шаг назад и начать исследование с общепринятого положения о том, что нейроэтика является разновидностью профессиональной этики.

Профессионалы – каждый в своей области – понимают под предметом профессиональной этики кодексы профессионального поведения, не имеющие отношения к философской этике [7]. Иной позиции придерживаются авторы, настаивающие на необходимости обоснования кодексов, что превращает их из профессионального знания в знание философского характера [8]. А.А. Гусейнов, считая профессиональную этику философской дисциплиной, видит в ней конкретизацию общих моральных требований в конкретной профессии [9]. Следует особо подчеркнуть, что философский характер нейроэтики признается не только философами. Нейропсихолог Майкл Газзанига рассматривает нейроэтику как философию жизни мозга, У. Сэфай считает законным местоположение этики в структуре философского знания.

В развернувшейся дискуссии автор этих строк принимает сторону тех исследователей, которые подчеркивают философский характер профессиональной этики. Философская проблематика этики может быть однозначно артикулирована через имманентную амбивалентность профессиональной этики. Этика обречена быть амбивалентной, поскольку неизбежны противоречия между нормами универсальной морали и профессиональными ценностями. Недостижимый идеал профессионала: хорошо выполнять свое дело, но и дело должно быть хорошим и нести людям благо. Это положение четко сформулировано применительно к инженерной этике, которая не сводится к соблюдению профессиональных норм, а стремится к разрешению дилемм, где техническая эффективность сталкивается с этическими рисками. Противоречия возникают из-за «двойственной природы» инженерии, которая сегодня обоснованно определяется как амбивалентность, поскольку техника, с одной стороны, служит прогрессу, с другой – наносит непоправимый вред окружающей среде разработкой различных видов вооружения и технологий [10].

Аналогичным образом проявляет себя амбивалентность и в нейроэтике, в которой конкретные исследования мозга вступают во взаимодействие с человеческими ценностями, прежде всего моральными. Если рассматривать нейроэтику в контексте профессиональной этики, то невольно возникает вопрос: благом или проклятием для современного человека являются достижения современного нейронаучного знания? Речь идет о возможности реального целенаправленного воздействия на сферу бессознательного и о нарастающем применении нейротехнологий для управления человеческим поведением. Изучение произвольных нейрофизиологических реакций на различные стимулы только выглядит безобидным и ценностно-нейтральным, но на их основе формируются вполне эффективные рекомендации взаимодействия с потребителем, избирателем, клиентом с целью достижения желаемого результата. По любой спонтанной реакции человека в виде пульса, движения зрачков и многого другого можно судить о способности человека к рациональному мышлению. В момент её ослабления можно грамотно инициировать желание купить, предпочесть, выбрать, при этом сам человек останется в неведении, что стал объектом воздействия нейротехнологии. Так профессиональная задача продать что-либо вступает в противоречие с этическими принципами о недопустимости использовать уязвимость индивида. С этической точки зрения необходимо способствовать тому, чтобы человек принял по возможности осознанное решение.

Простым примером использования нейротехнологий может служить эксперимент, известный как «горячий кофе», проведенный социальным психологом Джоном Баргом из Йельского университета. В ходе эксперимента была установлена зависимость положительной и лояльной оценки содержания досье одной и той же личности

участниками эксперимента от температуры выпитого ими кофе. При контакте с теплым напитком активируются участки мозга, отвечающие за благожелательность, что в дальнейшем подтвердилось сканированием мозга [11].

Научно обоснованное и практически возможное воздействие на сферу бессознательного в состоянии ослабленной рациональности способно формировать представление о должном и желаемом, что открывает широкий простор для манипулирования человеческим поведением.

О другом ракурсе, вызывающим тревогу, рассуждает немецкий исследователь Т. Метцингер, определяя «когнитивное совершенствование» в качестве основополагающего принципа понимания сущности нейроэтики. «Сегодня есть лекарства, способные сделать людей умными, собранными, энергичными, и не за горами тот день, когда совершенствование мышления и настроения здоровых людей, преодоление застенчивости, а то и обычной грусти станет повседневной практикой. Если есть такие препараты, почему бы их не использовать?» [12, с. 426]. Применение нейротехнологий ведет к небывалому росту риска; сегодня вопрос о том, как распорядиться этим новым знанием, уже нельзя оставлять без ответа [12, с. 420]. Это не может не вызвать серьезной озабоченности у общественности. Мерой противодействия манипулированию человеческим поведением и росту рисков в социальной жизни может быть только социально-гуманитарная экспертиза, направленная на изучение последствий применения нейротехнологий. Социально-гуманитарная экспертиза не является экспертизой в точном смысле этого слова. Цель экспертизы – в предоставлении научно обоснованного ответа на сформулированный субъектом вопрос. При этом важно подчеркнуть, что экспертиза проводится специалистами, в наше время, как правило, учеными, чей статус подтвержден государственной властью. Экспертиза представляет собой определенный алгоритм действий, который обеспечивает методологическую прозрачность и максимальную независимость заключения от оценочных компонентов знания. В то время как социально-гуманитарная экспертиза не может быть ничем иным, как интеграцией экспертных оценок, подчеркивающих значимость личностных качеств эксперта в представленном заключении. Эксперт, являясь авторитетом, обладает неверифицируемым компонентом знания, который в первую очередь относится к нетипическим, уникальным ситуациям. Такой подход артикулирует продуктивную, а не репродуктивную функцию культуры, что жизненно необходимо в отношении научной деятельности [13, с. 47]. Интеграция экспертных оценок может быть осуществлена только в коммуникативном дискурсе, олицетворяющем собой коммуникативную рациональность. В отличие от рациональной коммуникации, где представление о рациональности предшествует коммуникации, коммуникативная рациональность рождается в ходе дискурса.

Таким образом, если рассматривать нейроэтику как профессиональную этику, её предмет может быть определен этическими проблемами, возникающими в процессе изучения мозга, и ей присуща амбивалентность, имманентная любой профессиональной этике, в виде требования хорошо выполнять свои профессиональные обязанности и требования, чтобы дело несло благо людям.

Выявление специфического и уникального в нейроэтике позволяет рассматривать её в качестве прикладной этики. Назначение нейроэтики как разновидности прикладной этики нельзя трактовать функционально как обеспечение возможности действия, поскольку эти действия проблематизируют экзистенциальное бытие человека как морального существа.

Обсуждение

По мнению Ю.В. Перова, до сих пор не определены теоретические основания и методология исследования нейроэтики. На этом основании он заявляет о «нищете нейроэтики», поскольку «современная нейроэтика принципиально не способна объяснить моральную нормативность, в связи с чем она не может быть названа этикой в строгом смысле этого слова» [14, с. 93]. Учитывая серьезность высказанного замечания, с целью восполнить теоретический и методологический пробелы предлагается рассматривать нейроэтику в духе эволюционной эпистемологии, для которой характерен натуралистический подход, представленный в виде опоры на конкретно-научное знание (биологию, психологию, медицину и другие науки) при ответе на философские вопросы. А. Голдман считает, что адекватная моральная теория должна включать выводы из моральной психологии, фактически заменяя спекуляции в кресле на анализ, основанный на данных о том, как на самом деле формируются моральные суждения. Нейропсихолог Майкл Газзанига рассматривает нейроэтику как философский ракурс в изучении функционирования мозга. Он считает неоправданными претензии неврологов объяснить конкретные мотивы поступков, но считает необходимым учитывать влияние нейронаук на универсальную мораль, которая присуща всем людям без исключения. Отрицая вульгарный редукционизм, он утверждает, что нейронаучные исследования начинают определять взгляды на этические универсалии. Дело в том, что развитие современной науки наглядно свидетельствует о том, что она способна давать пусть гипотетические, но конкретные ответы на важные философские вопросы. Сегодня задача этического дискурса состоит в интеграции конкретно-научного описательного знания, отвечающего на вопрос «как оно есть?», и философского знания, имеющего нормативный характер: «как оно должно быть». Современный этический дискурс не может игнорировать достижения конкретных наук в изучении работы мозга, но в то же время он должен быть философским, соотносящим сущее и должное, что делает его чрезвычайно сложным и удивительно захватывающим.

Современные дебаты представителей нейронаук разворачиваются вокруг понимания сущности и происхождения морали, дискутируют о свободе воли и содержании моральных актов. Временной промежуток между реакцией мозга и принятием решения традиционно считался временем действия свободной человеческой воли, сегодня понимание отсроченной реакции носит исключительно дискуссионный характер – от отрицания наличия свободы воли до её частичного признания.

Газзанига усматривает в нейроэтике источник новой морали в обществе. Но отсроченную реакцию можно трактовать двояко в духе антиномий Канта: и как наличие свободной воли, и как её отсутствие. Б. Либет осторожно утверждает, что его эксперименты однозначно показывают только то, что процесс волевого решения берет свое начало в сфере бессознательного. Свободная воля может вмешаться и остановить запущенный мозгом процесс, если он противоречит моральным принципам человека [15, с. 538]. Уязвимым звеном в рассуждении Либета является утверждение о возможности вмешательства свободной воли человека в процесс детерминации бессознательным. Суть проблемы – в осознании бессознательного. Психоаналитики призывают раскрыть тайну бессознательного, что необходимо для обеспечения душевного здоровья. Судя по востребованности психоанализа во все мире, сделать это самостоятельно, без профессиональной помощи маловероятно. Свободная воля является свободной только тогда, когда осознает свою свободу. Свобода есть сознательный выбор, действие на основе познанной (осознанной) необходимости. Признание детерминации бессознательным

моральных поступков лишает их статуса моральных, в итоге ведет к существенному ограничению пространства морали. Здесь напрашивается аналогия с процессами медиализации. Суть медиализации состоит в сужении сферы действия этики, в замене этического дискурса медицинским. Традиционно алкоголизм и наркомания рассматривались как нравственные пороки личности с недостаточной силой воли, но в XX веке они предстают в виде болезни, которую надо лечить. Соответственно изменилось и отношение к таким людям: на смену нравственному осуждению пришло сочувствие, поскольку индивид не виноват в том, что он болен. По сравнению с медиализацией современные данные нейронаук несут куда более серьезную угрозу для оснований нравственности и морали.

По утверждению Ж.-П. Сартра, человек «обречен быть свободным». Свобода является тем фундаментом, на котором выстроено все здание морали. Достижения нейронаук проблематизируют само наличие свободы морального выбора. Мораль относится к сфере чувств и эмоций, и чаще всего моральный выбор протекает бессознательно и обусловлен процессами, происходящими в человеческом мозгу. Быстрота и молниеносность выбора объясняется по аналогии с познанием в виде фреймов. Знание о понедельнике не может существовать вне контекста представления о неделе и её днях. Согласно типологии М. Вебера моральный выбор скорее всего может быть отнесен к аффективным, традиционным или ценностно рациональным действиям. Именно этот факт объясняет, почему нравственность человека не зависит от его образования, на что обращал особое внимание И. Кант. В современном мире стало достоверно известным, что образованные люди наиболее критичны по отношению к нравственным нормам. Сегодня дилемма между сенсуализмом и рационализмом в этике решается все-таки в пользу сенсуализма. Так вырастает этический редукционизм, объясняющий моральные поступки процессами мозговой деятельности. При этом не следует недооценивать характер уникальной и творческой деятельности мозга. На этот факт обращал внимание патриарх американской философии У. Куайн. На человека воздействуют лишь различные частицы и волны, в то время как красочные картины реальности являются продуктом мозговой активности.

Собственно человеческие моральные действия основаны на сравнении того, что есть, с тем, что должно быть. Но представления о должном могут быть как бессознательными, так и рационально обоснованными. Современная нейронаука подтвердила положение Фрейда о силе и мощи бессознательного как мотива человеческой деятельности. Так называемый «мозг рептилии», который является основой человеческого мозга и отвечает за самосохранение и выживание, тратит 80 процентов всей энергии мозга.

Результаты

Амбивалентное поле нейроэтики является сложным и может быть рассмотрено в трех измерениях: моральные универсалии и профессиональные ценности; естественнонаучное и гуманитарное знание; свобода и необходимость. Этика является сознательным философским обоснованием морали, препятствием на пути безграничного, необоснованного воздействия на человеческий мозг. Изучение работы мозга и его результаты должны способствовать человеческому благу, и лишь на этой основе может быть сформирован профессиональный кодекс для ученых, занимающихся исследованием мозга. В условиях коммуникативной рациональности гуманитарная экспертиза необходима и должна представлять собой коммуникативный дискурс, который не только станет междисциплинарным, но и будет располагаться в пространстве гражданской науки.

Современные нейронаучные исследования бросают вызов традиционной этике, поскольку существует опасность исчезновения философского ракурса рассмотрения проблем, которая проявляется в несовпадении ракурсов этики нейронауки и нейроэтики. Но на всякий вызов следует ответ, и этот ответ дает этика нейронауки.

Список литературы

1. *Сидорова, Т.А.* Нейроэтика между этикой и моралью / Т.А. Сидорова // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroetika-mezhdu-etikoy-i-moralju> (дата обращения: 23.09.2025).
2. *Ойзерман, Т.И.* Амбивалентность философии / Т.И. Ойзерман. – Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 400 с.
3. *Касавин, И.Т.* Амбивалентность научного этоса непреодолима / И.Т. Касавин // Высшее образование в России. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ambivalentnost-nauchnogo-etosa-nepreodolima> (дата обращения: 07.07.2025).
4. *Wallon, H.* Les origines de pens`ee ches L`enfant / H. Wallon. – Vol. I. – Les Moyens Intellectuels. Paris, P.U.F., 1945. – 304 p.
5. *Деррида, Ж.* Позиции / Ж. Деррида. – Москва: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
6. *Фуко, М.* История сексуальности. Воля к знанию / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – 208 с.
7. *Horn, R.C.* On Professions, Professionals, and Professional Ethics / R.C. Horn. – Malvern, Pn: American Institute for Property and Liability Under-writers, 1978. – 28 p.
8. *Ганжин, В.Т.* Профессиональная этика: словарь по этике / В.Т. Ганжин, Ю.В. Согомонов; под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. – Изд. 6-е. – Москва: Политиздат, 1989. – 278 с.
9. *Гусейнов, А.А.* Этика как философская дисциплина / А.А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2024. – № 2 (64). – С. 14–28.
10. *Бакштановский, В.И.* Инженер = высокая профессия. Утопия или реальность? / В.И. Бакштановский, М.В. Богданова // Ведомости прикладной этики. – Вып. 52. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. – С. 134–153.
11. *Bargh, J.A.* Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action / J.A. Bargh, M. Chen, L. Burrows // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – No. 71 (2). – Pp. 230–244.
12. *Метцингер, Т.* Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго / Т. Метцингер. – Москва: АСТ, 2017. – 651 с.
13. *Оболкина, С.В.* Экспертиза vs экспертная оценка: понятийные основания компетенций / С.В. Оболкина, Н.Г. Попова // Социология науки и технологий. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 38–49.
14. *Перов, В.Ю.* Моральная свобода и нормативность: нищета нейроэтики / В.Ю. Перов // Мир человека: нормативное измерение-5: сборник трудов междунар. науч. конф. – Саратов: СГЮА, 2017. – С. 92–94.
15. *Libet, B.* Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action / B. Libet // The Behavioral and Brain Sciences. – 1985. – Vol. 8. – Is. 4. – Pp. 529–566. – DOI: 10.1017/S0140525X00044903.

References

1. *Sidorova T.A.* Neuroethics between ethics and morality. Ideas and ideals. 2018;2(36). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroetika-mezhdu-etikoy-i-moralyu> (accessed: 23.09.2025).
2. *Oizerman T.I.* Ambivalence of philosophy. Moscow: Publishing house: Canon+ROOI "Rehabilitation", 2011. 400 p.
3. *Kasavin I.T.* The ambivalence of the scientific ethos is insurmountable. *Higher education in Russia.* 2021;4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ambivalentnost-nauchnogo-etosa-nepreodolima> (accessed: 07.07.2025).
4. *Wallon H.* Les origines de pensée chez l'enfant, Vol. I. Les Moyens Intellectuels. Paris, P.U.F., 1945. 304 p.
5. *Derrida Jacques.* Positions. Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p.
6. *Foucault M.* History of sexuality. The will to know. St. Petersburg: Aleteya, 2004. 208 p.
7. *Horn R.C.* On Professions, Professionals, and Professional Ethics. Malvern, Pn: American Institute for Property and Liability Under-writers, 1978. 28 p.
8. *Ganzhin V.T., Sogomonov Yu. V.* Professional Ethics. Dictionary of Ethics. 6th ed. by A.A. Guseynov, I.S. Kon. Moscow: Politizdat, 1989. 278 p.
9. *Guseynov A.A.* Ethics as a philosophical discipline. *Bulletin of Applied Ethics.* 2024;2(64):14-28.
10. *Bakshantovsky V.I., Bogdanova M.V.* Engineer = high profession. Utopia or reality? *Statements of applied ethics.* No. 52. Ed. by V.I. Bakshantovsky. Tyumen: Research Institute of PE, 2018. Pp. 134–153.
11. *Bargh J.A., Chen M., Burrows L.* Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action. *Journal of Personality and Social Psychology.* 1996;71(2):230-244.
12. *Metzinger T.* Brain science and the myth of his I. Ego tunnel. Moscow: AST, 2017. 651 p.
13. *Obolkina S.V., Popova N.G.* Expertise vs expert assessment: conceptual foundations of competencies. *Sociology of science and technology.* 2019;10(4):38-49.
14. *Perov V.Yu.* Moral freedom and normative: poverty of neuroethics. *Human world: normative dimension-5: collection of works of an international scientific conference.* Saratov: SSLA, 2017. Pp. 92–94.
15. *Libet B.* Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action. *The Behavioral and Brain Sciences.* 1985;8(4):529-566. DOI: 10.1017/S0140525X00044903.

Информация об авторе

ПАК Галина Станиславовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии физического факультета ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 1674-0759. E-mail: info@unn.ru

Information about the author

PAK Galina S. – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 1674-0759. E-mail: info@unn.ru

ФИЛОСОФЫ РОССИИ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

УДК 101.9

ПОДХОД В.Н. БОРИСОВА К ИЗУЧЕНИЮ РЕФЛЕКСИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

С.М. Кускова

Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия

Поступила в редакцию: 24.09.25

В окончательном варианте: 05.11.25

Аннотация. Познавательный потенциал рациональной философии раскрывается в анализе внутренних механизмов развития научного знания. Актуальность исследования рефлексии в науке обусловлена вызовами со стороны доминирующих натуралистических и социологических направлений. Предложенная В.Н. Борисовым классификация видов рефлексии применяется в анализе разных способов обоснования науки. Сравниваются программы обоснования науки И. Канта и Б. Рассела по типам рефлексивных процедур. Трансцендентальная рефлексия относит методы физического познания к философской метатеории. Научная рефлексия выявляет методы физики посредством психологических наук. Разным уровням рефлексии над познавательными процедурами соответствуют разные отношения между научными дисциплинами. В статье обосновывается универсальность классической рациональности, принципы единства научного познания и нормативного характера философии в развитии естествознания.

Ключевые слова: научная рефлексия, трансцендентальная рефлексия, методология, метатеория, основания науки.

BORISOV'S APPROACH TO THE STUDY OF REFLECTION IN SCIENTIFIC COGNITION

S.M. Kuskova

Moscow Institute of Psychoanalysis,
Moscow, Russia

Original article submitted: 24.09.25

Revision submitted: 05.11.25

Abstract. The cognitive potential of rational philosophy is revealed in the analysis of the internal mechanisms of the development of scientific knowledge. The relevance of reflection research in science is determined by challenges from the dominant naturalistic and sociological trends. The classification of types of reflection proposed by V.N. Borisov is used in the analysis of various ways of substantiating science. The programs of substantiation of science by I. Kant and B. Russell are compared according to the types of reflexive procedures. Transcendental reflection refers the methods of physical cognition to philosophical metatheory. Scientific reflection reveals the methods of physics through psychological sciences. Different levels of reflection on cognitive procedures correspond to different relationships between scientific disciplines. The article substantiates the universality of classical rationality, the principles of the unity of scientific knowledge and the normative nature of philosophy in the development of natural science.

Keywords: scientific reflection, transcendental reflection, methodology, metatheory, foundations of science.

Роль философии в развитии науки

Сотрудничество современной науки с философией сохраняет актуальность, потому что философская рефлексия выявляет интеллектуальные процедуры достоверного познания тех или иных областей реальности и обеспечивает автономию науки от вненаучного культурного контекста.

Развитие научного знания связано с переходом проблем, обнаруженных и анализированных философией, в ведение конкретной науки. Так, философские основания математики стимулируют построение строгих логических и метаматематических теорий. Философская проблема отношения сознания и тела находит разные решения в современных нейронауках. «Истоки рефлексивности современного научного знания находятся в логике, математике и физике и прямо обусловлены неклассическими тенденциями в физико-математическом естествознании в целом» [2, с. 6].

Для каждой науки имеется область идей, составляющих основание этой науки. Данная область подчиняется объективным законам, выявляемым в ходе рефлексии над познавательной деятельностью субъекта и над принципами организации объективного знания.

Традиционно сначала люди обнаруживали новый тип явлений, затем разрабатывали науку о них и потом исследовали основания этой науки. Но возможен обратный порядок: построение начинается с метатеории, принципы которой варьируются и отбираются согласно целям субъекта или внутренней логике развития объекта. На базе метатеории сознательно и контролируемо строится теория, для которой ищут интерпретацию в предметном мире. Тогда наука развивается не стихийно, а под управлением научной методологии.

Гносеология не только обнаруживает скрытые онтологические предпосылки строения реальности, но и проектирует их. Опережающая рефлексия становится предметом строго научного анализа в работах В.Н. Борисова, рассматривавшего различные формы рефлексии в философии и позитивной науке. Производство знаний сопровождается отчетом о таких действиях, как «постановка задачи, определение условий и средств её решения, установление критериев оценки получаемых результатов, выработка программы решения как определенной последовательности применения средств и действий. Все это образует особый тип внутренней рефлексии, для обозначения которой нами (В.Н. Борисовым – С.К.) был предложен термин «протопредметный уровень» познания» [4, с. 6]. Внутренняя рефлексия выявляет априорные правила познания той или иной предметной области. Метапредметная рефлексия выявляет структуру и логические предпосылки научной теории. В.Н. Борисов рассматривал гносеологию и логику не как метатеории, а как самостоятельные науки, необходимые для внешней рефлексии. Рефлексия освобождает философскую мысль от мировоззренческой зависимости, включая логику и методологию в предмет познания [10, с. 40].

Познавательные процедуры переходят из ведения философии под юрисдикцию науки, когда философия обосновывает их эффективность в преодолении ограничений субъекта. Человек использует методы познания для коррекции погрешностей восприятия, чтобы знать вещи так, как мог бы их знать абсолютный разум.

Трансцендентальная рефлексия и классическое мышление

Хотя И. Кант показал несостоятельность этой претензии, целью познания остается повышение достоверности и объективности. Теория познания не просто

обосновывает результаты, достигнутые наукой, но и открывает возможные пути познания, предостерегая от ложных ходов мысли. Осуществляет рефлексию на протопредметном уровне.

Эпистемология Канта основана на соответствии типа информации и типа средств её получения и обработки в нашем сознании. Какие объекты относятся к чувственности, какие к рассудку, какие к разуму – зависит от априорных форм упорядочивания материала этими способностями. «Действие, посредством которого я устанавливаю прочную связь между сравнением представлений вообще и познавательной силой, в которой проведено сравнение, и благодаря чему я различаю, сравниваются ли представления друг с другом как принадлежащие к чистому рассудку или к чувственному созерцанию, я называю *трансцендентальной рефлексией*» [7, с. 314].

Предметом внешней к науке рефлексии выступает категориальный аппарат, в котором представлено знание, скрытые предпосылки классического мышления, способы систематизации опыта, обусловленные доопытными формами представления, инварианты и допустимые пути изменения познавательной деятельности.

Научное мышление выделяет независимые параметры явления, фиксируя один и варьируя другой. Трансцендентализм устанавливает независимость чистого созерцания от категориального строя рассудка. На уровне чувственности предмет уже структурирован формами пространства и времени. На уровне рассудка заданы структуры понятий, суждений и умозаключений до их применения к предметам. Поэтому возможны мысленные эксперименты, рассуждения с пустыми терминами и теории без эмпирической интерпретации. Относительная независимость чувственности от рассудка обуславливает независимую эмпирическую проверку теории. Рефлексивность науки основана на рефлексивной деятельности познающего субъекта [1, с. 8].

Прежде чем обосновать объективность научного знания, Кант исследует, что именно в нашем познании дано в чувственном опыте, а что получено в результате деятельности рассудка. Предметы дискретны и нумерически различны, сосуществуют в пространстве и сменяют друг друга во времени благодаря априорным формам чувственности, законы которых определяют возможные отношения между предметами.

Предметы образуют естественные виды и обладают свойствами в той или иной мере, с разной интенсивностью, связаны с причинами необходимым или случайным образом согласно законам рассудка. Каждая характеристика может рассматриваться независимо от других. Например, дихотомия детерминизма – индетерминизма касается отношений между предметами, а дихотомия необходимого – случайного касается отношений между формами мысли. Поэтому нельзя смешивать причинность с необходимостью, а индетерминизм со случайностью. Закономерность природы обусловлена правилами деятельности рассудка.

Трансцендентальная эпистемология обосновывает опережающее действие метатеории, не только оправдывает уже выполненные ходы научной мысли, но и открывает пространство новых научных концепций в границах познавательных способностей субъекта. На вопрос «Как возможно научное познание?» предполагается множество ответов.

Наука включает эмпирическое и теоретическое знание, поскольку рассудок различает информацию, данную в чувственном опыте, информацию, логически выведенную из принципов, а также априорную информацию о структуре предметной области. Многообразие научных теорий связано с варьированием положений того или иного уровня: способов получения данных, типа предметов (макромир или микромир, простые или сложные системы) и допустимых выводов, сохраняющих обоснованность знания.

Например, трансцендентальная эпистемология не может ссылаться на объективную реальность и обосновывает легитимность применяемых познавательных приемов организацией рассудка.

Рефлексия – условие объективности науки

Априорный характер научных законов можно толковать как их зависимость от языка сообщества ученых. Тогда рефлексия направлена на объективные принципы функционирования институтов, рациональность которых отражается в рациональном мышлении индивида. Социальная философия должна выполнять внешнюю рефлексию с позиции такой гносеологии, которая автономна от исследуемых общественных фактов.

«В контексте современного социально-философского дискурса классические для философии онтология и гносеология, согласно мысли В.Н. Борисова, истолковываются не в духе традиционных дисциплин, а в качестве нерефлексивных практик духовной деятельности. Так, учёный утверждал, что философия выступает в качестве особого типа мировоззрения, обосновывающего жизненные цели и идеалы человека и отражающего его социальные интересы» [6, с. 82]. Мыслитель не останавливается на констатации этого, а ставит задачу рационального прояснения предпосылок философствования в рефлексии второго порядка.

Альтернативные подходы допускают правомерность заключения от индивидуального опыта наблюдателя к общественному теоретическому знанию, от непосредственного содержания сознания к такому содержанию, которое не может быть дано без вывода. Как показывает Б. Рассел, «вывод от группы явлений к другим явлениям может быть оправдан только в том случае, если мир имеет определенные черты, которые не являются логически необходимыми... всякий вывод от явления к явлению предполагает какую-то взаимосвязь между различными явлениями» [12, с. 9]. Онтология мира, подразумеваемая научными теориями, должна раскрываться путем анализа их языков, средства которых позволяют описывать как внешние объекты, так и состояния наблюдателя. Но психологизм и натурализм, объясняющий связь субъективного ощущения и реального свойства объекта, нельзя объяснить когнитивными структурами мозга, адаптированными к внешней среде за счет естественного отбора. Теорию отбора тогда не объяснить без порочного круга.

Главный вопрос эпистемологии о возможности перехода от непосредственных данных личного опыта к объективному знанию о внешнем мире решается путем анализа недемонстративных выводов. Такие постулаты научного вывода, как постоянство явления в смежных областях пространства и времени, независимость причинных линий, непрерывность существования ненаблюдаемого явления, неявно используются ученым для заключения о физическом факте за пределами его сознания. И в устройстве мира, и в работе сознания возможны информационные

процессы, моделирующие недемонстративный вывод. Рефлексия над онтологией мира, а priori обуславливающей научные теории, выявляет общую структуру информационных процессов в науке и сознании отдельного исследователя. В классификации В.Н. Борисова это внешняя рефлексия над теорией познания. Внутренняя для науки рефлексия – «решение познавательных задач с помощью определенных средств и действий субъекта» [4, с. 10] – возможна при независимом от объекта обосновании субъективных инструментов. Антинатуралистическое понимание познавательных процессов развивает А.А. Шестаков: «Адекватность чувственного познания предполагает соответствие сенсорных данных параметрам объекта, вместе с тем непосредственно зависит от имеющихся у субъекта наборов категорий или объект гипотез, а также перцептивных установок и предвосхищающих схем. Все эти средства... обеспечивают процедуру интерпретации или осмысления, в результате чего сенсорные данные получают предметные смыслы, а восприятие, таким образом, оказывается непосредственно связанным с феноменом понимания» [15].

Исследуя условия перехода от личных ощущений к общезначимым знаниям, Рассел показывает неизбежность принятия интроспекции как легитимного метода. Для верификации физики ученые наблюдают явления и распознают собственные ощущения как соответствующие либо не соответствующие реальности. Значит, суждения о внутренних ментальных состояниях должны оцениваться как истинные или ложные без редукции к внешне наблюдаемому поведению испытуемых. «Физики и астрономы основывают свои утверждения о том, что происходит во внешнем мире, на свидетельстве чувств, особенно зрения. Но ни одно из явлений, происходящих, как говорят, в физическом мире, не является ощущением; каким же образом тогда ощущения могут подтверждать или опровергать физическую теорию?» [12, с. 60–61].

При столкновении вывода из теории с восприятием предпочтение надо отдать восприятию, потому что о восприятиях имеется достоверное знание. Такое знание и составляет предмет психологии. «Ощущение только в том случае может быть свидетельством астрономического факта, если известны законы, связывающие одно ощущение с другим, и последней стадией этих законов должна быть стадия, связывающая стимул с ощущением, или связывающая явления в зрительном нерве или мозгу с ощущением» [12, с. 61]. Рассел обнаруживает интересное соотношение между физикой и психологией. Объективное содержание первой науки не зависит от содержания второй, но критерии достоверности физики обосновываются средствами психологии. Поэтому если верен физикализм, верификация физики невозможна. Ради обоснования практики физического познания следует допустить внутренние состояния сознания как самостоятельный предмет науки, не редуцируемый к физическим процессам. «Таким образом, то, что эмпирически подтверждается, относится не к области чистой физики, а к физике плюс соответствующий раздел психологии. Психология, соответственно, есть составная часть всякой эмпирической науки» [12, с. 61]. Если у Канта обоснование физики составляет задачу трансцендентальной философии, а эмпирическая психология опирается на результаты физики, то Рассел оправдывает психологию тем, что она обосновывает существенную часть физического познания. Вместо указания на организацию рассудка, которая у Канта определяет суждения синтетические а priori на метапредметном уровне, Рассел

обнаруживает правдоподобные выводы, не являющиеся чисто логическими, но и не сводимые к эмпирическим произвольным ассоциациям. Эти протопредметные законы составляют промежуточную сферу между логикой и эмпирическими данными и обнаруживаются в ходе внутринаучной рефлексии по Борисову.

В.Н. Борисов различал несколько форм рефлексии, предостерегая от сведения всякой рефлексивной деятельности к какой-либо одной её форме. «Недифференцированный подход сводит обычно научную рефлексию к какой-то одной форме, как это проявляется, например, в расширительном использовании понятия «метатеория», сложившегося в логике и методологии математики для решения специфических задач их обоснования. Рассмотрение методологических разделов той или иной специальной науки в качестве ее метатеории, а философской методологии как «метанауки» искажает подлинный смысл как метатеории, так и методологии» [4, с. 9]. Методы необязательно систематизируют в метатеорию. Важно, что они рассматриваются как предметы второго порядка по отношению к материалу, к которому они применяются.

На наш взгляд, это разделение связано с разными структурами обоснования знания. Трансцендентальная философия обосновывает знание из общих принципов деятельности субъекта и помещает методы на более высокий уровень в иерархии научного познания, относя их к метатеории.

Если рефлексия обходится без метафизики, то между науками нет строго вертикальной субординации, а методы одной науки могут обосновываться другой наукой, имеющей собственный фундамент. Согласно Канту «трансцендентальная рефлексия есть обязанность, от которой никто не может отказаться, если он хочет нечто высказать о вещах a priori» [7, с. 316], на неё ложится вся тяжесть обоснования объективности научного знания и легитимности наших умственных операций над информацией разного уровня общности. Трансцендентальная рефлексия проблематизирует привычные структуры познавательного процесса, выявляет условия и пределы познания. Поэтому она не окончательна, а открывает возможности для иных форм познания.

В других видах рефлексии допускается рассмотрение познавательных процедур как предметов. Методологическая рефлексия делает инструменты познания предметами, изучая, как они работают и как они производятся. Она нормирует познавательные действия в установленной парадигме согласно заранее заданным критериям. Поэтому Рассел, не впадая в психологизм, требует специальных законов научной психологии для объяснения того, почему личное наблюдение подтверждает физическую теорию. Во избежание порочного круга психологические законы нельзя базировать на физических.

Потенциал классической рациональности

В современной метаонтологии есть направления, анализирующие вопросы «что на чем базируется» в аспекте фундаментальной структуры мира и в аспекте познавательной деятельности [8, с. 292]. Эти порядки обусловлены устройством языка науки и его интерсубъективным характером. Например, аристотелевская онтология принимала субстанции – индивиды. Эти явления подлежат как биологической систематике (определение видов и родов), так и физическому анализу с помощью параметров места, времени и состояния.

Человек же мыслит в категориях, выделенных языком науки. Философская рефлексия над онтологией опережает предметы и методы науки будущего за счет

единства структуры деятельности субъекта и устройства объекта. Это единство отстаивает и Борисов, показывая отражение и конструирование в научном познании как суть того, «что представляет собой мышление как логический процесс. В решении этого вопроса будем продолжать исходить из признания единства общей структуры познавательной и практической деятельности» [5, с. 31]. Человек и наука развиваются во взаимодействии: воспитанный под влиянием научного мировоззрения человек творит науку. Механизм такого взаимодействия Борисов раскрывает в анализе категориального знания: «Философские категории... формируются не как непосредственное отражение всеобщих сторон действительности, а как обобщение категориального содержания человеческого мышления» [5, с. 10]. Развитие классического мышления делает доступными новые аспекты реальности.

Классическая рациональность не принуждает к редукционизму.

Как показывает Е.А. Мамчур, множество теорий и отсутствие жесткой иерархии оснований дисциплин служат аргументами за, а не против классического рационализма в обосновании познания. Переход от чувственных данных к теоретическим положениям предполагает независимость представления данных от исследуемой теории. Значит, необходима другая теория, базирующаяся на иных основаниях.

«Главное препятствие для функционирования эмпирического критерия состоит отнюдь не в том, что в интерпретацию экспериментальных результатов включаются теории вообще. Основная проблема заключается в том, что в интерпретацию эмпирических фактов, выступающих для теории в качестве проверочных, включается сама проверяемая теория. Возникает как бы порочный круг, который создает очевидные препятствия для реконструкции экспериментальной проверки теории как эффективно действующего и независимого критерия оценки и сравнения теорий» [9, 64]. Нужна наука, базирующаяся на основаниях, независимых от анализируемой науки. Такой подход и предлагает Рассел, реабилитируя психологию как науку об объективных связях элементов непосредственного эмпирического знания и обосновывая её новыми типами правдоподобных выводов.

Нагруженность опыта терминами одной теории не тривиализирует выводы другой теории, проверяемой этим опытом. Поэтому опережающая рефлексия расширяет возможности классической рациональности за пределами его редукционистского варианта.

Понимание объективности как объектности науки, как показывает В.С. Швырев, было предпосылкой классической картины мира. «И ее теоретические понятия, рассматривающие идеализированные объекты и создаваемые на их основе инженерно-технические схемы, являются результатом активно-конструктивной работы, для которой собственно природная реальность выступает лишь материалом, объектом деятельности» [14, с. 35]. В мире нет никаких качеств, подобных человеческим: живых сил, целесообразности. В результате такого очищения проясняется подобие логических, категориальных структур высшего уровня абстракции субъекта и объекта. Предметом рефлексии в неклассической науке стала познавательная практика, конструирующая объект.

Практика как критерий истины – это не просто социальная конвенция, а несущая конструкция объективного познания природы, выявляемая философской

рефлексией, а не новомодной социологией знания. Учет институциональных факторов развития науки необходим для усмотрения логики науки в чистом виде, и его рефлексивный характер предостерегает от редукционизма. Рефлексия выявляет скрытые возможности классического разума в познании более сложных структур реальности. Изучение устройства и функционирования объективного знания раскрывает глубинные структуры функционирования человеческого ума.

Список литературы

1. *Арутюнян, М.Н.* Гносеологические и методологические аспекты научной рефлексии: монография / М.Н. Арутюнян, Т.А. Неверова. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2023. – 180 с.
2. *Бажанов, В.А.* Наука как самопознающая система / В.А. Бажанов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1991.
3. *Борисов, В.Н.* Категориальное знание: гносеологическая природа, формы, способы функционирования / В.Н. Борисов // Категориальные основания научного знания: межвузовский сборник научных статей. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1988. – С. 5–29.
4. *Борисов, В.Н.* Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции / В.Н. Борисов // Проблемы рефлексии в научном познании: межвузовский сборник. – Куйбышев, 1983. – 160 с.
5. *Борисов, В.Н.* Уровни логического процесса и основные направления их исследования / В.Н. Борисов. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1967. – 211 с.
6. *Борисова, Т.В.* Феномен региональной философской школы: опыт осмысления деятельности В.Н. Борисова / Т.В. Борисова, В.О. Шекеleta, А.А. Шестаков // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. – 2025. – № 2. – С. 75–87.
7. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – Т. 3. – Москва: Мысль, 1964. – 799 с.
8. *Кононов, Е.А.* Метаонтология. Теоретический обзор / Е.А. Кононов. – Москва, 2024. – 336 с.
9. *Мамчур, Е.А.* Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии) / Е.А. Мамчур. – Москва, 2004. – 242 с.
10. *Огнев, А.Н.* Проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода / А.Н. Огнев // Философские науки. – 2022. – Т. 65. – № 2. – С. 33–66.
11. *Перминов, В.Я.* Об априорности классической механики / В.Я. Перминов // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 45–57.
12. *Рассел, Б.* Человеческое познание, его сферы и границы / Б. Рассел. – Киев, 1997. – 557 с.
13. *Шабалкина, Е.Е.* Наука в «эпоху знания»: уровни философской рефлексии / Е.Е. Шабалкина // Философские проблемы когнитивных исследований: сборник работ Всероссийской научно-практ. конф., Ульяновск, 20–21 октября 2018 года. – Ч. 1. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2018. – С. 109–119.
14. *Швырев, В.С.* О соотношении познавательной и проектно-конструктивной функций в классической и современной науке / В.С. Швырев // Познание, понимание, конструирование / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. – Москва: ИФРАН, 2007. – 167 с.
15. *Шестаков, А.А.* Познавательная деятельность. Пути преодоления натурализма / А.А. Шестаков // Вестник СамГТУ. – 2003. – № 1 (27). – С. 5–14.

References

1. *Harutyunyan M.N., Neverova, T.A.* Gnoseological and methodological aspects of scientific reflection: Monograph. Maykop: Publishing house Magarin O.G., 2023. 180 p.
2. *Bazhanov V.A.* Science as a self-recognizing system. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1991.
3. *Borisov V.N.* Categorical knowledge: epistemological nature, forms, methods of functioning. *Categorical foundations of scientific knowledge*. Intercollegiate collection of scientific articles. Kuibyshev: Kuibyshev University, 1988. Pp. 5–29.
4. *Borisov V.N.* Reflection in science: epistemological nature, forms, functions. *Problems of reflection in scientific knowledge*. Intercollegiate compilation. Kuibyshev, 1983. 160 p.
5. *Borisov V.N.* Levels of the logical process and the main directions of their research. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 1967. 211 p.
6. *Borisova T.V., Shekeleta V.O., Shestakov A.A.* The phenomenon of the regional philosophical school: the experience of comprehending the activities of V.N. Borisov. *Intellect. Innovation. Investments*. 2025;2:75-87.
7. *Kant I.* Criticism of pure reason. The essays. In 6 vol. Vol. 3. Moscow: Mysl, 1964. 799 p.
8. *Kononov E.A.* Meta-ontology. Theoretical review. Moscow, 2024. 336 p.
9. *Mamchur E.A.* Objectivity of science and relativism (To discussions in modern epistemology). Moscow, 2004. 242 p.
10. *Ognev A.N.* The problem of the relationship between ontology and the theory of knowledge in the works of Samara philosophers of the late Soviet period. *Philosophical sciences*. 2022;65(2):33-66.
11. *Perminov V.Ya.* On the a priori of classical mechanics. *Questions of philosophy*. 2014;12:45-57.
12. *Russell B.* Human cognition, its spheres and boundaries. Kyiv, 1997. 557 p.
13. *Shabalkina E.E.* Science in the "era of knowledge": levels of philosophical reflection. *Philosophical problems of cognitive research: Collection of works based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, October 20–21, 2018*. Vol. 1. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2018. Pp. 109–119.
14. *Shvyrev V.S.* "On the ratio of cognitive and design-constructive functions in classical and modern science". *Cognition, understanding, construction*. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; ed. by V.A. Lektorsky. Moscow: IFRAN, 2007. 167 p.
15. *Shestakov A.A.* Cognitive activity. Ways to overcome naturalism. *Bulletin of Samara State Technical University*. 2003;1(27):5-14.

Информация об авторе

КУСКОВА Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», г. Москва, Россия; eLibrary SPIN: 5993-0750. **E-mail:** adiafora@tut.by

---

Information about the author

KUSKOVA Svetlana M. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 5993-0750. **E-mail:** adiafora@tut.by

УДК 101.9

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМПИРИЗМА Ф. БЭКОНА И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА И. КАНТА В АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМЕ В.А. КУТЫРЁВА

Т.В. Филатов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 09.09.25

В окончательном варианте: 03.12.25

Аннотация. В работе рассматривается концепция антропоконсерватизма, разработанная В.А. Кутырёвым. Для этой цели осуществляется критический анализ интерпретации В.А. Кутырёвым эмпиризма Ф. Бэкона и трансцендентализма И. Канта. По его мнению, данные философы играют роль ключевых фигур, идеи которых сыграли важнейшую роль в повороте европейского человечества к техногенной цивилизации. При этом именно Бэкон наполнил научное познание неким утилитарным содержанием, выступив предтечей техногенной эпохи. Нами конкретизируется бэконовский цивилизационный проект построения рая на Земле средствами науки. Указывается также на недооценку В.А. Кутырёвым рационализма Декарта, развитие идей которого в конечном итоге привело к появлению Искусственного Интеллекта, играющего в рукотворном раю Бэкона роль рукотворного Бога. Далее рассматривается интерпретация трансцендентализма И. Канта в рамках кутырёвского антропоконсерватизма, прежде всего коперниканского поворота Канта и его учения о «вещи в себе», которые, в конечном итоге, приводят европейское человечество к технологиям виртуальной реальности и инициируют освоение космического пространства. Обоснование целесообразности этого впоследствии осуществляется в рамках русского космизма Н.Ф. Фёдоровым и К.Э. Циолковским, которых В.А. Кутырёв именует первыми теоретическими изменниками Земли и «люциферистами». Выражается несогласие с подобной интерпретацией творчества Канта, в чем мы солидаризируемся с Б. Расселом, который утверждал, что Кант осуществил «птолемеевскую контрреволюцию», поместив познающего субъекта в центр своей гносеологии, тогда как Коперник убрал человека из центра Вселенной, поместив туда Солнце. Ограничивая возможности человеческого разума, Кант ставит под сомнение возможность реализации бэконовского цивилизационного проекта, выступая как антропоконсерватор. Движение в сторону технологий виртуальной реальности произошло не благодаря, а вопреки Канту, вследствие попыток его последователей опровергнуть учение о «вещи в себе». Здесь мы солидаризируемся с А. Кожевным. Именно Гегель, а не Кант построил последовательно философию смерти. В заключительной части работы осуществляется выход на общеонтологическую проблематику, что приводит к обоснованию кардинальной истины «Мы все умрём!». Однако человек как свободное существо может выбрать стратегию антропоконсерватизма, стремясь максимально продлить свое бытие, либо противоположную ницшеанскую стратегию, когда высшей ценностью наделяется не бытие, а развитие.

Ключевые слова: В.А. Кутырёв, антропоконсерватизм, Бытие, Ничто, самоапокалипсис, свобода как осознанная необходимость, искусственный интеллект, виртуальная реальность, бытие к смерти, коэволюция.

TO THE QUESTION OF INTERPRETATION OF F. BACON'S EMPIRICISM AND I. KANT'S TRANSCENDENTALISM IN V.A. KUTYREV'S ANTHROPOCONSERVATISM

T. V. Filatov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia

Original article submitted: 09.09.25

Revision submitted: 03.12.25

Abstract. The paper examines the concept of anthropoconservatism developed by V.A. Kutyrev. For this purpose, a critical analysis of V.A. Kutyrev's interpretation of F. Bacon's empiricism and I. Kant's transcendentalism is carried out. In his opinion, these philosophers play the role of key figures whose ideas played a crucial role in the turn of European humanity towards a technogenic civilization. At the same time, it was Bacon who filled scientific knowledge with a certain utilitarian content, acting as the forerunner of the technogenic era. We concretize Bacon's civilizational project of building paradise on Earth by means of science. It is also pointed out that V.A. Kutyrev underestimated Descartes' rationalism, the development of whose ideas ultimately led to the emergence of Artificial Intelligence, which plays the role of a man-made God in Bacon's man-made paradise. Further, the interpretation of I. Kant's transcendentalism is considered within the framework of Kutyrev's anthropoconservatism, first of all, Kant's Copernican turn and his doctrine of the "thing in itself", which ultimately lead European humanity to virtual reality technologies and initiate the exploration of outer space, the rationale for the feasibility of which is subsequently carried out within the framework of Russian cosmism by N.F. Fedorov and K.E. Tsiolkovsky, whom V.A. Kutyrev calls the first theoretical traitors to the Earth and "Luciferians". Disagreement is expressed with such an interpretation of Kant's work, in which we agree with B. Russell, who claimed that Kant carried out a "Ptolemaic counterrevolution" by placing the knowing subject at the center of his epistemology, while Copernicus removed man from the center of the Universe, placing the Sun there. By limiting the possibilities of the human mind, Kant casts doubt on the possibility of implementing Bacon's civilizational project, acting as an anthropoconservative. The movement towards virtual reality technologies occurred not thanks to, but in spite of Kant, as a result of his followers' attempts to refute the doctrine of the "thing in itself". Here we agree with A. Kozhev. It was Hegel, not Kant, who built a consistent philosophy of death. In the final part of the work, an exit to general ontological problems is made, which leads to the substantiation of the cardinal truth "We will all die!" However, as a free being, a person can choose the strategy of anthropoconservatism, striving to prolong his existence as much as possible, or the opposite Nietzschean strategy, when the highest value is given not to existence, but to development.

Keywords: V.A. Kutyrev, anthropoconservatism, Being, Nothing, self-apocalypse, freedom as a conscious necessity, artificial intelligence, virtual reality, existence to death, coevolution.

Постановка проблемы. Антропоконсерватизм – оригинальная мировоззренческая система последовательного антисциентизма, разработанная одним из наиболее значительных представителей отечественной философской мысли постсоветского периода Владимиром Александровичем Кутырёвым (1943–2022). Цель настоящего исследования – критический анализ интерпретаций эмпиризма Ф. Бэкона и трансцендентализма И. Канта в работах данного автора [1, 2], что, в свою очередь, позволяет нам выйти на основную проблему онтологии – «В чём смысл бытия?», один из вариантов решения которой обосновывается в контексте антропоконсерватизма.

Методы, методология исследования. При рассмотрении антропоконсерватизма нами использовался, прежде всего, диалектический метод, а также аналитический и синтетический методы. Наконец, важную роль в исследовании играет абдукция или обратная дедукция – метод восхождения от следствий к их возможным причинам.

Всякая попытка *понимания* чего-либо, начиная с древнейших мифологических времен и до наших дней, базировалась на убеждении, что сегодняшнее положение дел есть следствие каких-то прошлых событий, то есть предполагало наличие у людей некоей формы *исторической памяти*. Соответственно для понимания природы современной техногенной цивилизации необходимо вернуться к ее истокам, в идеале – к некоей ключевой фигуре, осуществившей поворот, который, в конечном счете, привёл человечество к современному положению дел. По мнению В.А. Кутырёва, подобной фигурой является «Френсис Бэкон, первый ученый и философ, объявивший о Великом восстановлении наук после их подчинения религиозной вере в Средневековье и предложивший вместо аристотелевского органа, на который опиралась господствовавшая до того мысль, Новый Орган как свод научных правил для наступающего индустриального общества» [1, с. 159]. Именно Бэкон инициировал поворот науки в сторону решения практически значимых, *технических* проблем, провозгласив лозунг «*Scientia est potentia*» («Знание – сила»). В.А. Кутырёв констатирует, что «Бэкон, будучи прежде всего методологом, в современном контексте предстает предтечей техногенной эпохи. Приобретая утилитарные свойства, знание утрачивает ценностный и мировоззренческий характер» [1, с. 161].

Далее описывается процесс превращения науки в некую разновидность техники и технологий, рождение Megascience (Большой науки), способной синтезировать «сверхсильные знания», которые, помимо всего прочего, инициируют развитие современных информационных технологий, вследствие чего люди «становятся паразитами техногенного разума. По все большему и большему параметрам ему все меньше и меньше нужна сначала их физическая, а потом и умственная сила» [1, с. 166]. Лишенное необходимости думать и познавать, человечество, согласно В.А. Кутырёву, упорно движется в сторону *самоапокалипсиса*, так что постепенное восхождение особо одаренных человеческих индивидов к некому сверхзнанию на современном историческом этапе диалектически трансформируется в стремительное скатывание в сторону тотальной *старческой* деменции человечества, постепенно утрачивающего *любые* знания по причине отсутствия необходимости в них.

Статья, посвященная Ф. Бэкону, завершается поистине луддитским тезисом автора: «Ситуация XXI в. требует благословлять все силы разрушения

электронного мегаконцлагеря, виртуальные кризисы и катастрофы с их неопределенными последствиями, которые бы приостановили этот определенно самоубийственный процесс» [1, с. 170]. Следует, однако, задаться вопросом: *почему* достигшее наивысшего расцвета, «осени Средневековья» европейское человечество поддержало цивилизационный проект Бэкона, и в чем вообще заключался этот проект? Иначе может создаться впечатление о некоем «заговоре философов», в который отказывался верить В.М. Розин [3, с. 182] в своей рецензии на основополагающую монографию В.А. Кутырёва «Бытие или ничто» [4].

На наш взгляд, основная идея христианства, позволившая ему сокрушить античную, греко-римскую цивилизацию, исторически заместив ее в последующий исторический период, заключается в *отрицании смерти*, то есть в воскрешении всех умерших *во плоти* с последующим Страшным судом над ними, после чего грешники отправятся в ад (под Землю), где их ожидают вечные мучения, а праведники – в рай (Царствие Небесное). В данной связи у верующих может возникнуть только один вопрос: когда наконец осуществится данное событие? Ответ на этот вопрос можно найти в Евангелии от Марка: «истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» [Мк. 9:1]. Иначе говоря, конец света (*апокалипсис*) и Второе пришествие Иисуса Христа ожидалось верующими в ближайшем будущем. Однако проходили столетия, а затем и тысячелетия, а завершение истории человечества посредством уничтожения Богом земного мира и воскрешение всех умерших так и не наступало. Примечательно, что данное обстоятельство весьма волновало не только средневековых мыслителей, но и выдающихся представителей пришедшей на смену Средневековью современной или «*фаустовской*» *постхристианской* цивилизации. Здесь можно сослаться, прежде всего, на весьма загадочное с точки зрения современной высокодифференцированной науки произведение основоположника классической физики Исаака Ньютона «Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова» [5].

Как известно, любому терпению и ожиданию рано или поздно приходит конец, и здесь весьма кстати оказался эмпиризм Бэкона, суть которого сводится к *построению рая на Земле средствами науки*. Действительно, как еще назвать место, где медицина окончательно победит не только все болезни, но даже старость и смерть, а механика полностью избавит людей от физического труда? В начале времен Бог изгнал из земного рая (Эдема) первых людей, наказав мужчину *трудом*, а женщину – *деторождением*. В конце времен люди вновь окажутся в земном раю, где не будет ни труда, ни деторождения.

К сожалению, на фоне критики эмпиризма Ф. Бэкона В.А. Кутырёв полностью забывает о рационализме Р. Декарта с его «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю, следовательно, существую»), который не противостоит, а диалектически дополняет бэконовский цивилизационный проект. Действительно, рукотворный рай предполагает наличие *рукотворного Бога*, в качестве которого на завершающем этапе естественным образом выступает Искусственный Интеллект (ИИ).

Обратимся теперь ко второй ключевой фигуре, способствовавшей решающему повороту европейского человечества в направлении утверждения технологической цивилизации, которая, подавив военным путем все прочие цивилизации, уничтожая их физически либо навязывая им свою систему ценностей, впервые

в истории человечества к началу XX столетия из региональной окончательно превращается в *глобальную*. По мнению В.А. Кутырёва, это – Иммануил Кант, который «подорвал традиционную метафизическую (субъект-объектную), по своему генезису – земную, теллурическую философию Бытия – в *самом ее фундаменте* и открыл дверь для распространения философии Ничто в разных ипостасях, отражая выход человечества на рубеж овладения и преодоления как внешней, так и внутренней природы» [2, с. 145]. Первый шаг в данном направлении был сделан Н. Коперником в рамках астрономии, когда он убрал Землю из центра Вселенной, поместив туда Солнце. «Астрономически выход в космос и космолизация Земли с превращением в перспективе в пост(без)жизненную планету начались с Коперника, а философски – с Канта. Коперниканско-кантианский переворот: Космос опускается на Землю и *соз(и)дается на Земле*» [2, с. 145]. Далее Кутырёв подвергает критике кантовское учение о «вещи в себе», которая, как известно, непознаваема. Тем самым «только Кант решился обрезать пуповину, тянущуюся от вещей к сознанию и питающую его, постулировав самотождественность, априорность и независимость последнего» [2, с. 149]. Последнее обстоятельство естественным образом повлекло за собой освобождение «чистого, априорного, имманентного, универсального и трансцендентного разума» от любых пут, связывающих его с «землей», что, в свою очередь, инициировало разработку технологий виртуальной реальности, то есть неких возможных миров, уравненных в своем онтологическом статусе с единственным, данным нам в ощущении *действительным* миром.

В контексте антропоконсерватизма В.А. Кутырёв весьма негативно оценивает идею выхода человека в космос, которую он также возводит к трансцендентальной философии Канта, прямо или косвенно повлиявшего на обе ветви русского космизма – религиозно-философскую в лице Н.Ф. Фёдорова и естественнонаучную в лице К.Э. Циолковского, объявляя их «первыми теоретическими изменниками Земли(е)», «вероотступниками» и «люциферистами» [2, с. 157]. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором, что «органичны и совместимы с космосом только наши искусственные конструкторы, аппараты и роботы» [2, с. 156]. Именно они, как нам представляется, и будут в дальнейшем осваивать планеты Солнечной системы, тогда как перемещать туда людей столь же нелепо, как, например, совершать восхождение на Эверест, неся с собой в рюкзаке аквариум с рыбками.

В целом приходится отметить, что мы категорически не согласны с интерпретацией В.А. Кутырёвым места Канта в философском процессе, осуществлявшемся в рамках нововременной цивилизации. Более корректной в этом вопросе нам представляется позиция Бертрانا Рассела: «Кант говорил о себе, что он совершил «коперниканскую революцию», но выразился бы точнее, если бы сказал о «птолемеевской контрреволюции», поскольку он поставил человека снова в центр, в то время как Коперник низложил его» [6, с. 5–6]. Философ, провозгласивший основным вопросом философии вопрос о том, «что такое человек» [7, с. 9], несомненно, был одним из величайших антропоконсерваторов всех времен и народов. Он принципиально ограничил возможности человеческого разума, поставив в центр теории познания не познаваемый объект, как было до него, а познающего субъекта, то есть человека. Его предшественник Джон Локк разделил все свойства, приписываемые нами вещам, на первичные, объективно присущие

им (прежде всего пространственно-временные), и вторичные, субъективно приписываемые им людьми вследствие особенностей строения наших органов чувств (цвет, запах, вкус и пр.). По Канту, вся информация, получаемая нами из внешнего мира, *человекоразмерна*. Примечательно, что данная идея получила своё развитие только в рамках неклассической науки конца XIX – начала XX века, то есть в квантовой механике и теории относительности.

Диалектическая парадоксальность учения Канта заключалась в том, что все его ближайшие последователи, начиная с выдававшего себя за его ученика Фихте, пытались разными путями опровергнуть основополагающий антропоконсервативный тезис об ограниченности возможностей человеческого разума. В конечном итоге последнее удается осуществить Гегелю, относительно философии которого её глубокий знаток А. Кожев замечает следующее: «Человек «проявляется» как такое сущее, которое всегда знает о своей смерти, часто свободно принимает её и иногда, вполне сознательно, по собственному желанию уходит из жизни. Таким образом, в конечном счёте «диалектическая», или антропологическая, философия Гегеля – это *философия смерти* (или, что то же самое, атеизм) [8, с. 671]. Таким образом, это не Кант, а Гегель «характерный для эпохи Просвещения культ Разума [...] довел до Абсолюта и заменил им Бога» [2, с. 149]. Именно Гегель провозгласил, что «только наука есть истинное знание духа о себе самом» [9, с. 406].

Суммируем сказанное. Согласно известному афоризму Спинозы *свобода есть осознанная необходимость*. Например, человек может плыть против течения реки, а может – по течению, и в том, и в другом случае заведомо зная, что, в конечном итоге, попадет в одно и то же место. Однако в первом случае он попадет туда *позже*, а в другом – *раньше*. Соответственно, будучи сторонниками гегелевской диалектики, мы прекрасно понимаем, что всякое развитие содержит в себе элемент отрицания: один биологический вид постепенно вымирает и соответствующую экологическую нишу занимает другой, лучше приспособленный к данным природным условиям; переставшие экспоненциально размножаться народы постепенно замещаются более плодовитыми этносами; одни цивилизации гибнут, будучи не в силах приспособиться к изменившимся условиям, и их место занимают другие цивилизации. Очевидно, что рано или поздно разумная жизнь на Земле, представленная исключительно человечеством, будет вытеснена другими формами разумной жизни. Не случайно М. Хайдеггер определил человеческое существование как *«бытие к смерти»*. Тем самым кардинальная истина, которую человечество постигло в ходе своей эволюции, гласит: *«Мы все умрём!»*.

Очевидно также, что развитие науки и техники не приведет людей в техногенный земной рай, а завершится гибелью человечества, его вытеснением другой, более совершенной формой разумной жизни, которую, в свою очередь, вытеснит третья и т. д. *ad infinitum*. В этом плане антропоконсерватизм В.А. Кутырёва вполне рационален: если *Бытие человека* есть высшая ценность, то его сохранение посредством торможения научно-технического прогресса может продлить означенное бытие максимально долго, отодвинув самоапокалипсис человечества *на десятки тысяч лет*, в то время как при сохранении нынешних темпов развития технологий искусственного интеллекта не исключено, что сегодня доживают свою жизнь последние поколения людей. Не случайно многие работы Кутырёва, в том числе монография «Бытие или Ничто», завершаются фразой: *«Так продлимся...»*.

Примечательно, что альтернативная антропоконсерватизму традиция возникла еще в конце XIX века и ассоциируется у нас, прежде всего, с учением Ф. Ницше, который открыто заявлял, что научно-технический прогресс приведет к скорой по историческим меркам гибели человечества. «Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели» [10, с. 10]. Последнее в выгодную сторону отличает данное учение эпохи модерна, когда каждый пытался любыми средствами утвердить свою истину, от современной эпохи постмодерна, когда все всем лгут и никто ни во что не верит. Более того, люди предпочитают абстрагироваться от нависающих над ними проблем [11], потому что лучший способ решения проблемы – делать вид, что её нет.

Будучи *разумным* существом, человек прекрасно понимает, что смерть – жестокая необходимость, которую он не в состоянии отменить. Однако, будучи *свободным* существом, он может склоняться к любой стратегии: либо максимально длить свое бытие, вплоть до полного биологического разложения в старости, судорожно оттягивая свой конец, поскольку каждый прожитый день есть высшая, ни с чем не сравнимая ценность; либо, как самурай, в ситуации «или – или» всегда сознательно выбирать смерть, чтобы, в конечном итоге, умереть молодым, освобождая место под солнцем последующим поколениям, которые продолжат дело (служение) павшего борца. К сожалению, современное человечество более всего похоже на пассажиров самолета, управляемого пилотом-самоубийцей (или сумасшедшим бизнесменом-изобретателем) Андреасом Любицем (или Илоном Маском) в заблокированной изнутри кабине [12], которые буквально до последнего момента пребывали в счастливом неведении относительно своего печального положения. В этом смысле антропоконсерватизм В.А. Кутырёва в обозримой исторической перспективе представляется весьма актуальным.

Однако, на наш взгляд, основоположник отечественного антропоконсерватизма пытается подсластить горькую правду посредством идеи *коэволюции*, то есть в данном случае параллельного сосуществования естественного и искусственного миров. Как свидетельствует практика, переходящая в симбиоз коэволюция вполне возможна между различными биологическими видами, а также между обществом и природой. Вместе с тем трудно поверить в коэволюцию активно развивающегося искусственного интеллекта и желающего бесконечно долго *паразитировать* на нем, деградирующего, по словам Кутырёва, в сторону старческой деменции естественного интеллекта современного человека. Скорее всего на каком-то этапе искусственный интеллект найдет эффективный способ окончательно избавиться от облепивших его паразитов.

Список литературы

1. Кутырёв, В.А. Знание как сила, сверхсила и бессилие (к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона») / В.А. Кутырёв // *Философия хозяйства*. – 2020. – № 5. – С. 157–172.
2. Кутырёв, В.А. Философия Чистого Разума Канта как спекулятивная предпосылка космизма, виртуальности и искусственного интеллекта (трансцендентальный дигитализм contra теллурический реализм) / В.А. Кутырёв // *Философия хозяйства*. – 2022. – № 5. – С. 143–159.
3. Розин, В.М. В.А. Кутырёв. Бытие или ничто / В.М. Розин // *Вопросы философии*. – 2011. – № 2. – С. 181–187.
4. Кутырёв, В.А. Бытие или Ничто / В.А. Кутырёв. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 496 с.
5. Ньютон, И. Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова / И. Ньютон; пер. В.Г. Рохмистрова. – Москва: Т8, 2022. – 430 с.
6. Рассел, Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Б. Рассел; пер. с англ. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
7. Кант. Изречения / Кант; сост. и науч. ред. В.Н. Брюшинкин. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 91 с.
8. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 791 с.
9. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Наука, 2000. – 495 с.
10. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1990. – 829 с.
11. Кутырёв, В.А. Технологии переступают через человека... Но люди боятся знать об этом / В.А. Кутырёв, А.С. Нилогов // *Философия хозяйства*. – 2018. – № 5 (119). – С. 237–250.
12. Капленко, Л. Суицид без границ. 10 лет назад пилот-самоубийца погубил самолёт и десятки жизней / Л. Капленко // Официальный сайт газеты «Транспортная безопасность». – URL: <https://tbgazeta.by/suicid-bez-granicz-10-let-nazad-pilot-samoubijca-pogubil-samolet-i-desyatki-zhiznej/> (дата публикации: 04.04.2025).

References

1. Kutyrev V.A. Knowledge as power, superpower and powerlessness (to the 400th anniversary of the co-building by F. Bacon of the "New Organon"). *Philosophy of economy*. 2020;5:157-172.
2. Kutyrev V.A. Kant's philosophy of Pure Reason as a speculative premise of cosmism, virtuality and artificial intelligence (transcendental digitalism contra telluric realism). *Philosophy of economy*. 2022;5:143-159.
3. Rozin V.M. V.A. Kutyrev. Being or nothing. *Questions of philosophy*. 2011;2:181-187.
4. Kutyrev V.A. Being or Nothing. St. Petersburg: Aletheia, 2009. 496 p.
5. Newton I. Interpretations on the prophecies of Daniel and the Apocalypse of John the Theologian. Transl. V.G. Rokhmistrov. Moscow: T8, 2022. 430 p.
6. Russell B. Human knowledge: Its sphere and borders. Transl. from English. Kiev: Nika-Tsentr, 1997. 560 p.
7. Kant. Sayings. Ed. by V.N. Bryushinkin. Kaliningrad: Publishing House of the Russian State University named after I. Kant, 2010. 91 p.
8. Kozhev A. Introduction to reading Hegel. St. Petersburg: Nauka, 2003. 791 p.

9. *Hegel G.V.F. Phenomenology of the spirit.* Moscow: Nauka, 2000. 495 p.
10. *Nietzsche F. Works in 2 vol. Vol. 2.* Transl. from German. Moscow: Nauka, 1990. 829 p.
11. *Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Technologies step over a person... But people are afraid to know about it. Philosophy of economy.* 2018;5(119):237-250.
12. *Kaplenko L. Suicide without borders. 10 years ago, a suicide pilot killed an airplane and dozens of lives. Official website of the newspaper "Transport Security".* Available from: <https://tbgazeta.by/suicid-bez-granicz-10-let-nazad-pilot-samoubijcza-pogubil-samolet-i-desyatki-zhiznej/> (date of publication: 04.04.2025).

Информация об авторе

ФИЛАТОВ Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 7827-2703. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

---

Information about the author

FILATOV Timur V. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 7827-2703. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

УДК 177.5

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

М.Н. Бондарева

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

Поступила в редакцию: 14.09.25

В окончательном варианте: 03.12.25

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в изучении механизмов воспроизведения гендерных стереотипов через семейные, образовательные и медийные институты в европейском обществе конца XX – начала XXI века, их воздействия на жизнь женщин в контексте современных социокультурных изменений. Исследование обосновывает, что традиционные предубеждения, закрепленные на уровне социальных институтов, оказывают значимое влияние на распределение социальных ролей и взаимодействие полов. Актуальность темы связана с необходимостью выявления факторов, препятствующих полноценному развитию женщин в профессиональных, образовательных и личностных аспектах, и разработки мер по устранению таких препятствий. Научная новизна исследования заключается в систематическом анализе механизмов воспроизводства гендерных стереотипов и последствий их влияния на жизнь женщин, что позволит разработать стратегии преодоления стереотипов и обеспечить инклюзивное пространство для всех социальных групп. Методологической основой исследования являются теоретико-методологические подходы философии и социальной психологии, позволяющие выявить механизм формирования гендерных стереотипов. Особое внимание уделено эмпирическим исследованиям, изучающим процессы социализации и роль семейных, образовательных и медийных институтов в развитии гендерных предрассудков. Исследование показало, что гендерные стереотипы глубоко интегрированы в сознание общества и оказывают негативное влияние на профессиональное и личностное развитие женщин. Они приводят к снижению самооценки, выбору низкооплачиваемых профессий и ограничению карьерных амбиций. Показано, что формирование стереотипов начинается в детстве и поддерживается образовательными институтами, масс-медиа и общественными нормами. Выводы исследования свидетельствуют о необходимости критического переосмысления существующей практики формирования гендерных ожиданий и социальных ролей. Важно признать значимость вклада женщин в современное общество и обеспечить равные права и возможности для всех граждан. Освобождение от исторических предрассудков и стереотипов откроет новые горизонты для развития гармоничных и справедливых общественных отношений.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, социальные роли, социокультурные трансформации, воспроизводство стереотипов, инклюзия, гендерные установки, социальная идентичность, деконструкция ролей, институциональные барьеры, поведенческие модели, гендерная сегрегация, стереотипизация, асимметрия возможностей, устойчивые предубеждения, социальное конструирование.

MECHANISMS OF FORMATION AND CONSEQUENCES OF GENDER STEREOTYPES

M.N. Bondareva

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

Original article submitted: 14.09.25

Revision submitted: 03.12.25

Abstract. The purpose of this article is to study the mechanisms of reproduction of gender stereotypes through family, educational and media institutions in European society at the end of the XX – beginning of the XXI century, their impact on women's lives in the context of modern socio-cultural changes. The study demonstrates that traditional biases embedded at the level of social institutions exert considerable influence on the distribution of social roles and interactions between the sexes. The relevance of this topic lies in identifying factors impeding full development of women in professional, educational, and personal domains, and developing measures to eliminate these barriers. The scientific novelty of the research resides in its systematic analysis of the mechanisms of reproducing gender stereotypes and assessing their impact on women's lives. This will enable the formulation of strategies to overcome stereotypes and create inclusive spaces for all social groups. The methodological basis of the study consists of theoretical-methodological approaches from philosophy and social psychology, enabling identification of the mechanisms underlying the formation of gender stereotypes. Special attention was given to empirical studies examining processes of socialization and the role of family, educational, and media institutions in fostering gender prejudices. The investigation revealed that gender stereotypes are deeply integrated into societal consciousness and negatively affect women's professional and personal growth. They lead to diminished self-esteem, choice of low-paid professions, and limited career aspirations. Formation of stereotypes begins during early childhood and continues through reinforcement by educational systems, mass media, and societal norms. The findings emphasize the necessity for critical reassessment of current practices regarding the creation of gender expectations and social roles. Recognizing the significance of women's contributions to society and ensuring equal rights and opportunities for all citizens is essential. Liberation from historical prejudices and stereotypes opens new horizons for the development of harmonious and equitable social relations.

Keywords: gender stereotypes, social roles, sociocultural transformations, reproduction of stereotypes, inclusion, gender attitudes, social identity, deconstruction of roles, institutional barriers, behavioral models, gender segregation, stereotyping, asymmetry of opportunities, persistent prejudices, social construction.

Общество привыкло ожидать определенных свойств и характеристик от представителей разных социальных групп, создавая стереотипы. Но реальность сложнее: хотя обобщенные различия между группами действительно наблюдаются, каждый отдельный человек уникален и не всегда вписывается в стандартные представления. Например, средний рост мужчин превышает таковой у женщин, но в реальной жизни встречаются исключения, разрушающие этот шаблон. Проблема стереотипов кроется в том, что мы склонны преувеличивать разницу между группами и одновременно недооценивать разброс внутри них. Эта склонность замечена учеными в многочисленных исследованиях. Люди привыкли воспринимать каждого встречного как представителя той или иной социальной группы, и такие ярлыки накладываются мгновенно, даже если не несут практической пользы. Причем в одних ситуациях (например, на спортивной площадке) профессия человека вообще не важна, но на других (например, в рабочей обстановке) профессиональная принадлежность вдруг приобретает центральное значение. Особенно сильно действуют стереотипы, касающиеся гендера. Мужчина и женщина моментально классифицируются мозгом как носители разного набора характеристик. Даже несмотря на реальные примеры, опровергающие такую схему, большинство продолжает инстинктивно делить людей на мужские и женские категории, концентрируясь на особенностях внешности и поведения. В результате мы невольно усиливаем восприятие реальных различий, хотя внутри каждой группы огромное количество нюансов и оттенков. Таким образом, гендерные стереотипы настолько глубоко засели в нашем сознании, что проявляются практически мгновенно и стабильно, вызывая постоянные и нежелательные различия в восприятии людей разного пола.

Механизмы воспроизведения гендерных стереотипов

Безусловно, нельзя оспорить тот факт, что мужчины и женщины различаются в разных аспектах, будь то физические, психологические или социальные характеристики. Однако гораздо важнее поставить вопрос иначе: какую долю этих различий можно отнести к изначальной природе самих полов, а какую – к нашим собственным представлениям и стереотипам, закрепившимся в обществе? Определение природы и содержания гендерных стереотипов проливает свет на глубокую проблему: дело в том, что такие стереотипы не просто описывают и фиксируют имеющиеся различия между мужчинами и женщинами, но и задают определенный образец поведения и социальные роли, в соответствии с которыми каждому полу отводится соответствующее место в обществе. Несмотря на то, что на практике мужчины и женщины могут демонстрировать удивительно похожие черты, вкусы и устремления, наша приверженность стереотипным ожиданиям неизменно подводит нас к мысли, будто они живут в абсолютно разных мирах. Детальное исследование происхождения и последствий гендерных стереотипов помогает определить, каким образом они влияют на нашу личную и общественную жизнь, способствуя или препятствуя развитию настоящих гендерных различий, присутствующих в обществе. Понять – это значит приблизиться к осознанию того, как наши представления о мужчинах и женщинах формируют не только собственное мировосприятие, но и саму структуру общества, определяя, каким должно быть нормальное и приемлемое поведение для представителей каждого пола.

На протяжении веков, начиная с публикации книги «В защиту прав женщин» М. Уолстонкрафт в 1792 году, в центре глобального обсуждения и научных изысканий остается вопрос гендерного равенства женщин. Но следует отметить, что прогресс в области юридического обеспечения прав женщин не всегда коррелирует с изменениями в идеологии, которая формируется под воздействием культурных контекстов. Идеология как социокультурный феномен не является результатом обучения, но представляет собой неотъемлемый элемент структуры общества. Она способствует упрощению взаимодействия между членами группы, выступая в роли привычной и естественной парадигмы мышления. Как правило, идеология, характерная для определенного сообщества, гармонично вписывается в его культурные рамки, поскольку она возникает в контексте взаимодействия этой группы, которая интерпретирует и осмысляет свое поведение. Таким образом, несмотря на то, что законодательство утверждает юридическое равенство между женщинами и мужчинами, в современном обществе сохраняются идеологические установки, которые могут способствовать возникновению предвзятости, тем самым ограничивая возможности женщин. В нынешних условиях гендерная идеология существенно воздействует на формирование гендерных стереотипов, затрагивающих женщин и их роль в обществе.

Гендерные различия у новорождённых в первую очередь имеют биологическую природу и не должны рассматриваться как основные факторы, влияющие на врождённые способности. Но поведение детей формируется в процессе социализации и социального взаимодействия, в ходе которого у них возникает разное восприятие гендерных различий. Социализация, являясь ключевым фактором, значительно влияет на формирование ценностей, убеждений и норм личности. Среди наиболее существенных агентов социализации выделяются семья, школа, сверстники и средства массовой информации. Семья представляет собой самый важный и первичный агент, который способствует интернализации социальных ценностей и норм у ребёнка. В младенческом возрасте понимание гендерных различий и характеристик ещё недостаточно сформировано, поэтому физическая среда, создаваемая родителями, становится решающим фактором в возникновении гендерных стереотипов [1, с. 152]. Иными словами, гендерные стереотипы можно рассматривать как унаследованную идеологию, которая передаётся от родителей к детям. Исследования показывают, что девочки и мальчики уже в раннем возрасте сталкиваются с различной средой, что в свою очередь влияет на развитие их специфических способностей и предпочтительных видов деятельности.

Исследование, проведенное в Канаде, показывает, что дети в возрасте до 5 лет получают от родителей игрушки и одежду, которые строго соответствуют традиционным гендерным стереотипам. На практике также отмечается тенденция к взаимодействию с детьми своего пола, а игры с детьми противоположного пола часто остаются без внимания. Важным аспектом этого исследования является то, что осведомленность родителей о гендерных стереотипах значительно влияет на формирование идентичности ребенка на ранних этапах его жизни [2, с. 359]. Обычно родители четко разделяют игрушки, виды спорта и одежду, подчеркивая тем самым, что определенные предметы и занятия считаются «наследием» девочек или мальчиков.

Формирование гендерных стереотипов у детей не ограничивается исключительно влиянием родителей, оно также зависит от других членов семьи. Исследования, проведенные в США, указывают на то, что разнополые братья и сестры обладают наиболее ярко выраженными стереотипами, что связано с гендерно-дифференцированным воспитанием, осуществляемым родителями [3, с. 990]. Гендерная социализация начинается именно в семье, где дети получают первые представления о роли мужчин и женщин в обществе. Различия в воспитании мальчика и девочки проявляются даже в схожих жизненных обстоятельствах – мать и отец часто выбирают разные подходы к воспитанию, исходя из пола ребенка. Так, мальчикам нередко прививается дух соперничества и решительности путем требовательности родителей, особенно когда речь идет о трудностях и испытаниях. Девочки же чаще сталкиваются с поддержкой и заботой, чему способствуют родительские советы, направленные на развитие эмоциональной устойчивости и доверия. Это создает предпосылки для формирования у представителей разных полов отличающихся поведенческих моделей: девушки склонны ощущать собственную уязвимость и потребность в поддержке, тогда как юноши привыкают полагаться на собственные силы и проявлять инициативу. Поэтому половые особенности членов семьи влияют на восприятие детьми своей половой принадлежности и связанных с ней качеств, закладывая основу будущих социальных ролей и поведения. Следовательно, семейная среда выступает важнейшим фактором развития гендерных стереотипов, оказывая значительное воздействие на формирование взглядов ребенка относительно половых различий.

Гендерные стереотипы в средствах массовой информации

Социальный процесс, связанный с социализацией, заметно активизируется под влиянием средств массовой информации. На телевидении и в журналах женщины часто оказываются объектами стереотипизации и сексуализации, что имеет глубокие последствия для формирования их самосознания и представлений о гендерных ролях [3, с. 990]. Средства массовой информации играют большую роль в распространении знаний и информации, формируя общественное мнение и оказывая влияние на умы потребителей. С раннего возраста дети начинают погружаться в мир традиционных сказок и историй, и это знакомство играет значительную роль в их восприятии. Сказочные сюжеты становятся для них своеобразными виртуальными пространствами, вызывая яркие и долговременные ассоциации с вымышленными мирами.

Но несмотря на привлекательность и романтическое содержание таких сказок, как «Золушка», «Белоснежка и семь гномов» и «Спящая красавица», они также нередко содержат как явные, так и скрытые послания, связанные с устоявшимися гендерными стереотипами. Эти послания формируют у детей определенные представления о женских ролях в обществе. Во многих из этих историй принц приходит на помощь принцессе, что внушает детям идею о том, что девочки должны ожидать спасения от мальчиков, а мальчики, обладая силой, выступают в роли защитников. Таким образом, такие сказки и мультфильмы непреднамеренно способствуют укоренению у детей представлений о гендерном доминировании, которые по сегодняшний день остаются актуальными.

Теория социальных ролей объясняет происхождение гендерных стереотипов тем, что мужчины и женщины выполняют разные функции дома и на работе

из-за специфики распределения социальных обязанностей. Такое разделение труда, появившееся ещё в прошлом, до сих пор сохраняет своё значение и влияет на структуру общества, несмотря на современные социально-экономические преобразования [4, с. 44]. Критерии «идеальной женственности» создают давление на женщин, подчеркивая ограничения их свободы. Современное общество активно продвигает идеи равных возможностей для женщин в образовании, что дает им возможность получить качественные знания и навыки. Но, несмотря на этот прогресс, подобная пропаганда зачастую служит стереотипом для мужчин, которые могут оценивать женщин как подходящих или неподходящих им по статусу. В итоге женщинам по-прежнему нужна поддержка семьи, и они не достигают полной независимости как самостоятельные личности.

Современные гендерные стереотипы продолжают проявляться и в отношении внешнего вида женщин. Современные средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного восприятия красоты. Образы, представленные в СМИ, охватывают не только новостные сюжеты и драмы, но и многие рекламные материалы. Рекламные плакаты часто идеализируют худую и стройную девушку, поддерживая представление о том, что именно такая форма тела является эталоном красоты. Несмотря на интенсивное редактирование с использованием компьютерных технологий, эти изображения воспринимаются как реалистичные и становятся доминирующими стандартами, которые подавляют разнообразие форм и размеров [5, с. 4]. Таким образом, сложившиеся эстетические нормы ведут к внедрению однообразного представления о красоте, где худоба начинает ассоциироваться с идеалом.

Эстетическое заблуждение, формируемое средствами массовой информации относительно современных женщин, привело к возникновению новой «нормы» для женского образа. На сегодняшний день развлекательные телепрограммы становятся все более разнообразными и стремительно развиваются благодаря глобальному распространению Интернета. Популярность телевидения теперь выходит далеко за рамки телевидения и охватывает гораздо более широкую аудиторию за счет ретрансляции в Интернете, а также активного перепостинга в социальных сетях. Ярким примером публичной масштабной оценки людей являются многочисленные шоу талантов, посвященные прослушиванию участников, в которых сотни людей соревнуются за право выхода на сцену. В этом контексте единственным критерием оценки служат голоса зрителей, выбирающих тех участников, которых они ценят. Это восприятие «ценности» формируется с различных позиций: оцениваются танцевальные навыки, вокальные способности, коммуникабельность и, несомненно, привлекательная внешность. Танцевальный или вокальный талант раскрываются после того, как участники получают внимание зрителей благодаря внешним данным, поскольку сцена всегда требует визуальной привлекательности. Внешняя привлекательность публичных персон становится причиной массового восхищения молодежи, однако возникает проблема: поклонники копируют не личные качества знаменитостей, которые помогли им достичь успеха наравне с упорством и трудом, а лишь стандарты внешнего вида. Такой перекокс восприятия привел к развитию особого феномена – беспокойства, связанного с внешностью. Данное явление негативно сказывается преимущественно на женщинах, заставляя их испытывать постоянный дискомфорт и неудовлетворенность

собой вследствие несоответствия навязанным идеалам в отношении фигуры и внешнего облика. Итогом является необдуманное желание сбросить вес любой ценой, включая потенциально опасные способы снижения массы тела, способные нанести серьезный ущерб здоровью.

Сегодняшние каноны внешней привлекательности создают дополнительные общественные шаблоны, ставшие ориентиром для представительниц прекрасного пола. Желание угодить этим искусственно установленным эталонам вынуждает женщин ориентироваться на общепринятые тенденции, демонстрируя высокий уровень внушаемости в отношении стандартов, далеко не всегда благоприятствующих физическому благополучию и психологическому комфорту. Подобная ситуация провоцирует снижение уровня самоуважения и ухудшение физического состояния, создавая порочный цикл, где социальное давление неумолимо возрастает. Противоположностью данному феномену стало движение бодипозитивизма, призывающее отказаться от навязанных обществом стандартов красоты и принять свое тело таким, какое оно есть, вне зависимости от принятых норм. Приверженцы этого течения считают, что истинная красота заключена внутри каждого человека, а забота о своем здоровье и счастье должна стоять превыше стремления соответствовать иллюзорным представлениям о совершенстве. Однако необходимо учитывать, что бодипозитивизм может являться другой крайностью и привести к снижению мотивации поддерживать здоровый образ жизни. Некоторые сторонники бодипозитива игнорируют проблемы, связанные с избыточным весом, считая критику своего веса проявлением дискриминации. Это может привести к отказу от физических упражнений и правильного питания, способствуя развитию хронических заболеваний, таких как диабет и сердечно-сосудистые заболевания [6, с. 1].

Значимым агентом социализации, оказывающим влияние на устойчивость гендерных стереотипов в обществе, являются рекламные кампании. В конце XX века научное сообщество проявило значительный интерес к изучению рекламы разных стран во всех средствах массовой информации. Основными моделями, которые использовались для репрезентации женщин в рекламных материалах, были забота о семье, домашний быт, образ матери и воспитателя, акцент на собственной внешности [7, с. 104]. Далее в рамках социально-критического анализа исследователи обратились к детальному изучению содержания рекламных образов. Это позволило им сделать вывод, что модели, используемые для изображения женщин в рекламе, остаются стабильными и не претерпевают значительных трансформаций. В частности, было выявлено, что в рекламных сообщениях недостаточно полно и точно представлены профессиональные роли и род занятий женщин, что свидетельствует о сохранении традиционных гендерных стереотипов в данной сфере [8, с. 418]. Исследование интернет-рекламы показало, что в онлайн-пространстве женщины чаще всего изображаются в традиционных или второстепенных ролях [9, с. 101].

В противовес этому в 2010-х годах в рекламной индустрии сформировался новый феномен, известный как «фемвертайзинг» – современная маркетинговая стратегия, нацеленная на продвижение продукции через поддержку прогрессивных женских ценностей и разрушение традиционных гендерных стереотипов. Следует констатировать, что фемвертайзинг выступает как альтернативная форма рекламы, которая нередко эксплуатирует образ женщины,

подчеркивая его сексуальную компоненту или сводя женскую роль к выполнению бытовых функций. Тем не менее, согласно данным научной литературы и эмпирической практики, существуют многочисленные примеры компаний, заявляющих об эмансипаторных посылах, которые на деле способствовали эксплуатации женщин или осуществляли дискриминационную кадровую политику по отношению к сотрудницам. В связи с этим возникают обоснованные вопросы относительно подлинности и практической значимости подобных рекламных инициатив. По данным исследований, бренды нередко направляют больший объем ресурсов на демонстрацию своей социальной активности, чем на реальное участие в общественных движениях, что порождает сомнения в их искренности и эффективности [10, с. 15].

В ходе эмпирического исследования гендерной коммерческой перформативности в контексте эмансипаторных рекламных кампаний был проведен качественный анализ визуальной репрезентации женщин и коммуникативных событий, представленных в рекламных сообщениях [11, с. 63]. На примере тридцати фемвертайзинг-кампаний было выявлено, что в большинстве случаев рекламные ролики имеют транснациональный характер, бренды фокусируются на повышении самооценки и уверенности женщин, избегая негативных эмоций, связанных с гендерной дискриминацией. Главный нарратив часто строится на манифестах и высказываниях, подчеркивающих женскую силу, стойкость и уверенность. Визуальные элементы, основанные на спортивном дискурсе, продемонстрировали наибольшую эффективность в передаче идей, направленных на расширение прав и возможностей женщин. Современная реклама постепенно отказывается от традиционных стереотипов в отношении женщин: представление о них как о слабом поле, чья основная роль – быть женой и матерью. Вместо этого реклама все больше демонстрирует разнообразные и современные образы женщин. Российский рынок рекламы постепенно перенимает западные методы фемвертайзинга, но пока уступает зарубежным коллегам в разнообразии представленных идентичностей и зрелости используемых сюжетов. Основная масса рекламных роликов ориентирована на молодых женщин, игнорирует возрастные и этнические различия, что свидетельствует о недостаточной глубине проработки темы фемвертайзинга. Компании используют фемвертайзинг как средство привлечения внимания целевой аудитории, но не обязательно демонстрируют подлинную заинтересованность в изменении положения женщин в обществе. Несмотря на противоречивость фемвертайзинг-направления и явные его недостатки (например, мужчины в такой рекламе часто отсутствуют или играют второстепенные роли, что усложняет анализ гендерных отношений), необходимо подчеркнуть исключительную значимость этого явления, которое требует дальнейшего изучения и анализа, доработки и внедрения в медиапространство.

Последствия существования гендерных стереотипов в личной и профессиональной сферах

Влияние общественных стереотипов, таких как покорность, нежность, домоседство, создает определенные ожидания относительно «идеального поведения» женщин, к которому они, как правило, стремятся. Однако существует риск, что такие социальные конструкции могут стать источником домашнего насилия [12, с. 575]. Исторически сложилось так, что мужчины занимали

доминирующее положение в обществе, начиная с тех времен, когда они были единственной группой, обладавшей правом голоса и возможностью принимать решения. Женщин традиционно не привлекали к выполнению тяжёлой физической работы, они не несли ответственности за исполнение серьезных обязательств, что объяснялось их хрупким телосложением, миролюбивыми наклонностями и множеством обязанностей, связанных с материнством. В результате этого женщины долгое время находились в подчиненном положении, и даже в современном обществе сохраняются стереотипные представления, согласно которым некоторые мужчины продолжают предъявлять определенные требования к своим партнершам. Примеры таких ожиданий варьируются от традиционного соглашения о том, что жена должна готовить еду по возвращении мужа домой, до фактической ответственности женщин за выполнение домашних обязанностей, таких как стирка и глажка одежды. Именно подчиненное положение женщин и доминантное положение мужчин приводит в отдельных социальных группах к домашнему насилию.

В рамках психологических исследований выделяются определенные признаки домашнего насилия, корни которого обусловлены патриархальным господством. К числу таких признаков относится отказ женщины исполнять предписанные «женские» роли, ожидание покорного поведения с её стороны и ограничения на участие в принятии решений. Все проявления недовольства по отношению к женщинам часто проистекают из глубоко укоренившегося представления о том, что женщины должны быть партнёршами, непосредственно связанными с мужчинами, что, в свою очередь, закрепляет устоявшиеся гендерные стереотипы [13, с. 146].

Многочисленные исследования указывают на то, что трудоустройство для женщин оказывается более затруднительным по сравнению с мужчинами. В тех случаях, когда женщинам удается найти работу, они, как правило, занимают позиции с низкой зарплатой и находятся в подчинении [14]. Традиционно существуют стереотипные представления о руководителях, в большинстве случаев ими являются мужчины и при назначении на должности они отдают предпочтение коллегам своего пола.

Существует общественное мнение, согласно которому главное для женщин – материнство и заботы о семье, и такие обязательства воспринимаются как неотъемлемая часть их жизни. При этом социальная роль женщины не должна вытекать из ее сущностной и биологической особенностей, а должна быть следствием личного выбора. В современных условиях многие женщины оказываются перед выбором между карьерой и семейными обязанностями. Данная «возможность отказа от карьеры» ведет к тому, что трудовой рынок в большей степени создает благоприятные условия для мужчин. Это явление выявляет не только структурные, но и концептуальные аспекты дискриминации. Кроме того, на рынке труда редко акцентируется внимание на ответственности отцов в домашних условиях, в то время как общественное мнение допускает, что мужчины также могут находиться перед выбором между карьерой и семьей.

В современном мире существует укоренившееся предубеждение: женщин рассматривают как менее перспективных работников, что существенно уменьшает их шансы на успех в конкуренции за рабочие места. Этот дисбаланс формирует обстановку, в которой работодатели чаще отдают предпочтение

кандидатам-мужчинам, оставляя женщинам нелегкий выбор: попытаться соответствовать мужскому стилю ведения бизнеса или оставить карьеру ради домашнего хозяйства. Неравные стартовые условия ставят женщину в затруднительное положение как на рабочем месте, так и в социуме. Хотя женщины прикладывают значительные усилия, стремясь успешно сочетать работу и семейные обязанности, они все равно остаются в невыигрышной ситуации, занимая недостаточно высокие должности. Исследования подтверждают этот факт, подчеркивая дефицит женского представительства на руководящих позициях в крупных компаниях [15, с. 864].

Социальные клише о способностях полов тесно переплетаются с оценкой умственных возможностей женщин, провоцируя возникновение специфического эффекта, именуемого «угрозой стереотипа». Данный феномен проявляется в снижении эффективности деятельности учениц и студенток в учебной среде, обусловленном давлением культурных ожиданий и предвзятых мнений о границах женских талантов. В общественном сознании мужчины традиционно наделяются такими качествами, как логика, интеллект и рациональность, в то время как способности женщин часто недооцениваются. Когда интеллектуальные способности женщин подвергаются внешней оценке, например в ходе выполнения экзаменационных тестов, представители обоих полов испытывают определенный стресс, что способствует стремлению к высоким достижениям. Но если женщины акцентируют внимание на том, что их математические способности уступают способностям мужчин, то это в конечном итоге приводит к худшему результату. Стереотип о том, что математика не соответствует женской идентичности, может привести к тому, что женщины начинают уделять ей меньше внимания, что отрицательно сказывается на их результатах в данной области. Исследования показали, что женщины, которые получили информацию о гендерных различиях до начала тестирования, получили более низкие баллы по сравнению с теми, кто не получал данную информацию [15, с. 864]. В результате снижение успеваемости составило около 20 %.

Заключение

Разница в поведении и жизненном укладе мужчин и женщин обусловлена не врожденными особенностями, а исторически сложившимися ролями, исполняемыми ими в процессе эволюции человеческого общества, а также воздействием процесса социализации. Для каждого пола характерны особые ожидания и нормы, которые значительно сужают спектр возможностей современных женщин. Внешняя привлекательность и выполнение материнской функции, традиционно считающиеся преимуществами женского пола, на практике часто превращаются в препятствия для полноценного личностного и профессионального развития. Однако эти черты могли бы стать дополнительными ресурсами, обогащающими профессиональные компетенции и социальную активность женщин. Необходимо осознать необходимость предоставления равных прав и возможностей для всех, независимо от заданных обществом ролей и ограничений.

Современное общество, характеризующееся доминированием мужских ценностей и норм, требует глубокого осмысления и трансформации существующих подходов для успешного внедрения принципов многообразия и учета женской точки зрения. Это важно для общего социального прогресса, ведь

женщины составляют около половины населения планеты, следовательно, их нужды и стремления заслуживают внимания и уважения. Изучение механизма зарождения гендерных стереотипов открывает широкие горизонты для изменения системы социализации, что способно привести к формированию более справедливых и гармоничных общественных отношений.

Список литературы

1. Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В.С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 152–158.
2. Pink or blue: Environmental gender stereotypes in the first two years of life / A. Pomerleau, D. Bolduc, G. Malcuit, L. Cossette // *Sex Roles*. – 1990. – Vol. 22. – No. 5–6. – Pp. 359–367.
3. McHale, S.M. Family context and gender role socialization in middle childhood: Comparing girls to boys and sisters to brothers / S.M. McHale, A.C. Crouter, C.J. Tucker // *Child Development*. – 1999. – Vol. 70. – No. 4. – Pp. 990–1004.
4. Fee, E. Critiques of Modern Science: the Relationship of Feminism to Other Radical Epistemologies / E. Fee // *Feminist Approaches to Science*. – New York, 1998. – P. 44.
5. Spencer, S.J. Stereotype threat and women's math performance / S.J. Spencer, C.M. Steele, D.M. Quinn // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1999. – Vol. 35. – No. 1. – Pp. 4–28.
6. The dark side of body positivity / D.K. Goomany, I. Thomas, C. Bareket-Shavit [et al.]. – 2023, April 1. – URL: <https://open.library.ubc.ca/cIRcle/collections/undergraduateresearch/52966/items/1.0433754>. – DOI: 10.14288/1.0433754.
7. Franzwa, H.H. Working Women in Fact and Fiction / H.H. Franzwa // *Journal of Communication*. – 1974. – Vol. 24. – No. 2. – Pp. 104–109.
8. Eisend, M. A Meta-Analysis of Gender Roles in Advertising / M. Eisend // *Journal of the Academy of Marketing Science*. – 2010. – Vol. 38. – No. 4. – Pp. 418–440.
9. Plakoyiannaki, E. Images of Women in Online Advertisements of Global Products: Does Sexism Exist? / E. Plakoyiannaki [et al.]. // *Journal of Business Ethics*. – 2008. – Vol. 83. – Art. 101–112.
10. Menéndez, M.I. Entre la cooptación y la resistencia: de la Femvertising a la Publicidad Profem / M.I. Menéndez // *RECERCA. Revista De Pensament I Anàlisi*. – 2019. – Vol. 24. – No. 2. – Pp. 15–38.
11. Панарина, Е.С. Рекламный гендерный перформанс: как фемвертайзинг репрезентирует женщин / Е.С. Панарина // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 63–88.
12. Симагина, Н.А. Домашнее насилие в странах Европы и способы борьбы с ним / Н.А. Симагина // *Человек: преступление и наказание*. – 2022. – Т. 30 (1–4). – № 4. – С. 575–583.
13. Goins, M.N. *Routledge Handbook of Gender and Communication* / M.N. Goins. – London; New York: Routledge, 2021. – P. 146.
14. World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (дата обращения: 09.10.2025).
15. Windels, K. Stereotypical or Just Typical: How Do American Practitioners View the Role and Function of Gender Stereotypes in Advertising? / K. Windels // *International Journal of Advertising*. – 2016. – Vol. 35. – No. 5. – Pp. 864–887.

References

1. Ageev V.S. Psychological and Social Functions of Gender Role Stereotypes. *Issues of Psychology*. 1987;2:152-158.
2. Pomerleau A., Bolduc D., Malcuit G., Cossette L. Pink or Blue: Environmental Gender Stereotypes in the First Two Years of Life. *Sex Roles*. 1990;22(5-6):359-367.
3. McHale S.M., Crouter A.C., Tucker C.J. Family Context and Gender Role Socialization in Middle Childhood: Comparing Girls to Boys and Sisters to Brothers. *Child Development*. 1999;70(4):990-1004.
4. Fee E. Critiques of Modern Science: the Relationship of Feminism to Other Radical Epistemologies. *Feminist Approaches to Science*. New York, 1998. P. 44.
5. Spencer S.J., Steele C.M., Quinn D.M. Stereotype Threat and Women's Math Performance. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1999;35(1):4-28.
6. Goomany D.K., Thomas I., Bareket-Shavit C., Thomas C., Laurin K. The Dark Side of Body Positivity. April 1, 2023. Available from: <http://dx.doi.org/10.14288/1.0433754>
7. Franzwa H.H. Working Women in Fact and Fiction. *Journal of Communication*. 1974;24(2):104-109.
8. Eisend M. A Meta-Analysis of Gender Roles in Advertising. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2010;38(4):418-440.
9. Plakoyiannaki E. [et al.]. Images of Women in Online Advertisements of Global Products: Does Sexism Exist? *Journal of Business Ethics*. 2008;83. Article 101-112.
10. Menéndez-Menéndez M.I. Between Co-optation and Resistance: From Femvertising to Pro-Feminine Advertising. *Recerca. Revista de Pensament i Anàlisi*. 2019;24(2):15-38.
11. Panarina E.S. Advertising Gender Performance: How Femvertising Represents Women. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2021;13(1):63-88.
12. Simagina N.A. Domestic Violence in European Countries and Ways to Combat It. *Man: Crime and Punishment*. 2022;30(1-4):575-583.
13. Goins M.N. Routledge Handbook of Gender and Communication. London; New York: Routledge, 2021. P. 146.
14. World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2025. Retrieved October 9, 2025. Available from: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf
15. Windels K. Stereotypical or Just Typical: How Do American Practitioners View the Role and Function of Gender Stereotypes in Advertising? *International Journal of Advertising*. 2016;35(5):864-887.

Информация об авторе

БОНДАРЕВА Мария Николаевна – аспирант кафедры философии
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.
E-mail: lychkovskay@mail.ru

Information about the author

BONDAREVA Mariya N. – graduate student, Department of Philosophy,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. **E-mail:** lychkovskay@mail.ru

УДК 165.1, 130.2

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Гурьянов

Самарский государственный экономический университет,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 05.11.25

В окончательном варианте: 05.12.25

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена сложным переплетением стохастических и детерминированных процессов развития современного общества, которые неминуемо отражаются на стратегии развития многих институтов государства. Среди них образование – один из базовых, значимых для будущего развития как человека, так и общества в целом. Противоречия, которые проявляются в условиях быстрых перемен, реформаторских изменений, резких вызовов внешней и внутренней политики – все это заставляет нас обратиться к критическому аппарату философского мышления. Сущность и понятийный аппарат философии позволяет экстраполировать ее эвристические возможности на образование через приближение к метафизическим вопросам о роли ценностей в образовании и в формировании личности и общества. С применением социокультурного инструментария философия может проанализировать характер функционирования системы образования в обществе и наметить контуры его изменений, этапы изменений в форме и структуре образования. Рефлексивный аппарат мировоззрения, его способность к всеобщим парадигмальным обобщениям позволяет выявить ключевые закономерности в картине мира, а также особенности ее проявления в организации образовательного процесса; аппарат прогнозирования и творческий потенциал философии обладает способностью к проектированию и стратегированию будущих целей и результатов образования. Философия образования призвана обнаружить и осветить вызовы, которые встают перед современным образованием, и наметить пути их преодоления. Научная новизна работы заключается в комплексном методологическом подходе к образованию с точки зрения философии, ее понятийного аппарата в качестве эпистемологического инструмента познания. Целью данной научной работы является раскрытие потенциала философии в ее сущностном и понятийном проявлении для изучения и осмысления системы образования в рамках современных трендов развития общества, с разграничением образования как автономной сферы науки и ее философской рецепции как философии образования. Используемые подходы предполагают эпистемологический, аксиологический и историко-философский анализ, что позволяет обозначить проблемы и линии исследования образования, мировоззренческие аспекты его понимания. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что образование как философия образования и образование как педагогика, будучи автономными, находятся в диалектическом соотношении, составляя единство и противоположность действующей социокультурной реальности. Философия образования выполняет роль метатеоретического фундамента, задающего цели, ценности и смыслы, тогда как образовательные методики в области педагогики являются практическими инструментами для решения поставленных институциональных задач. Перспективы и практическая значимость работы состоят в предоставлении философского дискурса для образования, раскрывающего последнее как комплексную проблему, выявляя значимые ценности для развития человека, государства, нации, народа, институциональные механизмы управления образованием. Рекомендации заключаются в необходимости признания эпистемологической продуктивности понятийного аппарата философии образования, проступающего через аксиологический, системный, процессуальный и результативный подходы.

Ключевые слова: философия образования, аксиология, эпистемология и онтология образования, институционализация философии образования.

PROBLEMATICS AND CONCEPTUAL FRAMEWORK OF PHILOSOPHY OF EDUCATION

A.V. Guryanov

Samara State University of Economics,
Samara, Russia

Original article submitted: 05.11.25

Revision submitted: 05.12.25

Abstract. The relevance of this research topic stems from the complex interplay of stochastic and deterministic processes in the development of modern society, which inevitably impact the development strategies of many state institutions. Among these, education is one of the fundamental institutions, crucial for the future development of both individuals and society as a whole. The contradictions that emerge in the context of rapid change, reformist reforms, and sharp challenges in foreign and domestic policy compel us to turn to the critical apparatus of philosophical thought. The essence and conceptual apparatus of philosophy allow us to extrapolate its heuristic potential to education by approaching metaphysical questions about the role of values in education and in the formation of the individual and society. Using sociocultural tools, philosophy can analyze the functioning of the education system in society and outline the contours of its changes, as well as the stages of change in the form and structure of education. The reflexive apparatus of a worldview, its capacity for universal paradigmatic generalizations, allows us to identify key patterns in the worldview, as well as the particularities of its manifestation in the organization of the educational process; the forecasting apparatus and creative potential of philosophy have the ability to design and strategize the future goals and results of education. The philosophy of education is called upon to identify and illuminate the challenges facing modern education and to outline ways to overcome them. The scientific novelty of this work lies in its comprehensive methodological approach to education from the perspective of philosophy, using its conceptual apparatus as an epistemological tool of cognition. The purpose of this research is to uncover the potential of philosophy in its essential and conceptual manifestations for studying and understanding the education system within the context of contemporary societal development trends, distinguishing between education as an autonomous sphere of science and its philosophical reception as the philosophy of education. The approaches employed involve epistemological, axiological, and historical-philosophical analysis, allowing us to identify the problems and lines of research in education, as well as the ideological aspects of its understanding. The results of the study demonstrate that education as a philosophy of education and education as pedagogy, while autonomous, exist in a dialectical relationship, constituting a unity and opposition within the current sociocultural reality. Philosophy of education serves as a metatheoretical foundation, defining goals, values, and meanings, while educational methods in the field of pedagogy are practical tools for solving institutional problems. The prospects and practical significance of this work lie in providing a philosophical discourse on education that reveals it as a complex problem, identifying significant values for the development of individuals, states, nations, and people, as well as institutional mechanisms for managing education. Recommendations emphasize the need to recognize the epistemological productivity of the conceptual apparatus of educational philosophy, which emerges through axiological, systemic, processual, and results-based approaches.

Keywords: philosophy of education, axiology, epistemology and ontology of education, institutionalization of philosophy of education.

Постановка проблемы

Во все времена образование аккумулировало в себе систему «знаниевых» ценностей и было настроено на реализацию актуальных запросов общества, встраиваясь в социокультурную политику государства. Данные процессы неизбежно находят свое отражение и в современной повестке российской культуры и образования и характеризуются посредством свойств общенаучной синергетической парадигмы стохастичности, неравновесности динамических систем. Учитывая геополитические вызовы внешней и внутренней среды, раскрывающие противоречие между холистической и индивидуальной двойственностью субъектов образования как соотношением множества и единичности [1], все перечисленное обнаруживает потребность в рассмотрении в рамках философского дискурса, а значит, во включении проблемы развития образования в рефлексию философии..

О значимости философского метода для образования свидетельствуют не только многочисленные дискуссии, конференции, но и создание специального научного журнала с одноименным названием, в котором публикуются результаты исследований в данной сфере. К обсуждению проблем образования в рамках философской рецепции присоединяются не только ученые, но и представители институтов управления: министры, политики и др. Пристальное внимание широкой аудитории подтверждает, что образование – стратегическая сфера развития общества, находящаяся на пересечении линий настоящего и будущего российского государства. О существовании философии образования пишут разные авторы. Можно привести несколько цитат: «Философия образования – это философия оправдания образования как функции жизни»; «наука о существовании и генезисе Человека в духовном и образовательном пространстве, о предназначении образования и его роли, влиянии на судьбы личности, общества, государства...» [2, с. 6–7]. Вышеприведенные определения не только подчеркивают необходимость философии для понимания сущности образования, но и выявляют основания, источники и силы влияния в данных процессах, «содержательные и организационные требования» к образованию [1], а также его цели и стратегии развития с учетом потребностей общества.

В зарубежной литературе институциональный подход развивал Герт Биеста, подчёркивая, что философия образования «должна служить инструментом, который помогает педагогам понять базовые предпосылки их практики, а не выступать самостоятельной теоретической дисциплиной, далекой от повседневных задач учителя» [3, с. 15]. Данный вывод отражает практическую значимость «полевых исследований» для методологии науки и ставит философию образования в систему социального проектирования, планирования как технологию, способную вырабатывать идеи с учетом аналитики картины мира, с пониманием особенностей процессов развития, актуальных запросов государства.

Управленческие аспекты философии образования находятся в поле исследования Джона Уотсона, основоположника бихевиоризма. Ученый утверждал, что «...каждый человеческий индивидуум нуждается в законах и данных психологии поведения для организации своей собственной повседневной жизни» [4, с. 266]. Иными словами, идеи бихевиоризма предусматривали деятельно-управленческий подход, связанный с организацией воздействия на человека последовательных стимулов, приводящих к формированию определенного поведения.

В отечественной литературе на автономность философии образования как отдельной дисциплины указывает Астафьева Е.Н., отмечая, что философия образования «синтезирует данные ряда теоретических и эмпирических наук, подвергает их философскому осмыслению и создает на этой основе новые научные знания, относящиеся к сфере образования» [5, с. 48]. С 1990-х годов философия образования как методологическая основа науки об образовании представлена в трудах таких российских ученых, как Н.Г. Алексеев, Л.В. Загрекова, Р.Б. Квеско, А.Т. Москаленко. В особую область знания, раскрывающую многогранное содержание смыслов образования, философия образования оформляется в работах О.С. Анисимова, Н.К. Асанова, В.Н. Гончарова, Б.С. Гершунского, Н.В. Наливайко, В.М. Розина, И.Н. Семёнова, А.И. Субетто.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что тема образования рассматривается с философского ракурса в двух направлениях: от смысла к цели; от формы к содержанию и обратно. В первом направлении анализ принципов рефлексивного осмысления реальности, поиска целей и задач образования центрирует проблемы в аксиологическую и результативную плоскости. Во втором при анализе сущности образования как онтического его строения со стороны формы, связей и развития проявляются системно-институциональный и содержательный аспекты.

Методы, методология исследования

В рамках данного исследования в качестве исследовательского инструментария использовались общеполитические подходы: аспекты синергетического, эпистемологического, историко-философского подходов, сравнительный анализ.

Образование как философия образования неразрывно связано с социальными, политическими и идеологическими процессами в государстве. На протяжении последних двадцати пяти лет заметны активные изменения в развитии нашей страны: культурный и идеологический слом в период крушения СССР; сближение с европейскими странами как следствие принятия Болонской системы; периодические обновления образовательной парадигмы, связанной с научно-техническим прогрессом, – все это свидетельствует о сложности и изменчивости времени как «смыслового координатора, отмеряющего период значимой длительности» [6, с. 41], как скорости темпоральных изменений в рамках «текущей современности» (З. Бауман), в условиях которых реализуется жизнь и развитие человека в обществе. «Россия дважды меняла стратегию развития в миротехнике за последние десятилетия. В 1991–1993 гг. стратегия разрыва <...> ушла вместе с советскими реалиями в прошлое. <...> С 2014 г. стратегия разрыва начинает возвращаться, но уже в реалиях полупериферийного капитализма, классового общества и консервативной идеологии, которые являются антиподами советской системы» [7, с. 44]. Такая частая смена политического, идеологического курса в достаточно короткие сроки привела к рассинхронизации ключевых стратегий развития образования.

Для наиболее полного понимания применимости философского инструментария в области образования необходимо осветить проблематику и понятийный аппарат философии образования. Философия образования понимается как «область философского знания, изучающая фундаментальные вопросы образования: его цели, принципы, методы и влияние на личность и общество» [8, с. 76]. Основной целью этой области знания является выявление оснований и смысла

образования, определение его роли в жизни человека и культуры, а также разработка этических и методологических принципов с целью эффективности функционирования образовательных систем. Ключевые аспекты её предметного поля включают исследование образования как социально-культурного феномена, анализ технологий для проектирования результатов обучения, учет социальных норм и актуальных запросов общества, формирование этических и ценностных аспектов образования в области воспитания личности через сохранение и трансляцию культурных кодов нации, способствующих формированию облика человека через конструирование его образа для будущего.

Инструментарием философии образования служит понятийный аппарат, который можно продемонстрировать с учетом выделенных подходов: ценностный, системный, процессуальный и результативный.

Так, *аксиологический инструмент как философский подход* встраивается в общую методологию философии и формирует представления вокруг таких понятий, как ценности и их основания, цели, предназначение и задачи. Для философии данный аспект исследования рассматривается как базовый [1, с. 2]. Данная позиция раскрывает исследовательские возможности для изучения взаимосвязи субъектов образования (государство, учащийся, педагог, родители и мн. др.), для понимания и стратегирования целей образования, выявления содержательных и организационных требований к образовательной системе. Кроме того, ценностный аппарат философии позволяет обозначить конфигурацию обратной связи между стратегическими потребностями страны и социумом. Однако существует фундаментальное противоречие, так как «современные государства преимущественно исходят из трактования образования как общественной и государственной ценностей, не имея материальных и организационных оснований уделять столь же высокое внимание образовательным потребностям развития личности» [1, с. 2]. Данное противоречие порождает непростую проблему в области стратегирования образа будущего образования, поскольку между индивидуумом, личностью, желающими собственного образования и развития, и государственными приоритетами может проходить демаркационная линия, которую в будущем необходимо как проблемную задачу разрешить.

Через призму *системного подхода* философия образования актуализирует понятия социальной философии, включая в орбиту своих исследований анализ таких категорий, как социальные связи и отношения, человек и общество, функционирование образования как социального института и мн. др. Особую важность приобретает вопрос о месте образования в обществе, о его системообразующем значении и развитии. В данном контексте отмечается влияние государства как института управления, формирующего облик и содержание образования посредством, например, финансовых механизмов, наличие и отсутствие последних нередко определяет эффективное функционирование национальной системы образования. В последнее время источником трансформации системы образования в России служит государственный запрос на такую модель обучения, которая позволила бы обеспечить «решения промышленных, научных и других государственно значимых задач» [1, с. 2]. Такого рода целевое образование порождает новое противоречие и некоторое социальное неравенство между достижениями в области развития личности

и выполнением государственного задания (трудоустройство, заработная плата). Национальная государственная политика в области образования целенаправленно осуществляет кадровое регулирование и планирование, адаптированное к задачам актуального исторического времени, для значимых сфер социального производства. Заметим, что из данного целеполагания не стоит упускать проектирование и таких моделей образования, которые способны развивать, формировать человека как личность, наделенную рефлексивным, критическим мышлением и кругозором, способную к генерации прорывных творческих идей для пользы общества и укрепления национального достояния государства.

Рассмотрение *образования как процесса* актуализирует философские понятия методологии и отражает запрос на исследование динамики и трансформации образования под влиянием новых технологий и социальных требований. Уровень изменений в данном поле достаточно высок и интенсивен, что позволяет исследователям прогнозировать пересмотр базовых онтических характеристик образования. Так Е. Брызгалова убеждена, что в будущем «формальное образование в процессе общения ученика и учителя как фактор социализации новых поколений рискует потерять ведущее значение» [1, с. 8]. Кроме того, все больше в образовательном процессе присутствуют технологические программы с использованием нейросетей, например, с 1 сентября 2025 г. в школе Alpha в г. Остин (США) искусственный интеллект заменил учителя [9]. Цифровизация и геймификация как технологии образования смещают акцент с управления процессами передачи знаний на управление психофизическим состоянием, концентрацией внимания учащегося через новые формы обучения и цифровой контент.

Экстериоризация образования как выстраивание будущего результата актуализирует исследовательские подходы к образованию через философско-научные понятия – моделирование, стратегирование, что позволяет оценивать и осмысливать цели образования с учетом ценностного видения. В данной исследовательской перспективе можно наметить несколько сценариев развития событий. Так, в условиях развития «экономики внимания» можно предположить, что в будущем результатом образования должны стать «навыки саморазвития, <...> управления собственными ресурсными состояниями – вниманием, памятью» [1, с. 8]. То есть в будущем преимущественные компетенции должны быть сосредоточены на гибких, *soft skills* навыках, позволяющих человеку находиться в поле образования, «в пути» (В.А. Конев). Таким образом, намечается процесс изменения социального портрета личности: от знаний и компетенций к формированию характеристик, актуальных для действия в рамках «экономики внимания». Итогом обучения станут не только интеллектуальные результаты, но и сформированные социальные и управленческие навыки. Важным показателем встроенности человека в социальное пространство будет умение работать в команде. Как видим, динамические процессы развития в области образования не только обусловлены изменением уровня развития экономических сил и уровня научно-технического прогресса, но и связаны с активной продуктивной деятельностью субъектов образования, способных планировать, проектировать будущее, в котором отчетливо проступает облик человека, способного реализовать успешное развитие общества.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сущность и понятийный аппарат философии образования обладают значимым исследовательским

потенциалом для изучения настоящего и планирования будущего развития образования при условии наличия взвешенной позиции по вопросу о месте и целях развития его для всех субъектов данного процесса. Рассмотрение образования через призму понятийного аппарата философии, через ценностный, системный, процессуальный и результативный аспекты раскрывает образование как комплексный и многогранный процесс, позволяющий не только решать узкопрактические задачи, но и мыслить комплексно. Но, заметим, в научном сообществе еще сохраняется тенденция редуцировать философское знание, сводить его к чистой методологии или использовать в качестве «приложения» к педагогике, что можно охарактеризовать как проявление «биологического натурализма и социологизма» [8, с. 247]. Подобный подход ограничивает рефлексивный, критический и аксиологический потенциал философии, лишая педагогическую практику стратегического горизонта аналитики и прогнозирования.

Обнаружение философского запроса как исследовательского конструкта для саморефлексивного опыта образования является сигналом о назревших глубинных проблемах образовательной системы. Будучи автономным, образование тем не менее остро нуждается в метатеоретическом фундаменте философии, в выстраивании социальных горизонтов прошлого, настоящего и будущего для понимания выбора направления своего развития. Отвечая на вопросы «зачем?», «ради чего?», философия образования позволяет выйти на новый уровень обобщения и сконструировать в обществе систему аксиологических координат, играющую существенную роль в определении стратегической цели, формировании смыслов образовательной деятельности. Располагая своим понятийным аппаратом, философия способна принести системе образования и существенную исследовательскую и прикладную результативность, в ее функции входит анализ онтологических и эпистемологических оснований социальных феноменов, среди которых образование может быть предметом рефлексии в широком социально-историческом и культурном контексте. Именно данный прочный философский фундамент придает образованию смысловой горизонт, относя эту деятельность к области миссионерской значимости, внося обоснование и понимание в сущностные основания образовательной системы, подтверждая значимые ее функции: сохранение и трансляцию культурного опыта человечества. Как справедливо писал С.И. Гессен, «образование есть не что иное, как культура индивида, цели образования совпадают с целями культуры» [13, с. 35].

Перспективы дальнейших исследований видятся в продолжении разговора об образовании в рамках философского взгляда, на основе изучения динамически изменчивых социальных процессов и их трансформирующих влияний в сфере образования.

В данной статье актуализировались значимость и место философии в осмыслении сущности и целей образования на рубеже XX–XXI веков. Философская рефлексия, обладающая своим понятийным аппаратом, как мы смогли показать, позволяет комплексно подходить к поиску мировоззренческих, управленческих, процессуальных, институциональных и аксиологических решений в области образования. Данный потенциал инициировал масштабные обсуждения и дискуссии на научных площадках по тематике философии образования,

что в дальнейшем позволило создать научный журнал «Философия образования» (2001), а затем и кафедру «Философия образования» (2008, МГУ).

Резюмируя вопрос о том, как и на основании чего связаны философия и образование, мы обнаружили разные подходы и мнения. Один из них связан с пониманием философии как области метафизического обобщения, в которой поднимаются вопросы о сущности и ценности образования. Другая позиция – институциональная, раскрывает вопросы организации и планирования образования, рассматриваются его формы, а также роли, функции участников – субъектов образовательной деятельности.

В заключение отметим, что проблематика образования исторически определялась философскими идеями, начиная со времен античной Греции, и сегодня, как и в прошлом, для определения и обоснования стратегии развития образования философия представляет важный, значимый инструмент и способ социального проектирования.

Список литературы

1. *Брызгалина, Е.В.* О некоторых характеристиках и противоречиях в развитии современного образования / Е.В. Брызгалина, В.Н. Киселёв // *Пространство и Время* [Электронное издание]. – 2015. – Т. 9. – № 1.
2. *Семченко, Е.Е.* Философия образования: исходные понятия и проблемы / Е.Е. Семченко // *Вестник евразийской науки*. – 2015. – № 2 (27). – С. 132–142.
3. *Biesta, G.* Poor teaching: from pedagogy to education / G. Biesta // *European Journal of Education*. – 2020. – Vol. 55. – No. 4. – Pp. 495–507.
4. *Уотсон, Дж.Б.* Психология как наука о поведении / Дж.Б. Уотсон. – Москва: АСТ-ЛТД, 1998. – 704 с. – ISBN 5-15-000894-X.
5. *Астафьева, Е.Н.* Философия образования: современные интерпретации / Е.Н. Астафьева // *Векторы психолого-педагогических исследований*. – 2024. – № 2. – С. 46–60.
6. *Петтинова, М.А.* Время в оптике десубстантивации / М.А. Петтинова // *Сфера культуры*. – 2023. – № 4 (14). – С. 38–46.
7. *Изгарская, А.А.* Отечественное образование в процессах глобальной интеграции и противостояния миросистеме / А.А. Изгарская // *Философия образования*. – 2023. – Т. 23. – № 4. – С. 33–48.
8. *Гершунин, С.А.* Эпистемология образования: структура и цели / С.А. Гершунин // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. – 2025. – № 1. – С. 72–88.
9. Inside the \$40,000 a year school where AI shapes every lesson, without teachers // *CBS News* [сайт]. – 2025. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/alpha-school-artificial-intelligence/> (дата обращения: 04.11.2025).
10. *Рогачева, Е.Ю.* Нереализованная мечта Джона Дьюи / Е.Ю. Рогачева // *Проблемы современного образования*. – 2013. – № 2. – С. 72–81.
11. *Барсов, С.* Афоризмы Британии. В 2 т. / С. Барсов. – Т. 2. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 512 с. – ISBN 5-9524-2111-3.
12. *Hewlett, R.G.* Atoms for Peace and War, 1953–1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission / R.G. Hewlett, J.M. Holl. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1989. – 333 p. (California studies in the history of science). – ISBN 0-520-06018-3.
13. *Гессен, С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен; отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – Москва: Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – ISBN 5-88527-082-1.

References

1. *Bryzgalina E.V.* On some characteristics and contradictions in the development of modern education. *Electronic scientific publication Almanac Space and Time*. 2015;9(1).
2. *Semchenko E.E.* Philosophy of education: initial concepts and problems. *Bulletin of Eurasian Science*. 2015;2(27):132-142.
3. *Biesta G.* Poor teaching: from pedagogy to education. *European Journal of Education*. 2020;55(4):495-507.
4. *Watson J.B.* Psychology as a Behavior Science. Moscow: AST-LTD Publishing House LLC, 1998. 704 p.
5. *Astafieva E.N.* Philosophy of education: modern interpretations. *Vectors of psychological and pedagogical research*. 2024;2:46-60.
6. *Petinova M.A.* Time in the optics of desubstantiation. *Sphere of culture*. 2023;4(14):38-46.
7. *Izgarskaya A.A.* Domestic education in the processes of global integration and confrontation of the world system. *Philosophy of education*. 2023;23(4):33-48.
8. *Gershunin S.A.* Epistemology of education: structure and goals. *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2025;1:72-88.
9. Inside the \$40,000 a year school where AI shapes every lesson, without teachers. *CBS News*. 2025. Available from: <https://www.cbsnews.com/news/alpha-school-artificial-intelligence/> (accessed: 04.11.2025).
10. *Rogacheva E.Yu.* Unrealized dream of John Dewey. *Problems of modern education*. 2013;2:72-81.
11. *Barsov S.* Aphorisms of Britain. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 512 p.
12. *Hewlett R.G., Holl J.M.* Atoms for Peace and War, 1953–1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1989. 333 p. (California studies in the history of science).
13. *Hesse S.I.* Fundamentals of pedagogy. Introduction to Applied Philosophy. Resp. ed. and comp. P.V. Alekseev. Moscow: School-Press, 1995. 448 p.

Информация об авторе

ГУРЬЯНОВ Алексей Владимирович – аспирант кафедры философии и истории, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 2769-5550. E-mail: alesha-kuprin@mail.ru

---

Information about the author

GURYANOV Aleksey V. – graduate student, Department of Philosophy and History, Samara State University of Economics, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 2769-5550. E-mail: alesha-kuprin@mail.ru

---

НАШИ АВТОРЫ

БАЦАНОВА Софья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 9432-2497.

E-mail: sophiko1881@yandex.ru

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия; eLibrary SPIN: 8918-7755.

E-mail: igorbelyaev@list.ru

БОНДАРЕВА Мария Николаевна – аспирант кафедры философии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.

E-mail: lychkovskay@mail.ru

ГУРЬЯНОВ Алексей Владимирович – аспирант кафедры философии и истории ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 2769-5550.

E-mail: alesha-kuprin@mail.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета, eLibrary SPIN: 9303-7094.

E-mail: vs.danilova@s-vfu.ru

ДУНАЕВ Роман Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 7718-7350.

E-mail: r_dunaev@bk.ru

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета, eLibrary SPIN: 7650-1297.

E-mail: nnkozhev@mail.ru

КРИВОЛАП Алексей Дмитриевич – кандидат культурологии, профессор кафедры культурологии и психолого-педагогических дисциплин Института повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», г. Минск, Республика Беларусь; eLibrary SPIN: 5104-5627.

E-mail: email2krivolap@gmail.com

КУЗНЕЦОВ Андрей Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 7709-4018.

E-mail: kuzandr@mail.ru

КУСКОВА Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», г. Москва, Россия; eLibrary SPIN: 5993-0750.

E-mail: adiafora@tut.by

ЛОЙКО Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, г. Минск, Республика Беларусь; eLibrary SPIN: 7229-1438.

E-mail: loiko@bntu.by

ПАК Галина Станиславовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии физического факультета ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 1674-0759.

E-mail: info@unn.ru

РАГОЙША Александр Игоревич – аспирант кафедры «Машины и оборудование нефтегазовых и химических производств» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 8487-2682.

E-mail: ragoisha2020@yandex.ru

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 6226-1098.

E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

ФИЛАТОВ Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 7827-2703.

E-mail: tfilatoff1960@mail.ru

ХРАМОВА Марина Александровна – аспирант кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 1745-7039.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СамГТУ». СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Все статьи проходят слепое рецензирование. О результатах рецензирования и решении редколлегии относительно принятия представленной статьи к публикации в журнале авторам сообщают по электронной почте.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора полностью.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – например, аспирант).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. eLibrary SPIN.
6. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).

Автор может факультативно указать иные дополнительные сведения о себе. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Заголовочный комплекс

Название должно содержать минимальное количество слов и максимально точно отражать суть текста (цель, основные результаты). Название не содержит вводных слов, четко сообщает читателям о предмете статьи. Её название не должно быть слишком длинным или слишком коротким и должно содержать не менее 3 и не более 15 слов (не считая предлогов).

Если у статьи несколько авторов, их фамилии и инициалы пишутся через запятую. Если авторы представляют разные организации, после каждой фамилии ставится надстрочная цифра, обозначающая принадлежность автора к одной из перечисленных ниже организаций. Приводятся только официальные (полные) названия организаций, недопустимы разговорные варианты – например, Губкинский университет (вместо Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина). После названия организации (учреждения) указывается город, где она находится.

Например:

И.М. Светлов¹, Ф.А. Леонов¹, Ж.Р. Кашинская²

¹ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия

²ФГАОУ ВО ««Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург, Россия

Если у статьи один автор или их несколько, но все представляют одну организацию, надстрочная цифра после фамилий и перед названием организации не ставится.

Например:

Н.К. Великанов, У.Ю. Лебедева

ГАУ ДПО «Институт развития образования», г. Ярославль, Россия

Имя, отчество и фамилия (полностью), ученая степень, должность, место работы, город, адрес электронной почты авторов и eLibrary SPIN указываются **после текста статьи** (на русском и английском языке).

Например:

СУСЛОВ Иван Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия; eLibrary SPIN: 4922-0479.

E-mail: suslov85@inbox.ru

SUSLOV Ivan V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia; eLibrary SPIN: 4922-0479.

E-mail: suslov85@inbox.ru

Правила оформления текста статьи

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, должна отвечать требованиям к научной публикации.
2. Представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию.

Требования к оформлению аннотации

1. Аннотация представляется на русском и английском языках.
2. Информация в аннотации должна соответствовать содержанию статьи, обобщать информацию, представленную в статье.
3. Аннотация должна быть самостоятельным текстом. В ней не должен повторяться дословно текст самой статьи (нельзя копировать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), не следует использовать вводные слова и обороты.
4. Рекомендуемый объем аннотации – от 300 до 1000 печатных знаков с пробелами.

Ключевые слова

Ключевые слова – это отдельные слова или словосочетания, которые пользователи вводят в поисковые системы, чтобы найти необходимую информацию. Лучше использовать словосочетания. Ключевые слова обязательно должны встречаться в тексте статьи и отражать её суть. Рекомендуемый объем – не более 10 словосочетаний.

Основной текст статьи должен быть структурирован и разделен на разделы, количество которых вариативно (обозначать названия разделов в тексте не нужно).

Например:

Постановка проблемы. Коротко характеризуется состояние изученности выбранной темы, при необходимости приводится краткий обзор литературы. Основной акцент делается на недостаточно изученных проблемах.

Методы, методология исследования. Описываются используемые автором методы, приводятся аргументы в пользу привлечения тех или иных исследовательских программ.

Основная часть. Статья как жанр научной литературы должна отличаться от диссертации как квалификационной работы. В последней обязательны такие элементы, как актуальность исследования, степень разработанности проблемы, научная новизна и т. п. В статье не имеет смысла делать акцент на всех этих моментах.

Обсуждение. В этом разделе представлено доказательное изложение авторских научных идей, результатов исследования.

Результаты. Здесь содержатся выводы исследования, акцент делается на авторском вкладе в решение поставленной проблемы.

Статья может быть структурирована согласно внутренней логике изложения материала.

Рисунки и таблицы в статье (при их наличии) должны быть пронумерованы, рисунки должны иметь подрисуночные подписи, а таблицы – название. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи должна быть ссылка. Единственный рисунок или таблица не нумеруются, слово «рисунок» в подрисуночной подписи не указывается (но сама подпись обязательно должна быть).

Ссылка в статье на литературные источники – это номер источника в списке использованной литературы, заключенный в квадратные скобки. Например: [1]. Приводить в тексте статьи полное название книги или публикации, на которую автор ссылается, с ее выходными данными недопустимо. Размещать эту информацию в сносках внизу страницы также не следует.

Использованные источники. Список использованной литературы помещается после текста статьи. Количество источников не должно превышать 15. На каждый из представленных в списке источников должна быть ссылка в тексте статьи. Например: [1, 4], [6]. Если ссылки на источник в тексте нет, включать его в список литературы не нужно.

Библиографические записи оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», который введен в действие на территории Российской Федерации с 01.07.2019 г. Найти ГОСТ можно по ссылке:

<https://ifap.ru/library/gost/701002018.pdf>. Примеры библиографических записей приведены в приложении А (с. 107–123).

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи. Предоставление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:

– текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла о статье даётся по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf);

– язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;

– формат бумаги А4;

– параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;

– к публикации принимаются статьи объемом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).

2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).

3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).

5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

6. Ключевые слова на русском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиографические описания источников выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

8. Благодарности – при их наличии (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов). Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований, приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

10. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).

11. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

12. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).

13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

14. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

15. Сведения об авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

16. Сведения об авторах на английском языке.

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.